

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

На правах рукописи

Соколова Анастасия Алексеевна

**ВОЗВРАТНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: МАСШТАБЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ,
ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ**

Специальность 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата экономических наук

Научный руководитель:
кандидат экономических наук,
доцент О.Н. Калачикова

Вологда – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЗВРАТНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ	10
1.1. Место возвратной трудовой миграции в структуре миграции и ее виды.....	10
1.2. Причины и последствия возвратной трудовой миграции	22
1.3. Методы оценки масштабов и последствий возвратной трудовой миграции	35
ГЛАВА 2. ТЕНДЕНЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗВРАТНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	45
2.1. Масштабы возвратной трудовой миграции	45
2.2. Демографические и поселенческие особенности возвратной трудовой миграции	58
2.3. Экономические последствия возвратной трудовой миграции	73
ГЛАВА 3. РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗВРАТНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ	82
3.1. Проблемы и противоречия регулирования возвратной трудовой миграции в России	82
3.2. Система прямых и косвенных мер регулирования возвратной трудовой миграции в зарубежных странах	96
3.3. Рекомендации по разработке мер регулирования возвратной трудовой миграции на примере Вологодской области	102
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	117
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	123
ПРИЛОЖЕНИЯ	

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования.

В условиях старения и сокращения численности населения локальные рынки труда сталкиваются со значительными изменениями. Внутренние трудовые ресурсы страны становятся все более ограничены в количественном и качественном выражении, растет неравномерность их распределения по территории страны. Ужесточение государственной политики в отношении внешней трудовой миграции¹, усиливает кадровый дефицит². Одним из способов сглаживания диспропорций на локальных рынках труда является перераспределение внутренних трудовых ресурсов. Однако, динамика постоянной миграции, предполагающей смену места жительства, сильно реагирует на внешние события (в т.ч. связанные с последствиями современных экономико-политических кризисов³, пандемии⁴ и т.д.) что делает ее сложно прогнозируемым явлением, менее привлекательным для долгосрочного планирования. В связи с этим актуальными становится привлечение трудовых ресурсов без смены постоянного места жительства, посредством маятниковой трудовой миграции и вахты. Данные виды перемещений позволяют гибко реагировать на кадровые запросы локальных рынков труда, нивелируя миграционный отток населения, препятствуя обезлюдиванию территорий.

На сегодняшний день оценка масштабов возвратной трудовой миграции и ее последствий осложняется отсутствием общепризнанных критериев и классификации возвратных трудовых мигрантов, налаженной системы учета и мониторинга перемещений. Оценки численности занятого населения, осуществляющего трудовую деятельность за пределами своего постоянного места жительства, варьируются⁵: эксперты называют минимальную численность маятниковых трудовых мигрантов 5–6 млн чел.⁶, а, говоря об отходничестве, утверждают, что в нем

---

¹ Чудиновских О. С. Основные изменения законодательства в области международной миграции и приобретения гражданства Российской Федерации, 2023-2024 гг.: новые правовые нормы, проекты законов и дискуссия // Демоскоп Weekly. 2024. № 1021-1022. С. 21-30.

² Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2(63). С. 223-232. DOI 10.31737/22212264_2024_2_223-232.

³ Хубиев А. А. Динамика миграционных потоков и их воздействие на социально -экономическое развитие Российской Федерации [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № S2. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/21FAVN224.pdf> (дата обращения: 22.08.2024).

⁴ Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2020. № 7(3). С. 84-107. – Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637> (дата обращения: 22.08.2024).

⁵ Махрова А.Г., Бабкин Р.А., Кириллов П.Л., Старикова А.В., Шелудков А.В. Исследования и оценки масштабов возвратной мобильности и пульсаций населения в пространстве современной России. Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. № 86(3). С. 332-352.

⁶ Антонов Е.В. Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 г. // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2006. № 2. С. 54–63.

задействовано от 1/4 до 1/3 российских семей⁷ и их число может достигать 15-20 млн. чел.⁸ Имеющиеся открытые официальные источники учитывают только межрегиональные перемещения, что существенно занижает масштабы изучаемого явления. Доступ к оценке и межрегиональных, и внутрирегиональных перемещений появился благодаря Всероссийской переписи населения-2020. Такие перспективные источники информации, как данные операторов сотовой связи⁹ или ГИС-технологии¹⁰, зачастую имеют только коммерческую основу и закрытый характер, что делает их недоступными для свободной агрегации и анализа, а также осуществляются на немногочисленных локальных территориях, не позволяя рассмотреть региональную дифференциацию участия населения в возвратной трудовой миграции.

Все вышперчисленное затрудняет комплексное исследование не только масштабов и региональных особенностей возвратной трудовой миграции на территории Российской Федерации, но и ее социально-экономических последствий, что ограничивает использование потенциала возвратной трудовой миграции как ресурса социально-экономического развития. Однозначно оценить характер влияния возвратной трудовой миграции на экономику регионов затруднительно, поскольку, с одной стороны, она трансформирует систему расселения, ослабляет бюджетные возможности региона-исхода, но, с другой – выступает инструментом сохранения населения в сельских территориях и малых городах, служит решением проблемы кадрового дефицита, оживляет экономику региона-исхода¹¹ и повышает уровень жизни населения¹². Все вышперчисленное обуславливает актуальность диссертационного исследования.

Область исследования.

Исследование выполнено в соответствии с Паспортом специальности ВАК 5.2.3 – «Региональная и отраслевая экономика»: п. 8. «Экономика народонаселения и экономика труда»; п.п. 8.17 «Экономика миграции населения. Детерминанты и социально-экономические последствия миграции. Трудовая миграция и ее регулирование. Миграционная политика.»

Объект исследования – население Российской Федерации, занятое за пределами места постоянного проживания.

---

⁷ Отходники: монография / Ю.М. Плюснин [и др.]. – М.: Новый Хронограф, 2013. – 288 с.

⁸ Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. № 641–642. 4–17 мая 2015. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php> (дата обращения: 22.08.2024).

⁹ Юмагузин В. В. Возможности и ограничения данных сотовых операторов в изучении миграции населения // В кн.: II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 4 – 5 декабря 2020 г. / Отв. ред.: С. В. Рязанцев, Т. Ростовская. М.: Объединенная редакция. 2020. С. 267-270.

¹⁰ Шитова Ю., Шитов Ю., Власов Д. ГИС-мониторинг потерь времени на маршрут дом–работа (на примере маршрута Подмосковь–Москва) // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 11. С. 103–114.

¹¹ Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 3 (43). С. 78–94.

¹² Воробьева О.Д., Топилин А.В., Аликова А.С. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов // Вест. РАН. 2020. Т. 90. № 12. С. 1156–1163.

Предмет исследования – социально-экономические отношения в процессе возвратной трудовой миграции.

Цель исследования заключается в оценке масштабов, последствий и подходов к регулированию возвратной трудовой миграции в Российской Федерации.

Цель исследования обусловила постановку и решение следующих **задач**:

– систематизировать основные научные подходы к пониманию категории «возвратная трудовая миграция», выделить виды возвратной трудовой миграции, определить место вахты и маятниковой трудовой миграции в классификации возвратной трудовой миграции;

– исследовать масштабы и динамику возвратной трудовой миграции;

– проанализировать демографические и поселенческие характеристики возвратной трудовой миграции;

– систематизировать последствия возвратной трудовой миграции, разработать и апробировать методические рекомендации по оценке экономических последствий возвратной трудовой миграции;

– обосновать направления по улучшению учета возвратной трудовой миграции и разработать методические рекомендации по формированию мер регулирования возвратной трудовой миграции.

Степень научной разработанности проблемы.

Существующие исследования охватывают различные аспекты и виды трудовой миграции, что порождает их вариативность. На данный момент сохраняется терминологическая неопределенность в отношении перемещений работников к месту труда без смены постоянного места жительства, используются «отходничество», «временная трудовая миграция», «возвратная трудовая миграция». Рассмотрение миграционных процессов невозможно представить без трудов ведущих исследователей, заложивших основы общей миграции населения таких, как Д.И. Валентей, О.Д. Воробьева, Э.Г. Равенштейн, В. Зелинский, В.А. Ионцев, М.В. Курман, Э. Ли, Г.И. Осадчая, Л.Л. Рыбаковский, О.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев, М. Тодаро, О.С. Чудиновских, Т.Н. Юдина. Масштабы, направления и социально-демографические параметры потоков внутренних перемещений трудовых мигрантов рассматривались в работах В.А. Безвербного, Ю.А. Авдеева, Ж.А. Зайончковской, О.Н. Калачиковой, Е.С. Красинца, В.М. Моисеенко, Е.Л. Мотрич, В.И. Переведенцева, А.П. Седлова, А.В. Топилина, Р.В. Татевосова, А.А. Шабуновой и др.

Вопросы возвратной трудовой миграции в отечественных исследованиях раскрываются в работах Б.С. Хорева и В.Н. Чапека, которые к данному виду миграции относили маятниковую, челночную и сезонную миграции. В зарубежных исследованиях вопросами возвратной трудовой миграции занимались К. Дагман, О. Старк, Ж.-П. Казарино и др., понимая данное явление как

процесс осуществления перемещений в страну своего происхождения после длительного периода работы за границей. Р.А. Бабкин, П.Л. Кириллов, А.Г. Махрова к возвратной мобильности населения относят маятниковую трудовую миграцию, дачно-рекреационную мобильность, отходничество и вахту, а также событийную мобильность. Отходничество анализируется в трудах Н.Н. Жидкевич, В.Н. Лексина, Т.Г. Нефедовой, Ю.М. Плюсина, А.И. Трейвиша. Вахтовая организация труда является предметом работ А.В. Смирнова, И.С. Степуть, В.В. Фаузера, М.С. Чушкиной, и др. Исследуя международные перемещения Л.Б. Карачурина, С.В. Рязанцев в понятие временной миграции включают сезонную, челночную, вахту и маятниковую трудовую миграции. Различные аспекты маятниковой трудовой миграции рассматривались Е.Б. Бедриной, Г.М. Лаппо, Т.Г. Рощиной, И.М. Таборисской, А. Хомрой, Ю.Ю. Шитовой, Ю.А. Шитовым, В.В. Юмагузиным и др.

Социально-демографические характеристики маятниковых трудовых мигрантов и вахтовых работников являются предметом социологических исследований, которые проводятся Г.Р. Баймурзиной, Л.А. Дорофеевой, Л.П. Богдановой, В.П. Серкиным и др. в регионах скопления изучаемой группы населения.

Накопленный опыт исследований не дает однозначного ответа, какие эффекты оказывает возвратная трудовая миграция на экономику и социально-демографическое развитие региона. Оценка ее экономических последствий в общероссийском масштабе была проведена Н.В. Мкртчяном и Ю.Ф. Флоринской, на примере Орловской области – Е.С. Мальцевой. Оценку последствий для маятниковых трудовых мигрантов осуществили Ю.Ю. Шитова, А.Е. Грин, Б. Кларк, А. Кюнн-Нелен, К. Чаттерджи, а отдельные последствия для здоровья, семейных отношений вахтовых работников и принимающей территории нашли отражение в работах Е.В. Нуйкиной, А.Н. Силина, К. Стори, Ф.М. Хаслам Маккензи.

Актуальность решения перечисленных проблем определила выбор темы диссертационного исследования, постановку его цели и задач.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы российских и зарубежных авторов, посвященные вопросам временной и возвратной трудовой миграции, новому отходничеству, их видам, оценке распространенности, причинам и последствиям. Особое внимание уделяется вопросам вахты и маятниковой трудовой миграции, а также имеющимся мерам регулирования в отношении данных явлений.

Для обработки, систематизации и анализа информации был использован комплекс общенаучных методов исследования: логического анализа, индукции и дедукции, анализа и синтеза, и др. В работе использовались графическая, картографическая и табличная форма визуализации данных. При оценке масштабов возвратной трудовой миграции был применен авторский подход категоризации возвратных трудовых мигрантов. Для оценки экономических

последствий возвратной трудовой миграции доработана методика расчета недополученного, привнесенного и сохраненного дохода от налога на доходы физических лиц в структуре консолидированного бюджета региона. В совокупности перечисленный методический инструментарий позволил обеспечить достоверность, обоснованность выводов исследования.

Информационную базу исследования составили положения российских государственных нормативно-правовых актов, данные Федеральной службы государственной статистики и Территориального органа государственной статистики по Вологодской области, информационные материалы Министерства финансов Российской Федерации.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Уточнено понятие и определено место возвратной трудовой миграции в структуре миграции, осуществлена классификация ее видов, выделены критерии и признаки изучаемого явления. Произведена оценка масштабов возвратной трудовой миграции в целом, по видам и ее потокам. Осуществлена систематизация последствий возвратной трудовой миграции на различных уровнях, а также разработаны и апробированы методические рекомендации по расчету экономических последствий возвратной трудовой миграции для территорий проживания и работы возвратных трудовых мигрантов, заключающиеся в расчете доли недополученного, привнесенного и сохраненного НДФЛ в структуре доходов от НДФЛ консолидированного бюджета. Определен удельный вес возвратной трудовой миграции в структуре городского и сельского занятого населения, а также доля возвратной трудовой миграции в половозрастной структуре занятого населения. Представлены методические рекомендации по совершенствованию мер регулирования возвратной трудовой миграции и выдвинут ряд рекомендаций по управлению данным явлением на территории Вологодской области.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы органами власти при разработке региональных программ социально-экономического развития, целевых программ поддержки населения, а также при формировании нормативно-правовых документов, регулирующих занятость населения, в качестве комплекса мер по регулированию возвратной трудовой миграции в регионах РФ. Разработанные в диссертации положения могут найти применение в учебном процессе на экономических факультетах вузов при изучении дисциплин «Региональная экономика», «Демография», а также в факультативных дисциплинах по выбору студентов и т.д.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Определено место маятниковой трудовой миграции и вахты в структуре возвратной трудовой миграции. Выделены обязательные и факультативные критерии возвратной трудовой миграции, что позволило уточнить авторское определение возвратной трудовой миграции.

2. Дана оценка масштабов возвратной трудовой миграции, которая составила 10,4% от численности занятого населения, где преобладающим видом является маятниковая трудовая миграция. Динамика возвратной трудовой миграции имеет меньшую вариативность по сравнению с миграцией, предполагающей смену постоянного места жительства, что свидетельствует об устойчивости трендов краткосрочных пространственных перемещений во времени.

3. Установлено, что возвратная трудовая миграция играет значимую роль в обеспечении занятости сельского населения, предоставляя возможность трудоустройства без необходимости переселения. Региональные различия в половозрастной структуре возвратных трудовых мигрантов обуславливаются особенностями региональной экономики и их географическим расположением.

4. Произведена систематизация последствий возвратной трудовой миграции по уровням и характеру влияния на ключевые субъекты социально-экономических отношений – территории, работодателя и домохозяйства. Установлено, что потери от межрегиональной возвратной трудовой миграции составляют от 0,09 до 67,2% доходной части от НДФЛ в структуре консолидированного бюджета регионов, размер привнесенного НДФЛ – от 0,33 до 16,6%. Внутрирегиональная возвратная трудовая миграция позволяет сохранить от 0,04 до 32,8% доходной части от НДФЛ в бюджете регионов, что свидетельствует о необходимости регулирования возвратной трудовой миграции.

5. Выявлено, что масштабы возвратной трудовой миграции и ее экономические последствия не учитываются в полной мере в стратегическом планировании развития регионов, что приводит к недоиспользованию потенциала возвратной трудовой миграции. Разработаны трехуровневые методические рекомендации по совершенствованию регулирования возвратной трудовой миграции, включающие в себя модификацию статистического учета, создание мер регулирования на уровне домохозяйств, работодателей и регионов, а также оценку эффективности применяемых мер.

Апробация результатов исследования

Результаты и основные положения диссертации были представлены автором на конференциях и семинарах различного уровня, среди которых Межрегиональная научно-практическая конференция «Устойчивое развитие города и региона: социальные и социологические проблемы» (г. Череповец, 1–3 ноября 2022 г.), IV Всероссийский демографический форум с международным участием (г. Москва, 2–3 декабря 2022 г.), Международная научно-практическая конференция «Молодые ученые – экономике региона» (г. Вологда, 12–16 декабря 2022 г.), VIII Международная научно-практическая интернет-конференция «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических

измерений» (г. Вологда, 27–31 марта 2023 г.), XIV Уральский демографический форум «Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам» (г. Екатеринбург, Институт экономики УрО РАН, 31 мая – 2 июня 2023 г.), Международный социологический конгресс «XX ISA World Congress of Sociology» (г. Мельбурн, Австралия, 25 июня – 1 июля 2023 г.), Международная научно-практическая конференция «Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы» (г. Минск, 16–17 ноября 2023 г.), XXIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Молодые ученые – экономике региона» (г. Вологда, 7 декабря 2023 г.), Всероссийская конференция с зарубежным участием «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (г. Москва, 12–13 декабря 2023 г.), II Всероссийский форум молодых исследователей социальных наук (г. Вологда, 15–16 февраля 2024 г.), Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2024» (г. Москва, 15 апреля 2024 г.), Московский академический экономический форум IX Международная научно-практическая интернет-конференция «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий» (г. Вологда, 14 мая 2024 г.).

По теме работы автором опубликовано 12 научных работ, имеющих индексацию РИНЦ, в том числе три коллективные монографии и 7 публикаций в изданиях, включенных в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы

Диссертация изложена на 176 страницах (объем содержательной части работы – 122 страницы), состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, приложений, включает 27 рисунков, 9 таблиц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЗВРАТНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

1.1. Место возвратной трудовой миграции в структуре миграции и ее виды

Существующий дефицит рабочей силы, последствия пандемии COVID-19, мобилизация и «релокация» части трудоспособного населения, приводят к росту вакансий во всех отраслях и профессиональных группах, что, в условиях сжимающегося предложения труда, низкого уровня безработицы, высокой текучести кадров и стагнации заработных плат негативно сказывается на устойчивом развитии экономики страны^{13,14}. За последние годы численность населения трудоспособного возраста уменьшалась в основном за счет снижающегося числа работников младше 30 лет, а снижение безработицы до 3 млн в 2022 г. не компенсировало падение предложения на рынке труда¹⁵. Значительные масштабы занятости низкого качества, сопровождаемые высокими межрегиональными различиями в условиях жизни внутри страны¹⁶ приводят к возникновению новых трудностей в функционировании региональных экономик. Одним из возможных механизмов, способных смягчить кадровый дефицит, является трудовая миграция, которая занимает важное место в перераспределении трудовых ресурсов между регионами. Особую роль в этом процессе играет возвратная трудовая миграция, включающая маятниковую трудовую миграцию и вахту, которые позволяют оптимизировать использование трудовых ресурсов. Возвратная трудовая миграция представляет собой более адаптивный и экономически целесообразный механизм восполнения кадрового дефицита по сравнению с постоянной миграцией. В отличие от последней, она не требует от работников радикальной смены места жительства, что особенно важно в условиях социальной и экономической нестабильности, когда население стремится минимизировать риски, связанные с крупными жизненными изменениями. Такой формат миграции снижает барьеры для трудовой мобильности, обеспечивая более гибкое перераспределение трудовых ресурсов между регионами и поддерживая устойчивость региональных рынков труда.

Существуют различные подходы к пониманию миграции. Так, Л. Л. Рыбаковский выделяет три основных подхода к трактовке миграции: как всеобъемлющее пространственное движение населения, как перемещение между населенными пунктами с целью смены места жительства или регулярного участия в трудовой деятельности, а также как процесс, ведущий к

---

¹³ Капелюшников Р.И. Эскалация вакансий на российском рынке труда (динамика, структура, триггеры). Препринт: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2024. 60 с.

¹⁴ Соколова А.А. Регулирование возвратной трудовой миграции в XXI веке: зарубежный опыт и российская практика // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 5. С. 126-140.

¹⁵ Красинец Е. С. Трудовая миграция в Россию: тренды развития и последствия для рынка труда // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 12(158). С. 189-198.

¹⁶ Бобков В. Н., Одинцова Е.В. Повышение качества занятости и привлекательности жизни в регионах как проблема экономической безопасности Российской Федерации // Труд и социальные отношения. 2022. Т. 33, № 6. С. 5-17.

территориальному перераспределению. Он подчеркивает, что любое территориальное перемещение, происходящее между населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности, следует рассматривать как миграцию в широком смысле этого слова¹⁷. В. И. Переведенцев различает миграцию в широком смысле, которая вбирает в себя все перемещения людей и узком в узком, которая эквивалентна переселениям с длительной сменой места жительства¹⁸. Также М. Б. Денисенко, В. А. Ионцев и Б. С. Хорев уточняют, что миграция в узком смысле представляет собой безвозвратное межпоселенное движение, в то время как в широком — включает переселение, маятниковую и сезонную миграцию¹⁹. Б.С. Хорев и В.Н. Чапек в целом делят всю миграцию в зависимости от степени продолжительности и регулярности на безвозвратную (собственно переселение) и возвратные формы, включающие маятниковую и сезонную миграцию²⁰.

Возвратная трудовая миграция – это сложное и комплексное явление, затрагивающее все уровни общественной жизни. С одной стороны, такой вид миграции является маркером уровня социально-экономического развития региона и эффективности размещения отраслей производства в разных регионах страны²¹. С другой стороны, подобный вид трудовой миграции выступает реакцией адаптации миграционного поведения населения к сложившимся условиям и явлениям в сферах труда и занятости²², а также определяется как продуманная стратегия индивида, обеспечивающая его самого и его семью доходом²³. Хорошо развитая транспортная инфраструктура и связанность населенных пунктов, неравномерность рынка труда в разных муниципальных образованиях и все более ярко выраженная разница в уровнях благосостояния населения способствуют развитию форм занятости, связанных с перемещениями людей между местом проживания и работы²⁴.

---

¹⁷ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика / М.: Наука, 1987. 200 с.

¹⁸ Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения / М.: Наука, 1975. 232 с.

¹⁹ Денисенко М. Б., В.А. Ионцев, Б.С. Хорев. Миграциология / М.: Изд-во МГУ, 1989. 96 с.

²⁰ Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения (статистико-географические очерки). Издательство «Мысль»: Москва. 1978. 241 с.

²¹ Арфае А.В., Гончарова Л.А., Мамедова В.А. Современные тенденции межрегиональной трудовой миграции в Российской Федерации. Неделя науки СПбПУ материалы научной конференции с международным участием. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли. Издательство: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». Конференция: неделя науки СПбПУ. Санкт-Петербург, 14–19 ноября 2016 г.

²² Ахметова (Хилажева) Г. Ф. Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 76–89.

²³ Cassarino J.-P. Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited // International Journal on Multicultural Societies, UNESCO. 2004. № 6 (2), Pp.253-279.

²⁴ Соколова А.А. Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России. Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 4. С. 52-70.

Интерес к вопросам занятости индивидов, работающих вне места своего постоянного проживания, трансформировался со временем, вторя изменениям, которые наблюдались в обществе. Так, исторически все начиналось с явления классического отходничества, которое заключалось во временном «отходе» крестьян на заработки в крупные города в дореволюционный период^{25,26}. Во второй половине XX века, объектом изучения исследователей становится выездное «шабашничество», то есть неофициальные сезонные работы за пределами места постоянного проживания^{27,28}. Однако, в 1990-е годы кризис и диспропорции в развитии территорий привели к изменению моделей поведения «шабашников», возрождению отходничества (появляются «новые отходники»), росту внутрироссийской мобильности и замещению постоянных миграций временными, с концентрацией на рынках труда крупных городов²⁹. Новая волна исследовательского интереса к изучаемому вопросу возобновилась после проведения Всероссийской переписи населения 2010 и в связи с появлением новых данных о межрегиональных трудовых перемещениях индивидов, выезжающих на работу в другие субъекты РФ, источником которых выступило выборочное обследование рабочей силы. Эти данные простимулировали исследование не только масштабов возвратной трудовой миграции в целом, но и позволили рассмотреть географические и поселенческие особенности данного явления^{30,31,32,33,34}.

Перемещения работников без смены постоянного места жительства определяются различными терминами: отходничество, временная трудовая миграция, возвратная трудовая миграция. Все эти термины могут обозначать индивидов, которые осуществляют трудовую деятельность не в месте их постоянного проживания, что входит в сферу нашего научного

---

²⁵ Буркин С.Л. Численность отходников в России в конце XIX в. // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 201–205.

²⁶ Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России. М.: Наука, 1983. 270 с.

²⁷ Валетов Т.Я. Самоорганизованные сезонные бригады (шабашники) в СССР в 1960–1980-х гг.: экономические и социальные аспекты // Экономическая история. Обозрение. Выпуск 14 / Под ред. Л.И. Бородкина. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 203–226.

²⁸ Короленко А.В., Калачикова О.Н. Современная территориальная и социально-демографическая специфика вахтовой трудовой миграции в России. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 3. С. 206–225.

²⁹ Жидкевич Н.Н. Современные отходники севера и юга европейской части России // Крестьяноведение. 2017. № 2 (3). С.97–107.

³⁰ Нефедова Т.Г. Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2015. № 2. С 93–100.

³¹ Аверкиева К.В. Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: ИД «Кодекс», 2013. С. 108–125.

³² Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М. [и др.]. Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с.

³³ Рощина Т.Г. Трудовая миграция как фактор повышения уровня жизни населения малых городов России // Вестник РАН. 2007. Т. 77, № 9. С. 827–830.

³⁴ Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы Экономики. 2016. № 4. С. 103–123.

интереса. В практике зарубежных стран «return labor migration» или дословно переводя «возвратная трудовая миграция», охватывает широкий спектр явлений. Возвратных мигрантов определяют, как тех, кто осуществляет миграцию в страну своего происхождения³⁵, однако в данном случае делается акцент на том, что подобные перемещения не эквивалентны реэмиграции, хоть и являются очень близкими по смыслу, и касаются ситуации, когда индивид возвращается после длительного периода работы за границей в страну своего проживания^{36,37}. Другая точка зрения определяет возвратных трудовых мигрантов как индивидов, которые совершают систематические выходы на работу без переезда. Исследовательский коллектив во главе с Ю.М. Плюсниним изучают современные виды отходничества, где подчеркивают, что это не только вид внутренней трудовой миграции, но также и особый вид экономического поведения. Исследователи подчеркивают, что возвратность – это один из главных признаков подобных перемещений³⁸. М.В. Батырева определяет внутреннюю возвратную миграцию как форму миграционных перемещений, при которой индивиды не проходят регистрацию по месту пребывания, связанного с работой вне места постоянного проживания³⁹.

Если рассмотренный термин возвратной трудовой миграции и отходничества в российском научном дискурсе относится по большей части к выходам на работу с периодичностью не чаще одного раза в неделю⁴⁰, то в классификацию временных мигрантов попадает больший спектр перемещений, в том числе и маятниковые трудовые мигранты, для которых характерна кратковременность перемещений. Феномен временной миграции часто рассматривают в контексте международных территориальных перемещений⁴¹, которые включают в себя, кроме уже названных, такие формы, как миграция коммерсантов "челноков", вахту, сезонные перемещения⁴². Использование характеристики «временный» в данном

---

³⁵ King R. Return Migration: A neglected aspect of population Geography // Area. 1978. Vol. 10. № 3. Pp. 175-182.

³⁶ Габдрафикова Л.Р. «Новые люди» Закавказья: возвратная миграция и сельская повседневность XIX – начала XX вв. Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории. материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Российское общество исследователей экономической истории, Марийское региональное отделение российского общества историков-архивистов. Издательство: Марийский государственный университет (Йошкар-Ола). 2018. С. 188-194.

³⁷ Цыренов Д. Д., Мадиева М. Г. Особенности возвратной миграции молодежи в Республику Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 1. С. 54-58.

³⁸ Плюснин Ю. М., Позаненко А. А., Жидкевич Н. Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. Социология. Этнология. 2015. №1. С. 35-71.

³⁹ Батырева М. В., Селезнева Т.А. Об опыте изучения внутренней возвратной трудовой миграции на региональном и городском уровне // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3. № 3. С. 45-57.

⁴⁰ Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 3 (43). С. 78–94.

⁴¹ Карачурина Л. Б. Миграционные процессы (временная трудовая миграция) // Экономико-политическая ситуация в России. 2012. № 10. С. 54-57.

⁴² Рязанцев С.В. Новые формы временной эмиграции из России. Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 2. С. 81–93.

контексте может быть связано с временным разрешением на осуществление трудовой деятельности мигрантов, поскольку речь идет именно об иностранных гражданах.

В нашем исследовании мы отдаем приоритет термину «возвратная трудовая миграция», поскольку он акцентирует внимание на систематическом характере возвращения и цикличности подобных перемещений. В отличие от временной трудовой миграции, где перемещения могут прекратиться по истечении определенного срока, возвратная миграция подразумевает наличие устойчивых повторяющихся циклов. Важно подчеркнуть регулярные возвращения трудовых мигрантов, поскольку это играет ключевую роль в анализе долгосрочного влияния возвратной трудовой миграции на социально-экономическое развитие как регионов исхода, так и регионов работы.

Разделяя миграционные перемещения на те, которые предполагают перемену постоянного места жительства и процедуру получения регистрации и на те, которые не предполагают переезд, мы получаем два крупных вида миграции – постоянная миграция и возвратная (рис. 1).

Рисунок 1. Место маятниковой трудовой миграции и вахты в структуре миграции

* Термин "вахта" применяется в эквиваленте "вахтовый метод", закрепленный в ТК РФ, ст. 297

Источник: составлено автором.

Возвратная миграция делится на два вида по времени отсутствия в месте постоянного проживания. Долгосрочная возвратная миграция, предполагает совершение систематических, повторяющихся выездов на работу на срок от 3х до 12 месяцев, а кратковременная – выездов на

срок менее 3х месяцев. Говоря о постоянной долгосрочной миграции временные рамки имеют разные границы от трех месяцев до одного года^{43,44,45}. Поскольку возвратная трудовая миграция сама по себе предполагает более интенсивную частоту возвращений, то в нашем исследовании кратковременной будут считаться те перемещения, которые совершаются на срок до 3х месяцев, поскольку это эквивалентно максимально допустимому сроку обычной вахты, а к долговременной вахте те перемещения, которые совершаются на срок от 3 до 12 месяцев, что как раз вбирает в себя отсутствие в связи с образовательной деятельностью студентов в течении учебного года и максимально допустимый срок мореходной вахты⁴⁶.

И долгосрочная, и краткосрочная возвратная трудовая миграция может подразделяться на различные виды по цели миграции. Поскольку на сегодняшний день статистическая информация позволяет нам отследить только краткосрочную трудовую возвратную миграцию, то остановимся на данных разновидностях подробнее. Ряд советских исследователей к возвратной форме миграции относили два вида пространственных перемещений: маятниковую(челночную) и сезонную⁴⁷. На наш взгляд, возвратная краткосрочная трудовая миграция подразделяется на регулярную и нерегулярную. Регулярной будет та миграция, которая подразумевает под собой систематические отрезки времени для возвращения к постоянному месту жительства мигранта^{48,49}, а также, по нашему мнению, еще одним важным критерием является наличие определенного и постоянного трудового графика. Регулярная краткосрочная возвратная трудовая миграция подразделяется на вахту и маятниковую миграцию. Нерегулярная миграция – та, которая не отличается постоянством, такая как, например, сезонная или челночная занятость. Численная оценка сезонной миграции затруднена, в виду отсутствия методики учета данной группы населения, а также их нестабильному количественному распределению, которое сильно

---

⁴³ Рязанцев С.В. Новые формы временной эмиграции из России. Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 2. С. 81–93.

⁴⁴ Цыренов Д. Д., Мадиева М. Г. Особенности возвратной миграции молодежи в Республику Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 1. С. 54-58.

⁴⁵ Габдрафикова Л.Р. «Новые люди» Заказанья: возвратная миграция и сельская повседневность XIX – начала XX вв. Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории. материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Российское общество исследователей экономической истории, Марийское региональное отделение российского общества историков-архивистов. Издательство: Марийский государственный университет (Йошкар-Ола). 2018. С. 188-194.

⁴⁶Федеральное отраслевое соглашение по морскому транспорту на 2021 - 2024 гг. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». Режим доступа – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400664761/> (дата обращения: 16.09.2024).

⁴⁷ Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения (статистико-географические очерки). Издательство «Мысль»: Москва, 1978. 241 с.

⁴⁸ Рязанцев С.В. Новые формы временной эмиграции из России. Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 2. С. 81–93.

⁴⁹ Туракаев М. С. Временная трудовая миграция в России: актуальные вопросы и социологические исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 4. С. 34-58.

варьируется в различные времена года⁵⁰. Сложность учета сезонной и челночной миграции заключается еще и в том, что часто они могут иметь неформальный характер занятости.

В англоязычной литературе наиболее близким термином, отражающим сущность маятниковой миграции, является термин «commuting», который в целом обозначает поездки на работу продолжительностью не менее 45 минут в одном направлении⁵¹. Важно отметить, что термин «commuting» обозначается в большей степени способ перемещения до рабочего места, а не как трудовая миграция. Но, в фокусе зарубежных исследований находятся вопросы о том, какие факторы влияют на выбор маятниковой трудовой миграции⁵² и ведет ли она к постоянной миграции⁵³.

В отечественном научном дискурсе маятниковую трудовую миграцию определяют как регулярные поездки к месту работы или учебы за пределы своего населенного пункта по стабильным маршрутам⁵⁴, зачастую ежедневно или сроком от двух до пяти дней⁵⁵. Табориская И.М. определяет ее как сложный процесс, связанный с изменением места и сферы приложения труда, характера трудовой деятельности и принадлежности к социальной группе⁵⁶, в то время как Хорев Б.С. рассматривает маятниковую миграцию как частный случай подвижности населения, зависящий от расселения людей относительно мест работы и учреждений⁵⁷. Существует и точка зрения, что маятниковая трудовая миграция представляет собой связь, определяющую обмен между объектами⁵⁸.

Вахта рассматривается исследователями, как вариант отходничества, поскольку имеет общее происхождение, мотивы и форму реализации⁵⁹. Однако, отходничество, в большей степени носит временный и сезонный характер перемещений, тогда как вахта – регламентирована трудовым кодексом и включает в себя регулярные перемещения в соответствии с условиями трудового договора⁶⁰. Научный коллектив под руководством

---

⁵⁰ Землянский Д.Ю. Индикативный подход к оценке сезонной динамики размещения населения в России // Региональные исследования. 2011. № 3. С.83-92.

⁵¹ Costa G, Pickup L., Di Martino V. Commuting-a further stress factor for working people: evidence from the European community // International Archives of Occupational and Environmental Health. 1988. № 60(5). Pp. 377-385.

⁵² Romani J., Suriñach J., Artiis M. Are commuting and residential mobility decisions simultaneous? The case of Catalonia, Spain //Regional Studies. 2003. Vol. 37. №. 8. Pp. 813-826.

⁵³ Shuai X. Does Commuting Lead to Migration? The Journal of Regional Analysis & Policy. 2012. № 42 (3) Pp. 237-250.

⁵⁴ Афонин М.В. Миграционные процессы в современном городе: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 108 с.

⁵⁵ Бедрина Е. Б., Козлова О. А., Ишуков А. А. (2018). Методические вопросы оценки маятниковой миграции населения // Ars Administrandi (Искусство управления). 2018. Том 10. № 4. С. 631–648.

⁵⁶ Табориская И.М. Маятниковая миграция населения (теория, методология, практика) / И.М. Табориская. М.: Статистика, 1979. 176 с.

⁵⁷ Хорев Б.С. Роль маятниковой миграции во взаимосвязи городского и сельского расселения и основные задачи ее регулирования. //Проблемы расселения в СССР. М.: Статистика, 1980. С. 222-234.

⁵⁸ Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М.,1977. 199 с.

⁵⁹ Лексин В.Н. Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий // Регион: экономика и социология. 2021. № 3 (111). С. 133–153.

⁶⁰ Туракаев М.С., Баймурзина Г.Р. Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 6. С. 115–133.

Ю.М. Плюснина определяет отходничество как специфическую форму трудовой миграции, характеризующуюся участием преимущественно жителей малых городов и сельской местности, значительной удаленностью работы от места проживания, сезонностью домашних дел, а также самостоятельным поиском работы и стремлением к улучшению материального положения без намерения менять место постоянного жительства^{61,62}.

Для обозначения вахты в практике зарубежных страны часто используются термин «FIFO» (fly in – fly out), который описывает метод трудоустройства людей в отдаленных районах путем временной доставки их на рабочее место и в зависимости от способа транспортировки работника может называться «DIDO» (drive in – drive out), «BIBO» (busin – busout) и «SISO» (ship in – ship out), а также термин «long-distance commuting», который дословно означает маятниковые трудовые перемещения на дальние расстояния^{63,64}.

Возвратной трудовой миграции присущ ряд основных и специфических критериев и признаков (рис.2). Основные критерии – те, которые присущи всем видам возвратной трудовой миграции: характер перемещений, локализация и обстоятельства выбора. Специфическими будут те критерии, которые позволяют отделить один вид возвратной трудовой миграции от другого. К таким критериям мы отнесли частоту, расстояние, нормативность⁶⁵.

---

⁶¹ Короленко А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 191–212.

⁶² Отходники: монография / Ю.М. Плюснин [и др.]. М.: Новый Хронограф, 2013. 288 с.

⁶³ Hoath A., Haslam McKenzie F.M. The Socio-Economic Impacts of Long-Distance Commuting on Source Communities. Perth: Co-operative Research Centre for Remote Economic Participation and Curtin Graduate School of Business, 2013. 72 p.

⁶⁴ Короленко А.В., Калачикова О.Н. Современная территориальная и социально-демографическая специфика вахтовой трудовой миграции в России. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 3. С. 206-225.

⁶⁵ Соколова А.А., Калачикова О.Н. Миграционная ситуация и социально-демографические характеристики мигрантов Северо-Западного федерального округа // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2022. Т. 18. № 3. С. 43-56.

Возвратная трудовая миграция														
	Критерий	Признаки												
Основные	Характер перемещений	Возвратность, цикличность, неоднократность, стабильный, повторяющийся маршрут перемещений												
	Локализация	Факт пересечения границы территории постоянного проживания												
	Обстоятельства выбора	Отсутствие возможности трудоустройства по месту жительства на условиях, приемлемых для работника и т.д.												
		<table border="1"> <thead> <tr> <th></th> <th>Маятниковая трудовая миграция</th> <th>Вахта</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Частота</td> <td>Ежедневно, несколько раз в неделю</td> <td>Сроком до 1 месяца (макс. срок 3 месяца)</td> </tr> <tr> <td>Расстояние</td> <td>До 120-150 км</td> <td>Не имеет ограничений</td> </tr> <tr> <td>Нормативность</td> <td>Форма трудового договора идентична трудовому договору основных работников. Дополнительные гарантии закреплены в ЛНПА предприятия</td> <td>Форма трудового договора отличается от трудового договора основных работников. Дополнительные гарантии закреплены в ТК РФ</td> </tr> </tbody> </table>		Маятниковая трудовая миграция	Вахта	Частота	Ежедневно, несколько раз в неделю	Сроком до 1 месяца (макс. срок 3 месяца)	Расстояние	До 120-150 км	Не имеет ограничений	Нормативность	Форма трудового договора идентична трудовому договору основных работников. Дополнительные гарантии закреплены в ЛНПА предприятия	Форма трудового договора отличается от трудового договора основных работников. Дополнительные гарантии закреплены в ТК РФ
	Маятниковая трудовая миграция	Вахта												
Частота	Ежедневно, несколько раз в неделю	Сроком до 1 месяца (макс. срок 3 месяца)												
Расстояние	До 120-150 км	Не имеет ограничений												
Нормативность	Форма трудового договора идентична трудовому договору основных работников. Дополнительные гарантии закреплены в ЛНПА предприятия	Форма трудового договора отличается от трудового договора основных работников. Дополнительные гарантии закреплены в ТК РФ												
Специфические														

Рисунок 2. Критерии и признаки возвратной трудовой миграции

Источник: составлено автором.

Характер перемещений. Отличительной чертой всех видов возвратной трудовой миграции является ее возвратность, цикличность и не однократность совершаемых перемещений. Важно подчеркнуть, что в основном маятниковая трудовая миграция носит устойчивый^{66,67} и постоянный⁶⁸ характер, в особенности, если мы говорим о легальной занятости. Возвратный трудовой мигрант может годами совершать подобные перемещения, имея постоянную занятость у одного и того же работодателя. Маршруты подобного индивида также будут иметь относительно стабильную траекторию⁶⁹.

Существует точка зрения, говорящая о том, что постоянная миграция может рождаться из возвратных видов миграции, в частности из маятниковой трудовой миграции^{70,71}, но параллельно

⁶⁶ Рыбальская Е.А. Маятниковая миграция населения как фактор формирования пассажирских связей // Экология промышленного производства. 2016. №3. С. 42-45.

⁶⁷ Баул А.Ф. Маятниковая миграция населения в пригородных зонах некоторых городов Латвийской ССР // Районная планировка и градостроительство. / Межвузовский научный сборник. 1973. № 1. С. 112-128.

⁶⁸ Маятниковая миграция сельского населения / под ред. Д. И. Валентей. М.: Финансы и статистика, 1981. 87 с.

⁶⁹ Афонин М.В. Миграционные процессы в современном городе: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 108 с.

⁷⁰ Югов Е. А. Трудовые ресурсы сельского района и их использование // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2018. № 2(57). С. 174-185.

⁷¹ Shuai X. Does Commuting Lead to Migration? The Journal of Regional Analysis & Policy. 2012. № 42 (3) Pp. 237-250.

с ней существует и другая, которая утверждает, что большая часть людей, совершающих возвратные территориальные перемещения, не хотят менять постоянное место жительства⁷² и надолго остаются приверженными такой трудовой стратегии^{73,74}: такие индивиды, выражают готовность и дальше практиковать подобное трудовое поведение⁷⁵.

Локализация. Для изучаемого явления характерен факт пересечения административной границы населенного пункта с целью выполнения трудовых функций. Важно отметить, что все возвратные трудовые мигранты не меняют своего постоянного места проживания и не проходят процедуру регистрации по новому месту жительства.

Обстоятельства выбора данной трудовой стратегии. В большинстве исследований выявлен вынужденный характер отъезда на заработки для материального обеспечения семьи⁷⁶, однако, присутствуют и мотивы профессиональной самореализации, престижа работы^{77,78}.

Специфические критерии позволяют определить вид возвратной трудовой миграции.

Частота. Факт регулярности и систематичности совершения маятниковой трудовой миграции является более значимым, чем периодичность возвращения домой, так как в научном сообществе есть расхождения относительно количественного эквивалента таких перемещений: это может быть ежедневный процесс или затягиваться до двух-пяти дней⁷⁹, или происходить еженедельно. Главным критерием частоты маятниковых трудовых перемещений будет выступать график работы трудового мигранта. В таком случае периодичность подобных перемещений будет варьироваться, но, в общем и целом, маятниковый мигрант будет всегда возвращаться домой после каждой рабочей смены в зависимости от графика работы. В отношении вахты максимальные сроки перемещений определяются Трудовым Кодексом РФ⁸⁰ и подразумевают период пребывания в месте работы до 1 месяца, или до 3 месяцев, если это

---

⁷² Дорофеева Л.А., Касьянова Е.А. Маятниковая миграция населения в Красноярской городской агломерации (на примере населенных пунктов Емельяновского района) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». 2017. Т. 20. С. 25-42.

⁷³ Öhman M., Lindgren U. Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden [Электронный ресурс] // Cybergeog. European journal of geography. 2003. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/cybergeog/4118?Lang=en#citedby>. (дата обращения: 16.09.2024).

⁷⁴ Shadow E., Westin K. The persevering commuter - Duration of long-distance commuting. Transportation Research. 2010. № 44. P. 433-445.

⁷⁵ Rüger H., Stawarz N., Skora T., Wiernik B.M. Longitudinal relationship between long-distance commuting willingness and behavior: Evidence from European data. Journal of Environmental Psychology. 2021. № 77. Pp.1-12.

⁷⁶ Жидкевич Н.Н. Региональные различия внутренней возвратной трудовой миграции // Общественные науки. Социология. 2014. № 1(29). С. 109-118.

⁷⁷ Плюснин Ю. М., Позаненко А. А., Жидкевич Н. Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. Социология. Этнология. 2015. №1. С. 35-71.

⁷⁸ Ильин В.И. Анатомия социального успеха в географическом пространстве // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 6 (108). С. 29-33.

⁷⁹ Бедрина Е. Б., Козлова О. А., Ишуков А. А. Методические вопросы оценки маятниковой миграции населения // Ars Administrandi (Искусство управления). 2018. Том 10. № 4. С. 631–648.

⁸⁰ Федеральный Закон «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 10.10.2024).

закреплено в локальных нормативно-правовых актах предприятия. Минимальный срок вахты законодательно не установлен, но может составлять от 5 дней⁸¹, а наиболее распространенный – 15 суток⁸².

Расстояние перемещений. Существует два способа рассмотрения аспекта расстояния: измерение количества километров и измерение затрачиваемого на дорогу времени. Концентрация внимания на вопросе количества километров в вопросе маятниковой трудовой миграции характерно для отечественных авторов, которые устанавливают цифру в 120⁸³ -150⁸⁴ км максимум. В иностранной литературе есть понятие «временная граница поездок»⁸⁵. Затрачиваемое на дорогу маятниковым мигрантом время, зачастую зависит от развития транспортных средств и инфраструктуры в определенном городе, регионе или даже стране. Параметр временных затрат позволяет принимать во внимание такие факторы как плотность движения, доступность и скорость поездок на работу⁸⁶.

График работы вахтой позволяет индивидам совершать перемещения на расстояния, значительно превышающие те, которые характерны для маятниковых трудовых мигрантов. Зачастую территории работы представляют собой удаленные от основного места жительства малозаселенные районы, расположенные в труднодоступных местах, с экстремальными природными условиями⁸⁷, транспортировка к которым требует привлечения нескольких видов транспортных средств. В последние годы, наметился процесс трансформации мест приложения труда вахтовым способом, который поменял географию выездов, включив города федерального значения и территории с развитым туристическим сектором⁸⁸.

Нормативность. Основу данного критерия составляет форма трудового договора, которую заключают с работником–возвратным трудовым мигрантом. В случае маятниковой трудовой миграции трудовой договор ничем не отличается от типового трудового договора, а дополнительные социальные гарантии прописываются в локальных нормативных актах

---

⁸¹ Жидкевич Н.Н. Социальный портрет современного российского отходника // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 1. С. 73–89.

⁸² Колосова О. Г. Трудовые проблемы развития Севера. Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 1 (2 (32)). С. 21-25.

⁸³ Дорофеева Л.А., Касьянова Е.А. Маятниковая миграция населения в Красноярской городской агломерации (на примере населенных пунктов Емельяновского района) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». 2017. Т. 20. С. 25-42.

⁸⁴ Отходники: монография / Ю.М. Плюснин [и др.]. М.: Новый Хронограф, 2013. 288 с.

⁸⁵ Stutzer A., Fray B. S. Stress That Doesn't Pay: The Commuting Paradox. IZA Working Paper, IZA DP. 2004. No. 1278. 40 p.

⁸⁶ Gimeno-Nadal J.I., Molina J.A., Velilla J. Trends in commuting time of European workers: A cross-country analysis // Transport Policy. 2022. V. 116. Pp. 327-342.

⁸⁷ Логинов В.Г. Вахтовый метод как основной источник рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики // Известия Уральского гос. горного ун-та. 2021. № 2 (62). С. 191–201.

⁸⁸ Как изменить жизнь на несколько месяцев, или Правда о вахте [Электронный ресурс] // Группа компаний HeadHunter. – Режим доступа: <https://spb.hh.ru/article/29795>. (дата обращения: 10.10.2024).

предприятия. В случае с вахтовой занятостью в трудовом договоре прописывается характер работы, специфические для вахты гарантии и т.д., которые закрепляются ТК РФ.

Таким образом, под возвратной трудовой миграцией в работе понимается возвратное, цикличное неоднократное перемещение на территорию другого населенного пункта с целью выполнения трудовых функций с пересечением границ населенного пункта проживания без смены постоянного места жительства с различной периодичностью. В соответствии с выделенными специфическими критериями и признаками, маятниковая трудовая миграция будет представлять собой индивида, который осуществляет перемещения ежедневно или несколько раз в неделю (в зависимости от графика работы) на расстояние, не превышающее 150 км. Маятниковый трудовой мигрант самостоятельно организует и оплачивает проезд до места работы и обратно. Такой индивид заключит трудовой договор ничем отличающийся от типового договора с работником, занятым в том же населенном пункте. Вахтовый работник выезжает на работу на длительный срок (максимум до 3-х месяцев), при этом ограничения по расстоянию его перемещений отсутствуют, а география может быть весьма обширной. Трудовой договор с вахтовым работником включает обязательные элементы, регламентирующие особенности режима труда и отдыха, соответствующие вахтовой организации труда, как то предусмотрено главой 47 Трудового кодекса Российской Федерации. Работодатель организует и оплачивает проезд до места работы вахтового работника, а также обеспечивает его питанием.

1.2. Причины и последствия возвратной трудовой миграции

Одной из особенностей современных миграционных перемещений является то, что миграция стимулируется развитием информационно-коммуникационных, транспортно-логистических⁸⁹, торгово-финансовых и иных связей⁹⁰. Принято считать, что миграция призвана удовлетворять потребности людей в обеспечении достойными рабочими местами, тем самым повышая их уровень жизни. Феномен возвратной трудовой миграции обуславливается противоречием процесса соединения рабочей силы и средств производства, не совпадающих территориально. Причинами возникновения данного феномена могут быть диспропорция системы расселения с размещением производительных сил, а также фактор пространственной дифференциации цены труда⁹¹. В условиях роста различий между городом и селом усиливается трудовая мобильность людей⁹², которая возникает в ситуации, когда в населенном пункте проживания становится невозможно трудоустроиться в соответствии со своими карьерными и зарплатными ожиданиями, что побуждает население искать работу в других населенных пунктах и регионах.

На решение о переезде влияют как объективные факторы окружающей среды, так и субъективные. Так, по классификации Л.Л. Рыбаковского, существуют факторы–условия, которые представляют собой совокупность средовых детерминант (например, уровень экономического развития, уровень развития социальной инфраструктуры и т.п.) и факторы–структуры, которые представляют собой качественную и количественную характеристику самого населения (возрастная структура населения, половой состав населения и т.д.)⁹³. С точки зрения управляемости Т.И. Заславская выделяет факторы не управляемые, косвенно регулируемые и непосредственно управляемые обществом⁹⁴.

Механизм принятия решения начинает запускаться на первой стадии миграционного процесса, которая характеризуется формированием территориальной подвижности населения⁹⁵. Привычно рассматривать данный этап в контексте постоянной миграции, когда у индивида

---

⁸⁹ Yara L., Polese M., Wolpert J. Interdependencies of Commuting, Migration, and Job Site Relocation // *Economic Geography*. 1971. № 47. Pp. 59-72.

⁹⁰ Якунина В.А., Крутиков В.К. Региональный подход к трансформации миграционной политики // *Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление*. 2022. № 19. С. 39-41.

⁹¹ Zhang L. Economic Migration and Urban Citizenship in China: The Role of Points Systems. *Population and development review*. 2012. V 38. N 3. 2012. Pp.211-245.

⁹² Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки [Электронный ресурс] // *Демоскоп Weekly*. 2015. № 641-642. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php>. (дата обращения: 10.10.2024).

⁹³ Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // *Народонаселение*. 2017. №2. С. 51-61.

⁹⁴ *Миграция сельского населения* / под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970. 348 с.

⁹⁵ Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // *Народонаселение*. 2017. №2. С. 51-61.

появляется намерение к переезду. На этом этапе человек осознает внутренне противоречие, связанное с его текущим местом проживания, и он сталкивается с выбором того, что будет для него более оптимальным вариантом – постоянная или возвратная миграция.

Согласно неоклассической экономической теории, миграция возникает из-за различий в уровне заработной платы между территориями⁹⁶. Первоначально эта концепция объясняла внутреннюю миграцию из сельской местности в города, но её ключевые идеи применимы и к возвратной трудовой миграции. В рамках рассматриваемого направления, поведение мигрантов рассматривается как набор рациональных актов поведения, которые приводят к минимизации транзакционных издержек⁹⁷ и максимизации своего заработка и карьерных возможностей⁹⁸. Триггером для миграционных перемещений выступает факт отсутствия возможностей получения дохода и развития в месте проживания⁹⁹. Применительно к возвратной трудовой миграции, это означает, что работник сможет получать более высокую зарплату на другой территории и при этом ему не потребуется тратить средства и силы на переезд, он сохранит связи с той средой, к которой привык, что делает маятниковые и вахтовые перемещения более оптимальным выбором, чем постоянная миграция.

В соответствии с теорией человеческого капитала, индивиды принимают миграционные решения, сравнивая затраты и выгоды от переезда. Г. Беккер рассматривает трудовую миграцию как способ повышения рентабельности вложений в человеческий капитал¹⁰⁰, а более поздние теории акцентировали внимание на миграции как инвестиции, включающей как затраты, так и доходы¹⁰¹. Мигранты часто более квалифицированы, что увеличивает их шансы на успех¹⁰². Исследования подтверждают, что работники с высоким уровнем образования более мобильны¹⁰³. В случае возвратных трудовых мигрантов можно предположить, что их более высокая квалификация и конкурентоспособность в месте проживания позволяют им претендовать на лучшую работу на территории другого населенного пункта. Одновременно с этим, возвратные трудовые перемещения для индивида снижают его издержки и предоставляют возможность

---

⁹⁶ Hicks J.R. *The Theory of Wages*. London: Macmillan, 1963. P. 212-213.

⁹⁷ Азимов А.Д. Неоклассическая теория рационального поведения и её ограниченность // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2016. № 1 (66). С. 100-108.

⁹⁸ Cassarino J.-P. *Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited* // *International Journal on Multicultural Societies*, UNESCO. 2004. № 6 (2), Pp.253-279.

⁹⁹ Айрапетян Э. М., Покровская Н.Н. Факторы миграции на постсоветском пространстве (опыт армянских мигрантов в Вологодской области) // *Социальное пространство*. 2022. Т. 8. № 2.

¹⁰⁰ Becker G.S. Nobel Lecture: *The Economic Way of Looking at Behavior* // *Journal of Political Economy*. 1993. № 101 (3). Pp. 385–409.

¹⁰¹ Sjaastad L.A. *The Costs and Returns of Human Migration* // *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. Pp. 80-93.

¹⁰² Абылкаликов С. И., Винник М.В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // *Бизнес. Общество. Власть*. 2012. № 12. С. 1-19.

¹⁰³ Faggian A., Mccann P. *Human capital, graduate migration and innovation in British regions* // *Cambridge Journal of Economics*. 2009. № 33. Pp. 317–333.

получать больше, в том числе с точки зрения не только денежного эквивалента оплаты своего труда, но и инвестируя в свой человеческий капитал на долгосрочную перспективу.

Теория новой экономики трудовой миграции рассматривает трудовую миграцию, как процесс, при котором рабочая сила уходит из одного сектора для удовлетворения спроса в другой¹⁰⁴. Трудовая миграция воспринимается уже не как индивидуальное решение, а как решение социальной группы – семьи или домохозяйства. Домохозяйство не только разделяет ответственность за принятие решения между членами, но также и издержки, и доходы распределяются между его участниками. Групповые решения, в отличие от индивидуальных, требуют большей рациональности, что делает принятие решения более осозанным. Таким образом, мигрант сравнивает доходы не по региональным различиям в оплате труда, а по доходам окружающих его людей и это в конечном итоге, влияет на его миграционные передвижения¹⁰⁵. В данном случае на принятие решения о переезде влияет неудовлетворенность своим социальным положением в данном обществе¹⁰⁶. Сдерживать постоянную миграцию могут такие субъективные факторы как опасения по поводу влияния переезда на карьеру партнера и разрушительные последствия переезда для образования детей¹⁰⁷. Следовательно, с такой точки зрения, возвратная трудовая миграция является компромиссным решением для всех участников домохозяйства, поскольку длительность поездки на работу (в случае маятниковой трудовой миграции) и временные периоды отсутствия дома (в случае вахты) для одного человека заменяют миграцию всего домохозяйства, таким образом поддерживая устойчивость домохозяйства, что особенно важно в периоды нестабильной экономической ситуации.

В рамках теории сетей миграция объясняется существующими социальными связями, которые помогают уменьшить риски и издержки территориального перемещения¹⁰⁸. Возвратная трудовая миграция тесно связана с сетями: родственники, друзья или коллеги, уже работающие в другом регионе, могут предоставлять информацию и помощь. Так, существует точка зрения, что маятниковая трудовая миграция — это прежде всего связь, под которой понимается «объективные отношения между объектами, выражающиеся в регулярном обмене веществом,

---

¹⁰⁴ Шеншинов Ю. В. Базовые мотивы трудовой миграции в условиях новой экономики // Алтайский вестник Финансового университета. 2019. № 4. С. 18-26.

¹⁰⁵ Stark O. Rural-to-urban Migration in LDCs: a Relative Deprivation Approach // Economic Development and Cultural Change. 1984. Vol. 32. № 3. Pp. 475-486.

¹⁰⁶ Гребенюк А.А. Теоретические подходы к изучению международной трудовой миграции // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Том 1. № 1. С. 17–38.

¹⁰⁷ Bonney N., Love J. ‘Gender and migration: geographical mobility and the wife’s sacrifice’ // Sociological Review. 1991. № 39(3). Pp. 335–48.

¹⁰⁸ Массей Д. На пути к всеобъемлющей модели международной миграции // Миграция и развитие: докл. и ст. ведущих секций и докладчиков Международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сент. 2007 г. М.: БиЭльПринт, 2007. С. 146–172.

энергией (и информацией) и определяющие на этой основе все иные взаимодействия между ними»¹⁰⁹.

Основываясь на базовых идеях и законах миграции Э.Г. Равенштейна¹¹⁰ Э. Ли в своей теории притяжения и выталкивания¹¹¹ выделяет факторы, влияющие на миграционные перемещения: притягивающие, выталкивающие и промежуточные. Притягивающие факторы включают более высокий уровень заработной платы и карьерные перспективы, выталкивающие – нехватку рабочих мест или низкий доход в месте постоянного проживания. К промежуточным факторам относятся увеличение расстояния между территориями, транспортные расходы, доступность информации о предполагаемом регионе прибытия¹¹². Отличительной чертой данной теории является очень важное замечание о том, что восприятие факторов сугубо индивидуально^{113,114}.

Прийти к пониманию причин возвратных трудовых перемещений можно через поведение индивидов. Любой поведенческий акт – это реакция на какой-либо стимул извне, в нашем случае – реакция трудовых мигрантов на внешние обстоятельства. Трудовую миграцию можно рассматривать как уравнивающий механизм: отдельные мигранты реагируют на различия между территориальными единицами в уровнях безработицы и достижимых реальных доходах¹¹⁵. При принятии решения мигранты оценивают привлекательность территорий, которая определяется уровнем социально-экономического развития, природными условиями, качеством инфраструктуры и безопасностью^{116,117}.

Исследования в отношении факторов, воздействующих на выбор именно возвратных видов трудовых миграций немногочисленны. Влияние экономического фактора, как правило, у данной категории мигрантов выдвигается на первый план¹¹⁸. Исследователи выделяют такие мотивы, как ограниченные возможности приобретения жилья в регионе работы и стремление

---

¹⁰⁹ Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М., 1977. 199 с.

¹¹⁰ Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1889. Vol. 48. No. 2. Pp. 167-235.

¹¹¹ Lee E.S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No. 1. Pp. 47-57.

¹¹² Шеншинов Ю. В. Базовые мотивы трудовой миграции в условиях новой экономики // Алтайский вестник Финансового университета. 2019. № 4. С. 18-26.

¹¹³ Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2004. 285 с.

¹¹⁴ Cassarino J.-P. Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited // International Journal on Multicultural Societies, UNESCO. 2004. № 6 (2). Pp.253-279.

¹¹⁵ Green A. E., Hogarth T., Shackleton R. E. Longer Distance Commuting as a Substitute for Migration in Britain: A Review of Trends, Issues and Implications // International journal of population geography. 1999. № 5. Pp. 49-67.

¹¹⁶ Курушина Е. В., Дружинина И.В. Факторы привлекательности территорий Уральского федерального округа с позиций миграции населения // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1-1(66). С. 983-988.

¹¹⁷ Вдовина Э. Л., Круглова А. В. Оценка миграционной привлекательности депрессивных регионов Средней России // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009. № 14 (18). С. 105–110.

¹¹⁸ Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 79-87.

улучшить финансовое положение домохозяйства¹¹⁹. На выбор характера пространственных перемещений, как постоянных, так и возвратных, в значительной мере влияют также и неисчислимы, не касающиеся напрямую экономической ситуации, факторы¹²⁰. При этом выбор возвратных форм трудовой миграции определяется не только экономикой, но и социальными факторами, включая мотивы престижа¹²¹ и информационное влияние. Важно отметить, что на принятие индивидом решения, вне зависимости от вида миграции, всегда влияет совокупность факторов¹²². Таким образом, новое место пребывания превращается для мигранта в особое сложное пространство жизнедеятельности, наполненное личностными смыслами, способствующими или препятствующими реализации значимых для него мотивов и целей¹²³, что справедливо и для постоянной, и для возвратной трудовой миграции. В процессе формирования миграционной установки на переезд будущий мигрант оценивает настоящую и предполагаемую территорию¹²⁴, только в случае с возвратными видами трудовой миграции, индивид будет оценивать не потенциальные свойства территории для комфортной жизнедеятельности и проживания, а свойства территории, которые делают ее более привлекательной с точки зрения оплаты труда и карьерных возможностей.

Выбор маятниковой трудовой миграции обусловлен совокупностью факторов, среди которых ключевую роль играют состояние регионального рынка труда, уровень доходов населения, а также доступность и стоимость транспортного сообщения до места работы^{125,126}. Фактор дохода в данном случае будет важен не изолированно, а в сравнении с предполагаемым уровнем дохода в другом регионе^{127,128}. Существенное значение имеет стоимость и наличие уже

---

¹¹⁹ Плюснин Ю. М., Позаненко А. А., Жидкевич Н. Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. Социология. Этнология. 2015. №1. С. 35-71.

¹²⁰ Сабетова Т.В. Факторы миграционной привлекательности стран и регионов // Образование, наука и производство. 2014. №4. С. 36-40.

¹²¹ Ильин В.И. Анатомия социального успеха в географическом пространстве // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 6 (108). С. 29-33.

¹²² Вдовина Э. Л., Круглова А. В. Оценка миграционной привлекательности депрессивных регионов Средней России // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009. № 14 (18). С. 105–110.

¹²³ Кузнецова С.А. Миграционные установки как специфический вид социальных установок // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика. 2012. №4. С.61-65.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А. Анализ долгосрочной динамики факторов, определяющих маятниковую трудовую миграцию в Подмосковье // Проблемы прогнозирования. 2016. №4 (157). С. 151-162.

¹²⁶ Махрова А.Г., Бочкарев А.Н. Анализ локальных рынков труда через трудовые маятниковые миграции населения (на примере муниципальных образований Москвы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 56–68.

¹²⁷ Захарченко А. А., Пить В.В. Региональные особенности маятниковой трудовой миграции в Уральском федеральном округе (на примере пилотажного исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 4(36). С. 594-603.

¹²⁸ Bhatt V., Chandrasekhar S., Sharma A. Regional Patterns and Determinants of Commuting Between Rural and Urban India // The Indian Journal of Labour Economics. 2020. № 63 (4). Pp. 1041-1063.

имеющегося жилья в периферийных районах, особенно в условиях ипотечной нагрузки¹²⁹. Развитие транспортной инфраструктуры в данном случае упрощает регулярные поездки на работу¹³⁰. В дополнение, причиной выбора стратегии маятниковой трудовой миграции может быть неудачный опыт поиска работы в месте работы¹³¹.

Выбор трудоустройства вахтой обуславливается разными факторами. Так, объективными факторами являются неблагоприятные экономические условия в месте проживания, такие как низкие зарплаты и дефицит рабочих мест, а также институциональные и жилищные барьеры: сложные процедуры регистрации и высокие цены на жилье. Субъективные мотивы включают стремление сохранить традиционный уклад жизни, патриотические чувства к месту проживания, удобство режима с регулярными возвращениями домой и влияние примера знакомых, уже работающих вахтовым методом¹³².

Последствия от возвратной трудовой миграции проявляются на разных уровнях и могут быть как положительными, так и отрицательными¹³³ (табл. 1). Также важно отметить, что некоторые из представленных последствий могут иметь специфический характер проявления в зависимости от вида возвратной трудовой миграции.

Таблица 1

Последствия возвратной трудовой миграции

Объект	Пример положительного проявления	Пример отрицательного проявления
Уровень территории		
Транспортная инфраструктура	Развитие строительства новых транспортных узлов и дорог, увеличение количества маршрутов и средств общественного транспорта.	В большей степени для маятниковой трудовой миграции: Рост трафика, переизбыток транспортных средств в населенном пункте.
Рынок труда	Снижение напряженности на рынке труда.	Увеличение диспропорции на рынке труда, потеря части трудового потенциала, особенно молодежи, в сельской местности.
Социально-экономическое развитие региона	Оживление экономики субъекта за счет межмуниципальных денежных трансфертов; снижение нагрузки на бюджет субъекта, связанной с необходимостью выплаты пособий по безработице и др. В большей степени для вахты: Способствует развитию сектора торговли и услуг; развитию системы здравоохранения	Приводит к потерям доходов консолидированного бюджета региона проживания от недополученного НДФЛ.

¹²⁹ Bloze G., Skak M. Housing equity, residential mobility and commuting // Journal of Urban Economics. 2016. Vol. 96. Pp. 156-165.

¹³⁰ Baum-Snow N. Changes in transportation infrastructure and commuting patterns in US metropolitan areas, 1960-2000 // American Economic Review. 2010. Vol. 100. №. 2. Pp. 378-382.

¹³¹ Lobo C., Cunha J. M. P. Migration and commuting in the areas of influence of the Brazilian metropolises // Mercator. 2019. № 18. Pp. 1-15.

¹³² Короленко А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 191–212.

¹³³ Соколова А.А., Калачикова О.Н. Маятниковая трудовая миграция в России: масштабы и последствия // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 16-29.

	за счет спроса на медицинские услуги и реализации корпоративных социальных программ и проектов, и т.д.	
Окружающая среда	Формирование условий по уменьшению антропогенного воздействия. В большей степени для вахты: Освоение территории/ресурсов, создание необходимой инфраструктуры в местах, где она отсутствовала, и т.д.	В большей степени для маятниковой трудовой миграции: Ухудшение экологической ситуации, шумовое загрязнение; В большей степени для вахты: Нарушение общественного порядка и возникновение конфликтов.
Уровень работодателя		
Рабочая сила	Привлечение специалистов нужной квалификации по приемлемой для работодателя цене труда, своевременное реагирование компании на динамическую рыночную ситуацию.	Риск нарушения трудовой дисциплины, отсутствие преемственности в работе, сложности с обеспечением безопасности и сплоченности коллектива, утечка кадров, в том числе «опустошение» профессиональных ниш. В большей степени для вахты: Препятствует накоплению необходимого опыта и преемственности в работе; создает сложности с обеспечением безопасности и сплоченности коллектива, и т.д.
Производственные издержки	Способствует снижению издержек на транспортировку и проживание требуемых кадров в случае внутрирегиональных перемещений; В большей степени для маятниковой трудовой миграции: Минимизирует издержки на строительство жилых помещений и транспортировку иногородних работников к месту работы, и т.д.	В большей степени для вахты: Вызывает необходимость организации жилья и питания, дополнительных медицинских издержки (профосмотры, экстренные ситуации) и т.д.
Уровень домохозяйства		
Профессиональное развитие	Профессиональная самореализация, возможность карьерного роста и т.д.	Профессиональное выгорание. В большей степени для вахты: Способствует развитию девиантных форм поведения, деформации личности.
Здоровье	В большей степени для вахты: Регулярные медицинские осмотры.	Ухудшение психофизиологического здоровья человека, ощущения субъективного благополучия.
Финансовое благополучие	Финансовое благополучие, снижение издержек в связи с отсутствием необходимости к переезду.	В большей степени для маятниковой трудовой миграции: Затраты на регулярные перемещения к месту работы и обратно.
Социальные связи	Сохранение социальных и личных связей, улучшение взаимоотношений в кругу семьи и друзей и т.д.	Ослабление социальных и личных связей, нарушение брачно-семейных отношений, трудности в детско-родительских отношениях и т.д.
Бюджет времени	Использование времени в дороге с целью самообразования и психологической разгрузки.	Временные издержки на перемещение к месту работы и обратно.
Досуг	Появление новых форм досуга в связи с возможностями, которые предоставляет работодатель.	Отсутствие досуга в связи с временными затратами на дорогу к месту работы и обратно.

Составлено автором по: (Green, Hogarth, Shackleton, 1999; Ashforth, 2000; Rapino, Cooke, 2011; Мальцева, Плахов, 2014; Силин, 2015; Künn-Nelen, 2016, Жидкевич, 2016; Thomas, Adam, Verhetsel, 2017; Шевцова, 2018; Steinmann et al., 2018.; Öhman, Lindgren, 2019; Мкртчян, Флоринская, 2019; Borowsky, Drobnič, Feldhaus, 2020; Chatterjee et al., 2020; Clark et al., 2020; Skora, Rüger, Stawarz, 2020; Ахметова, 2021; Хилажева, 2021; Jacob et al., 2021; Kwon, Akar, 2021; Stein et al., 2022; Короленко, 2023; Плюснин; Шитова, 2023; Скуфьина и др., 2024).

Возвратная трудовая миграция имеет значительные позитивные относительные эффекты. Она способствует снижению уровня безработицы в регионах проживания мигрантов, увеличению занятости и сокращению дефицита трудовых ресурсов¹³⁴ в местах их прибытия. Кроме того, налоговые поступления от деятельности трудовых мигрантов становятся важным источником средств для повышения уровня жизни населения в принимающих регионах. Бюджет региона проживания возвратных трудовых мигрантов имеет меньшую нагрузку за счет отсутствия необходимости выплаты пособия по безработице, участия в программах по переподготовке кадров и осуществлении других социальных выплат семьям, где у родителей отсутствует возможность трудоустроиться¹³⁵. Исследователи отмечают, что межрегиональные трудовые мигранты тратят 2/3 своего заработка в регионе своего постоянного проживания¹³⁶, тем самым оживляя экономику территории их постоянного проживания. В целом, денежные переводы внутренних трудовых мигрантов способствуют развитию текущего потребления и выравниванию диспропорций в уровне жизни населения, однако получаемые деньги снижают мотивацию к активной занятости среди тех, кто их получает¹³⁷. Развиваются сектора, обслуживающие вахтовых мигрантов, включая торговлю, услуги и медицинское обслуживание, что приводит к росту доходов владельцев жилья из-за повышения его стоимости и расширению спроса на медицинские услуги, связанные с корпоративными программами^{138,139,140}. Кроме того, растущий спрос на транспортные перемещения стимулирует развитие транспортной инфраструктуры.

Отрицательные последствия включают увеличение диспропорций на рынке труда и потерю кадрового потенциала, особенно среди молодежи в сельской местности и малых

¹³⁴ Короленко А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 191–212.

¹³⁵ Мальцева Е.С., Плахов А.В. Влияние маятниковой трудовой миграции на налоговые доходы бюджетов муниципальных образований // Вестник ОрелГИЭТ. 2014. №4 (30). С. 85-89.

¹³⁶ Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 3 (43). С. 78–94.

¹³⁷ Эльдяева Н.А., Кованова Е.С., Тенетова Е.П. Интенсивность современных миграционных потоков и последствия внутрирегиональной и межрегиональной миграции населения российских регионов // Вестник МФЮА. 2019. №2. С. 86-95.

¹³⁸ Короленко А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 191–212.

¹³⁹ Нуйкина Е.В. Влияние вахтового метода работы на принимающие города Российского Севера (на примере города Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 2013. №2 (14). С. 107–116.

¹⁴⁰ Бажутова Е.А. Вахта как резерв для трансформации миграционных процессов в регионах Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 4. С. 148–166.

городах^{141,142}. Для местного населения принимающего региона вахтовая миграция приводит к снижению доходов из-за конкуренции с приезжими специалистами, что усугубляет разрыв в доходах. Кроме того, необходимость предоставления жилья вахтовикам способствует росту цен на жилье для местных жителей^{143,144,145,146}. Перемещения трудовых мигрантов, особенно маятниковых, увеличивают экологические издержки, такие как ухудшение экологической ситуации, развитие трафика и повышение уровня шумового загрязнения¹⁴⁷. Маятниковые перемещения сильно меняют географию городов, поскольку некоторые основные виды деятельности индивидов происходят за пределами традиционного города вызывая тем самым расширение зоны городской среды¹⁴⁸. Система здравоохранения принимающих регионов испытывает дополнительную нагрузку из-за повышенного спроса, что требует организации фельдшерских пунктов и дополнительных расходов, включая использование санитарных бортов в труднодоступных районах¹⁴⁹. Вахтовики, воспринимая себя как временных жителей, часто демонстрируют попустительское отношение к окружающей среде^{150,151}.

Возвратная трудовая миграция на уровне работодателя может выступать инструментом оперативного реагирования на изменяющуюся ситуацию на рынке труда^{152,153,154}. Компании и организации, в значительной степени, зависящие от человеческого капитала, как правило, более охотно соглашаются на условия, при которых сотрудники не обязательно должны жить в

---

¹⁴¹ Нефедова Т.Г. Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2015. № 2. С 93-100.

¹⁴² Ахметова Г.Ф. Динамика трудовой миграции в Башкортостане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. №2. С. 265-278.

¹⁴³ Нуйкина Е.В. Влияние вахтового метода работы на принимающие города Российского Севера (на примере города Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. № 2 (14). С. 107–116.

¹⁴⁴ Hoath A., Haslam McKenzie F.M. The Socio-Economic Impacts of Long-Distance Commuting on Source Communities. Perth: Co-operative Research Centre for Remote Economic Participation and Curtin Graduate School of Business, 2013. 72 p.

¹⁴⁵ Haslam McKenzie F.M. Long-Distance Commuting in Australia // Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry. Singapore: Springer, 2016. Pp. 1-10.

¹⁴⁶ Чушкина М.С. Оценка механизмов управления вахтовой миграцией в регионах Арктической зоны России на примере Республики Саха (Якутия) // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 1. С. 117–134.

¹⁴⁷ Green A. E., Hogarth T., Shackleton R. E. Longer Distance Commuting as a Substitute for Migration in Britain: A Review of Trends, Issues and Implications // International journal of population geography. 1999. № 5. Pp. 49-67.

¹⁴⁸ Thomas I., Adam A, Verhetsel A. Migration and commuting interactions fields: a new geography with community detection algorithm? [Электронный ресурс] // Belgeo. № 4. 2017. – Режим доступа: https://journals-openedition.org.translate.google/belgeo/20507?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc <https://doi.org/10.4000/belgeo.20507>. (дата обращения: 16.09.2024).

¹⁴⁹ Нуйкина Е.В. Влияние вахтового метода работы на принимающие города Российского Севера (на примере города Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. № 2 (14). С. 107–116.

¹⁵⁰ Короленко А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 191–212.

¹⁵¹ Силин А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 109–123.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Нуйкина Е.В. Влияние вахтового метода работы на принимающие города Российского Севера (на примере города Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. № 2 (14). С. 107–116.

¹⁵⁴ Haslam McKenzie F.M. Long-Distance Commuting in Australia // Labour Force Mobility in the Australian Resources Industry. Singapore: Springer, 2016. Pp. 1-10.

непосредственной близости от своего рабочего места¹⁵⁵. В случае с возвратной трудовой миграцией работодатель получает возможность привлекать высококвалифицированные кадры с целью обеспечения решения производственных задач из других населенных пунктов по привлекательной для него оплате труда. Положительные стороны в случае с вахтовым методом включают снижение себестоимости добычи полезных ископаемых¹⁵⁶.

В качестве отрицательных последствий для предприятия от возвратной трудовой миграции можно отнести трудности в поддержании сплочённости трудового коллектива и передаче опыта, что происходит из-за частой смены вахтовых бригад^{157,158,159}. Предприятия принимающей стороны, особенно организации бюджетной сферы и малые частные компании, сталкиваются с трудностью обеспечения конкурентоспособных условий для местных работников, особенно в контексте значительного разрыва в уровне заработных плат и социальных гарантий, которые получают, например, вахтовые работники¹⁶⁰. Это, в свою очередь, способствует утечке квалифицированного персонала на предприятия, ориентированные на вахтовую трудовую миграцию. Риски от трудоустройства изучаемой группы сотрудников могут заключаться в нарушении трудовой дисциплины, в связи с опозданиями и прогулами. Также, могут возникать и, наоборот, дополнительные транспортные издержки, в связи с тем, что некоторые крупные компании организуют развозку своих сотрудников.

На уровне домохозяйства возвратная трудовая миграция способствует увеличению доходов, что, в свою очередь, улучшает общий уровень жизни семьи. Кроме того, она предоставляет возможности для карьерного роста, позволяя индивиду реализовать свой трудовой

---

¹⁵⁵ Öhman M., Lindgren U. Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden [Электронный ресурс] // *Cybergeo. European journal of geography*. 2003. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/cybergeo/4118?Lang=en#citedby> (дата обращения: 16.09.2024).

¹⁵⁶ Фаузер В. В., Назарова И. Г. Российский Север: проблемы работающих вахтовым методом и государственная политика переселений // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2011. №2. С. 1-7.

¹⁵⁷ Короленко А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27. № 6. С. 191–212.

¹⁵⁸ Нуйкина Е.В. Влияние вахтового метода работы на принимающие города Российского Севера (на примере города Воркуты) // *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2013. № 2 (14). С. 107–116.

¹⁵⁹ Jones C., Southcott C. Mobile miners: work, home, and hazards in Yukon's mining industry // *The Northern Review*. 2015. № 41. Pp. 111–137.

¹⁶⁰ Нуйкина Е.В. Влияние вахтового метода работы на принимающие города Российского Севера (на примере города Воркуты) // *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2013. № 2 (14). С. 107–116.

потенциал^{161,162,163,164,165}. Оценка последствий маятниковых трудовых перемещений во многом зависит от способов транспортировки до рабочего места. Индивиды склонны более положительно оценивать поездки, когда могут сами выбирать вид транспорта и регулировать время выезда¹⁶⁶. Время, затраченное на дорогу, может быть использовано с пользой, например, для психологической разгрузки или перехода между социальными ролями^{167,168}. Люди с высоким уровнем самоконтроля чаще используют время в пути для целеполагания и подготовки к рабочему процессу¹⁶⁹. Положительные эффекты для психоэмоционального состояния могут быть также достигнуты при использовании определённых видов транспорта, таких как велосипед¹⁷⁰.

Отрицательные последствия возвратной трудовой миграции выражаются во временных издержках, которые сочетаются с транспортными расходами на работу до дома и обратно¹⁷¹, а также в проблемах со здоровьем^{172,173,174}. Каждая добавленная минута в пути коррелирует с увеличением проблем со здоровьем¹⁷⁵, а поездки на работу на расстояние свыше 50 км в одну сторону отрицательно влияют на качество жизни, самочувствие, здоровье и социальные отношения¹⁷⁶. Те индивиды, которые тратят на дорогу до работы значительное количество времени, чаще жалуются на приступы головной боли и боли в спине, у них с большей

---

¹⁶¹ Öhman M., Lindgren U. Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden. *Cybergeo. European journal of geography*. 2003. Available at: <https://journals.openedition.org/cybergeo/4118?Lang=en#citedby> DOI: <https://doi.org/10.4000/cybergeo.4118>.

¹⁶² Ахметова Г.Ф. Динамика трудовой миграции в Башкортостане // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2021. Т. 21. №2. С. 265-278.

¹⁶³ Хилажева Г.Ф. Современная семья в контексте транслокальной миграции (на примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана) // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 1. С. 68–82.

¹⁶⁴ Storey K. Fly-in/Fly-out: Implications for Community Sustainability // *Sustainability*. 2010. № 2. Pp. 1161–1181. DOI: 10.3390/su2051161.

¹⁶⁵ Туракаев М.С., Баймурзина Г.Р. Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // *Проблемы развития территории*. 2022. Т. 26. № 6. С. 115–133.

¹⁶⁶ Stein M., Nitschke L., Trost L., Dirschauer A., Deffner J. Impacts of Commuting Practices on Social Sustainability and Sustainable Mobility // *Sustainability*. 2022. № 14 (8). Pp. 1-18.

¹⁶⁷ Ashforth B. E. *Role transitions in organizational life: An identity-based perspective*. New York, NY: Macmillan, 2001. 61 p.

¹⁶⁸ Jachimowicz J.M., Cunningham J.L., Staats B.R., Gino F., Menges J.I. Between Home and Work: Commuting as an Opportunity for Role // *Transitions. Organ. Sci.* 2021. № 32. Pp. 64–85.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Jacob N., Munford L., Rice N., Roberts J. Does commuting mode choice impact health? // *Health Econ.* 2021. № 30. Pp. 207–230.

¹⁷¹ Green A. E., Hogarth T., Shackleton R. E. Longer Distance Commuting as a Substitute for Migration in Britain: A Review of Trends, Issues and Implications // *International journal of population geography*. 1999. № 5. Pp. 49-67.

¹⁷² Силин А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2015. № 4 (40). С. 109–123.

¹⁷³ Холодилова К.А. Качество жизни населения в условиях вахтового труда на Крайнем Севере (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // *Вестник Нижегородского университета работников нефтедобычи при вахтовой организации труда в Заполярье*. 2008. № 5. С. 96–102.

¹⁷⁴ Алексеев В.Д., Симонова Н.Н., Зуева Т.Н. Влияние производственных факторов на состояние здоровья работников нефтедобычи при вахтовой организации труда в Заполярье // *Экология человека*. 2009. № 6. С. 47–50.

¹⁷⁵ Steinmann S., Grobe T.G., Tendyck H.C., Mess F. *Mobilität in der Arbeitswelt: Datenanalyse und Aktuelle Studienlage*. Techniker Krankenkasse: Hamburg, Germany, 2018. 65 p.

¹⁷⁶ Chatterjee K., Chng S., Clark B., Davis A., de Vos J., Ettema D., Handy S., Martin A., Reardon L. Commuting and wellbeing: A critical overview of the literature with implications for policy and future research // *Transp. Rev.* 2020. № 40. Pp. 5–34.

вероятностью возникают проблемы с пищеварением, кровяным давлением, нарушением сна, хронической усталостью и концентрацией внимания^{177,178}. Длительная дорога до места работы отражается на сфере досуга. Так, каждые дополнительные 10 минут в пути связаны со снижением удовлетворенности от досуга¹⁷⁹, что вызывает ухудшение субъективного ощущения благополучия и снижает качество жизни¹⁸⁰.

Возвратная трудовая миграция отражается на брачно-семейных отношениях индивида. В случае вахтовой миграции отмечается нарушение супружеских и детско-родительских отношений, длительные периоды отсутствия дома порождают проблемы хозяйственно-бытового характера¹⁸¹. Исследования показывают, что маятниковая трудовая миграция негативно влияет на любые личные отношения и ослабляет связи индивида с местным сообществом¹⁸². Она также оказывает отрицательное влияние на выполнение родительских обязанностей^{183,184,185}, ухудшает брачно-семейные отношения и способствует формированию поверхностных привязанностей, порождая ощущение отсутствия корней¹⁸⁶. Кроме того, она может влиять на решение о создании семьи¹⁸⁷. Влияние маятниковой миграции различается в зависимости от пола и типа домохозяйства¹⁸⁸. Женщины, выполняющие традиционно большие домашние обязанности, обычно совершают более кратковременные поездки, что сказывается на их доходах и профессиональной самореализации¹⁸⁹. Однако при равномерном распределении обязанностей, женщины могут иметь больше шансов на работу с высокой оплатой на большем расстоянии от дома¹⁹⁰. У отцов, практикующих длительные поездки, возникают проблемы в общении с детьми,

---

¹⁷⁷ Schaefer A. Commuting Takes Its Toll // *Scientific American. Mind*. 2005. Vol. 16 (3). Pp. 14-15.

¹⁷⁸ Künn-Nelen A. Does Commuting Affect Health? // *Health Econ*. 2016. № 25. Pp. 984–1004.

¹⁷⁹ Chatterjee K., Chng S., Clark B., Davis A., de Vos J., Ettema D., Handy S., Martin A., Reardon L. Commuting and wellbeing: A critical overview of the literature with implications for policy and future research // *Transp. Rev*. 2020. № 40. Pp. 5–34.

¹⁸⁰ Clark B., Chatterjee K., Martin A., Davis A. How commuting affects subjective wellbeing // *Transportation*. 2020. № 47. Pp. 2777–2805.

¹⁸¹ Короленко А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27. № 6. С. 191–212.

¹⁸² Clark B., Chatterjee K., Martin A., Davis A. How commuting affects subjective wellbeing // *Transportation*. 2020. № 47. Pp. 2777–2805.

¹⁸³ Green A. E., Hogarth T., Shackleton R. E. Longer Distance Commuting as a Substitute for Migration in Britain: A Review of Trends, Issues and Implications // *International journal of population geography*. 1999. № 5. Pp. 49-67.

¹⁸⁴ Stenpaß A., Kley S. It's getting late today, please do the laundry: The influence of long-distance commuting on the division of domestic labor // *J. Fam. Res*. 2020. № 32. Pp. 274–306.

¹⁸⁵ Brömmelhaus A., Feldhaus M., Schlegel M. Family, Work, and Spatial Mobility: The Influence of Commuting on the Subjective Well-Being of Couples // *Appl. Res. Qual. Life*. 2020. № 15. Pp. 865–891.

¹⁸⁶ Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition // *Geographical Review*. 1971. № 61 (2). Pp. 219–249.

¹⁸⁷ Borowsky C., Drobníček S., Feldhaus M. Parental commuting and child well-being in Germany // *J. Fam. Res*. 2020. № 32. Pp. 357–392.

¹⁸⁸ Chidambaram B., Scheiner J. Understanding relative commuting within dual-earner couples in Germany // *Transp. Res. Part A Policy Pract*. 2020. № 134. Pp. 113–129.

¹⁸⁹ Hjorthol R., Vågane L. Allocation of tasks, arrangement of working hours and commuting in different Norwegian households // *J. Transp. Geogr*. 2014. № 35. Pp. 75–83.

¹⁹⁰ Rapino M. A., Cooke T. J. Commuting, Gender Roles, and Entrapment: A National Study Utilizing Spatial Fixed Effects and Control Groups // *The Professional Geographer*. 2011. Vol. 63(2). Pp. 1-18.

в то время как женщины обычно более качественно используют время общения с ребенком¹⁹¹. Среди специфических последствий от вахтовой трудовой миграции можно назвать развитие девиантных форм поведения (злоупотребление алкоголем, совершение правонарушений)¹⁹² и деформацию личности¹⁹³.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что существует несколько групп факторов, влияющих на решение индивида о выборе возвратной трудовой миграции. Экономические, социальные, психологические, демографические факторы тесно взаимосвязаны друг с другом и воздействуют на возвратного трудового мигранта комплексно. Взаимосвязь факторов наблюдается еще и в том, что на решение о подобных перемещениях влияют одновременно факторы, субъективные, т.е. отражающие индивидуальные особенности самого индивида, и факторы объективные, характеризующие объективное состояние среды. Последствия возвратной трудовой миграции могут быть систематизированы по уровню их проявления: уровень территории, работодателя и домохозяйства. С одной стороны, она способствует перераспределению ресурсов между регионами, повышает уровень занятости, стимулирует развитие местной экономики, особенно в секторах торговли, услуг и недвижимости, для работодателей возвратная трудовая миграция предоставляет возможность гибко реагировать на изменения в экономике и привлекать квалифицированные кадры из разных регионов. С другой стороны, она создает ряд социальных и экономических проблем, таких как ухудшение экологической ситуации, искажение рынка труда, а также негативное воздействие на здоровье и семейные отношения возвратных трудовых мигрантов и их семей. Все вышесказанное подтверждает необходимость комплексного подхода к управлению данным явлением, который должен учитывать как позитивные, так и негативные последствия возвратной трудовой миграции на различных уровнях.

---

¹⁹¹ Green A. E., Hogarth T., Shackleton R. E. Longer Distance Commuting as a Substitute for Migration in Britain: A Review of Trends, Issues and Implications // *International journal of population geography*. 1999. № 5. Pp. 49-67.

¹⁹² Силин А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2015. № 4 (40). С. 109–123.

¹⁹³ Нефедова Т.Г. Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. 2015. № 2. С 93-100.

1.3. Методы оценки масштабов и последствий возвратной трудовой миграции

Всероссийский учет масштабов возвратной трудовой миграции на данный момент является трудноосуществимым в виду отсутствия прямых данных об изучаемой группе населения. Так, в качестве источников об объемах и характере перемещений маятниковых трудовых мигрантов могут выступать информация о пассажироперевозках^{194,195,196,197}, данные Пенсионного фонда^{198,199}, единого государственного реестра предприятий Российской Федерации²⁰⁰, выборочного обследования рабочей силы^{201,202}, данные социальных сетей (Twitter, Instagram, Вконтакте и др.)^{203,204}, операторов сотовой связи^{205,206,207} и ГИС-анализ (Яндекс.Пробки, Яндекс.Карты, космические снимки)²⁰⁸. Информация в отношении такого вида возвратной трудовой миграции, как вахта, частично присутствует: численность вахтовых работников, их уровень заработных плат и сфера приложения труда можно оценить исходя из данных аналитических сервисов рекрутинговых платформ (напр., HH.ru), однако, в открытом доступе такая информация раскрывается фрагментарно, а также в статистических данных Ямало-

---

¹⁹⁴ Богданова Л. П., Драгунова А. А. Маятниковая трудовая миграция на периферии московского региона (на примере города Клин) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 1–2. С. 91–97.

¹⁹⁵ Драгун Н.П., Ковалевская А.А. Маятниковая трудовая миграция и ее влияние на социально-экономическое развитие региона // Экономический бюллетень научно-исследовательского экономического института министерства экономики республики Беларусь. 2019. №9. С.50-59.

¹⁹⁶ Михайлюк М. А. Исследование влияния транспортной инфраструктуры на маятниковую миграцию (на примере Санкт-Петербургской агломерации) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2017. № 1. С. 66–79.

¹⁹⁷ Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения (статистико-географические очерки). Издательство «Мысль»: Москва, 1978. 241 с.

¹⁹⁸ Махрова А.Г., Бочкарев А.Н. Анализ локальных рынков труда через трудовые маятниковые миграции населения (на примере муниципальных образований Москвы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 56–68.

¹⁹⁹ Шитова Ю. Ю., Шитов Ю. А. Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в Подмоскowie (на примере г. Дубны) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 112–122.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Эльдяева Н.А., Кованова Е.С. Оценка и анализ межрегиональной трудовой миграции населения региона // Вестник МФЮА. 2018. №1. С. 171-181.

²⁰² Единак Е.А., Ксенофонтов Д.М. Межрегиональная трудовая миграция в России: моделирование и оценка последствий // Проблемы прогнозирования. 2023. № 5 (200). С. 166-183.

²⁰³ Замятина Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как центр производства и распределения человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети Вконтакте) // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 15–29.

²⁰⁴ Чудиновских О.С. Большие данные и статистика миграции. Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 2. С. 48-56.

²⁰⁵ Юмагузин В. В. Возможности и ограничения данных сотовых операторов в изучении миграции населения // В кн.: II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 4 – 5 декабря 2020 г.) / Отв. ред.: С. В. Рязанцев, Т. Ростовская. М.: Объединенная редакция, 2020. С. 267-270.

²⁰⁶ Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация населения Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.

²⁰⁷ Махрова А.Г., Бочкарев А.Н. Анализ локальных рынков труда через трудовые маятниковые миграции населения (на примере муниципальных образований Москвы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 56–68.

²⁰⁸ Дом – работа, работа – дом [Электронный ресурс] // Яндекс. – Режим доступа: https://yandex.ru/company/researches/2016/home_work (дата обращения: 16.09.2024).

Ненецкого автономного округа, где численность работающих вахтовым методом детализирована по видам экономической деятельности, муниципальным образованиям, списочной численности (вахтовики, проживающие за пределами округа, внутрирайонные вахтовики, иностранные граждане)^{209,210}. Численность вахтового персонала, их распределение по муниципальным округам и видам экономической деятельности, в которую они вовлечены, может быть оценена по информации из статистической формы П-4(НЗ) при составлении официального запроса на получение подобных данных²¹¹. Способами оценки масштабов маятниковой миграции выступают различные математические модели, например, гравитационные, представленные в различных модификациях²¹². Также применяется балансовый метод исчисления доли маятниковых трудовых мигрантов, который учитывает информацию о занятости населения, данные о транспортных потоках, известный уровень занятости в неформальном секторе и т.п. и позволяет косвенно определить количество маятниковых трудовых мигрантов²¹³.

Данные социологических опросов^{214,215} также широко используются при изучении маятниковой и вахтовой трудовой миграции. Существенным преимуществом данного метода является возможность изучения направлений передвижения, социально-демографического портрета возвратного трудового мигранта, мотивов его поведения и т.д. Однако, подобный способ оценки ограничивает исследование масштабов изучаемого явления, завышая или занижая оценки²¹⁶, а также может искажать оценку региональных особенностей, поскольку зачастую социологические исследования проводятся в местах скопления вахтовых и маятниковых трудовых мигрантов²¹⁷. Анкетирование, интервью, экспертные опросы также применяются для

---

²⁰⁹ Силин А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 109–123.

²¹⁰ Логинов В.Г. Вахтовый метод как основной источник рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики // Известия Уральского гос. горного ун-та. 2021. № 2 (62). С. 191–201.

²¹¹ Степутьев И. С., Гуртов В. Вахтовая занятость в экономике арктической зоны России: динамика, масштабы, профессионально-квалификационные характеристики // Общество и экономика. 2023. №6 С. 90-108.

²¹² Мерлен П. Город. Количественные методы изучения. М.: Прогресс, 1977. 263 с.

²¹³ Шитова Ю. Ю. Маятниковая трудовая миграция и социально-экономическая ситуация в регионах: дис. ... доктор. экономических наук: 08.00.05. МУПОЧ "Дубна", 2010. 330 с.

²¹⁴ Дорофеева Л.А., Касьянова Е.А. Маятниковая миграция населения в Красноярской городской агломерации (на примере населенных пунктов Емельяновского района) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». 2017. Т. 20. С. 25-42.

²¹⁵ Богданова Л. П., Драгунова А. А. Маятниковая трудовая миграция на периферии московского региона (на примере города Клин) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 1–2. С. 91–97.

²¹⁶ Туракаев М.С. Вахтовый труд и воспроизводство социально-культурных практик в российском регионе: на примере Республики Башкортостан // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Серия 12. Социология. № 1. С. 35–47.

²¹⁷ Короленко А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 191–212.

оценки причин и последствий вахтовых трудовых миграций^{218,219,220,221,222,223,224}. Оценкой последствий в отношении здоровья маятниковых трудовых мигрантов на основе вторичного анализа литературы занималась Ю.Ю. Шитова²²⁵. Однако для региональной экономики особое значение имеет оценка экономических последствий от межрегиональной трудовой миграции, которую, оценивали посредством межрегиональных денежных трансфертов и упоминались такие последствия, как недополученный НДФЛ²²⁶. Оценки перераспределения денежных средств между регионами осуществлялись Е.А. Единак и Д.М. Ксенофонтовым с применением методов эконометрического моделирования на основе прогнозных матриц межрегиональной трудовой миграции²²⁷. На примере Орловской области рассчитывалось экономическое влияние процессов возвратной трудовой миграции на региональные бюджеты путем расчета недополученного НДФЛ в бюджет муниципального образования, упущенные денежные средства в бюджет Пенсионного фонда Орла и Орловской области, а также в бюджет Фонда Социального страхования области²²⁸.

Таким образом, на растущую значимость возвратной трудовой миграции для региональной экономики и социальных процессов, ее масштабы и последствия оцениваются фрагментарно, что не позволяет получить полную картину и разработать эффективные меры регулирования, направленные на управление данным феноменом.

Оценка масштабов возвратной трудовой миграции основана на данных Выборочного обследования рабочей силы (далее – ОРС) и Всероссийской переписи населения 2020 (далее – ВПН-2020). Анализ с использованием данных ОРС осуществлен в период с 2012 г., когда речь идет о возвратной трудовой миграции без разделения на виды, а с 2013 г. ОРС позволяет

---

²¹⁸ Короленко А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 191–212.

²¹⁹ Силин А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 109–123.

²²⁰ Туракаев М.С. Вахтовый труд и воспроизводство социально-культурных практик в российском регионе: на примере Республики Башкортостан // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Серия 12. Социология. № 1. С. 35–47.

²²¹ Шевцова Е.В. Временная миграция населения в муниципальных районах Новосибирской области: тенденции, причины и последствия // Вестник Российской нации. 2018. № 3. С. 200–213.

²²² Ахметова Г.Ф. Динамика трудовой миграции в Башкортостане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. №2. С. 265-278.

²²³ Ахметова (Хилажева) Г. Ф. Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 76–89.

²²⁴ Бажутова Е.А. Вахта как резерв для трансформации миграционных процессов в регионах Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 4. С. 148–166.

²²⁵ Шитова Ю.Ю. Влияние дальних поездок на работу на здоровье маятниковых трудовых мигрантов: обзор литературы // Population and Economics. 2024. № 8(1). С. 37–51.

²²⁶ Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 3 (43). С. 78–94.

²²⁷ Единак Е.А., Ксенофонтов Д.М. Межрегиональная трудовая миграция в России: моделирование и оценка последствий // Проблемы прогнозирования. 2023. № 5 (200). С. 166-183.

²²⁸ Мальцева Е.С., Плахов А.В. Влияние маятниковой трудовой миграции на налоговые доходы бюджетов муниципальных образований // Вестник ОрелГИЭТ. 2014. №4 (30). С. 85-89.

получить данные о видах возвратной трудовой миграции, поэтому в вопросах, касающихся видов возвратной трудовой миграции (а именно маятниковой трудовой миграции и вахты) применяется именно этот промежуток времени. Данный временной интервал выбран для анализа и постоянной миграции. ВПН-2020 предоставляет срез данных о масштабах возвратной трудовой миграции на 2021 г., поскольку основная часть сбора данных пришлось именно на этот период.

ОРС содержит в себе данные о межрегиональных трудовых миграциях, которые осуществляются с периодичностью ежедневно, 1 раз в неделю, 1–2 раза в месяц, реже 1 раза в месяц. ВПН-2020 содержала в себе блок вопросов, которые также делили занятое население, осуществляющее трудовую деятельность в местах отличных от их постоянного проживания и это деление осуществлялось на тех, кто выезжает на работу ежедневно, несколько раз в неделю, несколько раз в месяц, 1 раз в месяц и реже, работающих дистанционно. Таким образом, в представленном исследовании для оценки масштабов возвратных трудовых мигрантов за маятниковых трудовых мигрантов принимались лица, которые выезжают на работу в отличную от места проживания местность с периодичностью ежедневно и несколько раз в неделю (а в случае данных ОРС 1 раз в неделю), а за вахтовую трудовую миграцию – несколько раз в месяц или 1 раз в месяц и реже. Критерий частоты поездок используется условно и требует внимательного обращения, так как регулярные трудовые поездки с более длительными интервалами могут быть одновременно быть истолкованными и как кратковременная вахта, и как маятниковая трудовая миграция, а также могут включать такие виды как сезонная и челночная миграции²²⁹.

Несмотря на схожесть этих двух источников, достигаемую посредством способа выделения видов возвратных трудовых мигрантов, важно учитывать, несколько имеющихся существенных различий:

1. Разница в методологии получения данных. ОРС является выборочным обследованием, которое охватывает 77 тысяч респондентов по всей России, что в процентном соотношении составляет 0,06 % от населения страны. В то время, как численность опрошенных в ходе ВПН-2020 по официальным данным составила 147 590 600 чел.

2. Данные ОРС учитывают только межрегиональные трудовые перемещения, в то время как данные ВПН-2020 позволяют посмотреть все направления возвратной трудовой миграции, которые осуществляются внутри региона проживания возвратного трудового мигранта, а также на территории другого субъекта РФ или в другой стране.

---

²²⁹ Соколова А.А., Калачикова О.Н. Современное отходничество: анализ территориальной специфики по данным переписи населения России // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сб. науч. ст. / ред. д-р экон. наук, проф. О.А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А.П. Багирова, д-р истор. наук, проф. Г.Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И.А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б.Ю. Берзин, канд. экон. наук Н.П. Неклюдова, О.А. Пышминцева; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2023. С. 312–322.

3. Данные ОРС содержат в себе информацию о половом составе межрегиональных трудовых мигрантов в целом по России, которые позволяют проследить динамику участия мужчин и женщин в данном виде пространственных перемещений, начиная с 2013 г. Официальные открытые данные ВПН-2020 не позволяют получить подобную информацию. Однако, в рамках диссертационного исследования нами был отправлен запрос в Федеральную службу государственной статистики, который предоставил возможность работы с половозрастными характеристиками возвратных трудовых мигрантов по всем регионам России за 2021 г. Ограничением в полученных данных является то, что материалы представлены по всем видам возвратной трудовой миграции в отношении половозрастного состава предоставлены без возможности выделения видов, которые учитывались в данных ВПН-2020, в которых присутствуют и данные о дистанционно работающих (на долю которых пришлось 2,7% от числа занятого населения частных домохозяйств, работающих не по месту своего постоянного места жительства).

4. Данные относительно местности проживания возвратных трудовых мигрантов в разрезе городской и сельской местности доступны только в ВПН-2020. Использование данных ВПН-2020 необходимо осуществлять с осторожностью, поскольку по оценкам экспертов, учет населения в сельской местности был менее точным²³⁰. Однако на сегодняшний день, это наиболее полный источник информации по изучаемой тематике по всем регионам России в отношении данного вида пространственных перемещений.

5. Данные ВПН-2020 раскрывают специфику процессов возвратной трудовой миграции (виды, направления, периодичность выходов) в разрезе всех регионов России, тогда как ОРС позволяет рассмотреть периодичность выходов на работу, а соответственно определить вид возвратной трудовой миграции только в разрезе общестрановых показателей. В разрезе регионов России данные ОРС позволяют оценить масштабы въезжающих и выезжающих из региона межрегиональных трудовых мигрантов, работающих вне места своего постоянного проживания, но без учета периодичности подобных выездов

Для сопоставления устойчивости трендов постоянной и возвратной трудовой миграции был рассчитан коэффициент вариации по коэффициенту интенсивности постоянной миграции и частному коэффициенту миграционного прироста межрегиональной возвратной трудовой миграции по федеральным округам. Коэффициент интенсивности постоянной миграции позволил оценить миграционное сальдо по отношению к численности постоянного населения федеральных округов. Относительный показатель, такой как интенсивность миграции

---

²³⁰ Ванькина И. Н., Ю.А. Симагин, Д.Д. Муртузалиева. Территориальные различия между данными текущего учёта населения и результатами Переписи-2020 // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 4. С. 15-25.

используется в силу того, что он учитывает не только количество прибывших и выбывших мигрантов, но и «миграционный потенциал», «миграционную емкость»²³¹, включающую саму численность исследуемых территорий. По аналогии с данным показателем, был рассчитан частный коэффициент межрегиональной возвратной трудовой миграции, который представляет собой отношение сальдо возвратных трудовых мигрантов к численности занятого постоянного населения федерального округа. Для каждого федерального округа был рассчитан коэффициент вариации по выделенным показателям за период с 2012 по 2023 гг., с целью определения изменчивости значений постоянной и межрегиональной возвратной трудовой миграции. Полученные в нашем исследовании значения коэффициента до 33%²³² интерпретировались как низкая степень разброса или как наличие относительно устойчивого тренда постоянной или возвратной межрегиональной трудовой миграции за исследуемый период в рамках соответствующего федерального округа.

Анализ региональной дифференциации возвратной трудовой миграции осуществлялся путём группирования регионов. Группы формировались на основе среднего арифметического и среднеквадратического отклонения ($\pm$ стандартного отклонения) исследуемого показателя, что позволило выделить регионы с низкими, средними и высокими значениями. Подобным способом группировались регионы по удельному весу возвратной трудовой миграции (прил. 2), маятниковой (прил. 3) и вахтовой трудовой (прил. 6) миграции в структуре занятого населения региона проживания, также осуществлялась группировка субъектов РФ по удельному весу населения городской/сельской местности, участвующего в возвратной трудовой миграции в общей структуре возвратной трудовой миграции (прил. 9), в структуре занятого населения (прил. 10), а также городских возвратных трудовых мигрантов в структуре городского занятого населения (прил. 11) и сельских возвратных трудовых мигрантов в структуре городского занятого населения (прил. 12). Поскольку для анализа возвратных трудовых мигрантов в данном случае использовались данные ВПН-2020, то и информация о численности занятого населения была взята из этого же источника. Также производилась группировка субъектов по удельному весу возвратных трудовых мигрантов мужского и женского пола в структуре возвратной трудовой миграции в регионе работы (прил.13). Подобный метод помог выявить регионы с показателями, значительно отклоняющимися от среднего значения.

Группировка регионов по соотношению вклада в общую маятниковую и общую вахтовую трудовую миграцию кратковременных (ежедневных в случае маятниковой трудовой миграции, а

---

²³¹ Рыбаковский О.Л. Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 471 с.

²³² При значении коэффициента вариации меньше 33% исследуемая совокупность считается однородной, устойчивой, регулярной по данному признаку. Если вариация превышает 33%, то совокупность считается неоднородной, неустойчивой, в ней протекают какие-то процессы, присутствуют тенденции. (Кириллов А.В. Статистика: учеб. для студентов вузов. – Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2014. 384 с.).

в случае вахты – выходы несколько раз в месяц) и долговременных перемещений (для маятниковой трудовой миграции несколько раз в неделю, для вахты – реже 1 раза в месяц) (прил. 5 и прил. 8), оценивался вклад внутрирегиональных и межрегиональных перемещений в общую маятниковую и общую вахтовую трудовую миграцию (прил. 4 и прил. 7). В данном случае выделялся диапазон от 40 до 60%, который символизировал собой смешанный тип перемещений, в котором были представлены в почти равной степени кратковременные/долговременные перемещения, либо внутрирегиональные/межрегиональные перемещения.

Анализ региональной дифференциации возвратных трудовых мигрантов по возрасту осуществлялся в регионе работы по возрастным группам 15-19 лет, 20-29 лет, 30-39 лет, 40-49 лет, 50-59 лет, 60-69 лет, 70 лет и более. Распределение выделенных возрастных групп рассматривалось в структуре возвратной трудовой миграции в целом (прил. 14), а также определялся удельный вес возвратных трудовых мигрантов данных групп в аналогичных возрастных группах занятого постоянного населения принимающей территории по всем субъектам РФ (прил. 15). Выделение семи возрастных групп позволило охватить ключевые этапы жизни человека, связанные с образовательной деятельностью, трудовой активностью, с изменяющимся семейным статусом и т.д.

Для оценки экономических последствий от возвратной трудовой миграции были разработаны методические рекомендации по расчету недополученного, ранее не учитываемых привнесенного и сохраненного налога на доходы физических лиц в структуре доходной части от налога на доходы физических лиц консолидированного бюджета соответствующего региона. Налог на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) составляет 13% от заработной платы работника, и он поступает в бюджет и муниципалитет того субъекта, в котором работает возвратный трудовой мигрант: 85% налога оседает в бюджете субъекта, в котором работает индивид, а 15% – в бюджете конкретного муниципалитета работы. Суммарно, в случае межрегиональных возвратных трудовых миграций вся сумма НДФЛ остается в регионе работы, а не проживания подобного трудового мигранта²³³. Внутрирегиональная возвратная трудовая миграция, в свою очередь, позволяет сохранить всю сумму НДФЛ в регионе проживания. Поскольку данные ОРС и ВПН-2020 не позволяют нам определить сферу, в которой трудятся возвратные трудовые мигранты, то для определения суммы НДФЛ нами была использована среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, что является ограничением нашего исследования, поскольку это сильно усредняет рассчитываемые относительные эффекты. Еще одним ограничением является факт того, что экономические последствия от возвратной трудовой

---

²³³ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/c347478b850fb7c4a92141cb188a76d83ac72e0f. (дата обращения: 16.09.2024).

миграции не ограничиваются только расчетами, связанными с НДФЛ. Она влияет и на ВРП региона, и на доходы от НДС в структуре консолидированного бюджета и т.д., но в силу сложного распределения сумм оценить последствия на данный момент не предоставляется возможным.

Официальные открытые данные ВПН-2020 содержат информацию только о регионе исхода возвратных трудовых мигрантов (с делением на периодичность выходов). Однако, в данном исследовании для расчета экономических последствий использовались данные, полученные в результате официального запроса в Федеральную государственную службу статистики, которая позволяет проследить регион исхода и принимающий регион возвратных трудовых мигрантов по всем субъектам России, однако, полученная информация содержала данные о всех индивидах, работающих вне места своего постоянного проживания, без деления на периодичность выходов.

Расчет недополученного НДФЛ в доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета осуществлялся с использованием числа межрегиональных возвратных трудовых мигрантов, покидающих свой регион, а также суммы НДФЛ, начисленной в тех регионах, где они работали. Она умножалась на 12 месяцев, чтобы рассчитать тот объем средств, который межрегиональные возвратные трудовые мигранты уплатили в бюджет других регионов за год. Разделив полученное значение на доходную часть от НДФЛ консолидированного бюджета региона проживания, был получен относительный эффект от недополученного НДФЛ для региона проживания мигранта (1):

$$НД_{НДФЛ\ cп} = \frac{МВТМ_{c1} * (НДФЛ_{МВТМ_{c1}} * 12 \text{ мес.}) + \dots + МВТМ_{cn} * (НДФЛ_{МВТМ_{cn}} * 12 \text{ мес.})}{ДБ_{НДФЛ\ cп}} \times 100\% \quad (1),$$

где $НД_{НДФЛ\ cп}$ – доля недополученного НДФЛ от доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета субъекта n проживания межрегионального возвратного трудового мигранта, %;

$МВТМ_{cn}$ – численность межрегиональных возвратных трудовых мигрантов субъекта-проживания n , уехавших на работу в отличный от места проживания субъект n , чел.;

$НДФЛ_{МВТМ_{cn}}$ – сумма НДФЛ межрегионального возвратного трудового мигранта, рассчитанная по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников по полному кругу организаций в целом по экономике субъекта работы n , руб.;

$ДБ_{НДФЛ\ cп}$ – доходы от НДФЛ исполненного консолидированного бюджета субъекта проживания возвратного трудового мигранта, руб.

Для расчета привнесенного НДФЛ в структуру доходов от НДФЛ консолидированного бюджета было использовано число межрегиональных возвратных трудовых мигрантов, приезжающих из разных субъектов РФ в конкретный принимающий регион для осуществления трудовой деятельности. Для исчисления годовой суммы НДФЛ использовалась сумма НДФЛ, рассчитанная на основе среднемесячной номинальной заработной платы в принимающем

регионе. Полученная сумма отражает объем денежных средств, которые межрегиональные возвратные трудовые мигранты из других регионов привнесли в бюджет конкретного принимающего региона. Данный показатель рассчитывается по следующей формуле (2):

$$ПД_{НДФЛ\ cп} = \frac{МВТМ_{cп} * (НДФЛ_{ВМТМ_{cп}} * 12 \text{ мес.})}{ДБ_{НДФЛ\ cп}} \times 100\% \quad (2),$$

где $ПД_{НДФЛ\ cп}$ – доля привнесенного НДФЛ в доходную часть от НДФЛ консолидированного бюджета принимающего субъекта n , полученного за счет межрегиональной возвратной трудовой миграции из других субъектов, %;

$МВТМ_{cп}$ – численность межрегионального возвратных трудовых мигрантов, прибывающих в субъект n с целью работы из регионов, отличных от места постоянного проживания, чел.;

$НДФЛ_{ВМТМ_{cп}}$ – сумма НДФЛ межрегионального возвратного трудового мигранта, рассчитанная по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников по полному кругу организаций в целом по экономике субъекта работы n , руб.;

$ДБ_{НДФЛ\ cп}$ – доходы от налога на доходы физических лиц исполненного консолидированного бюджета субъекта проживания возвратного трудового мигранта, руб.

Экономические последствия от внутрирегиональной возвратной трудовой миграции были оценены через долю сохраненного НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета. Для расчета данного показателя использовались данные о количестве внутрирегиональных возвратных трудовых мигрантов и годовом объеме НДФЛ, рассчитанном на основе среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в регионе их проживания. Общая формула (3) выглядит следующим образом:

$$СД_{НДФЛ\ cп} = \frac{ВВТМ_{cп} * (НДФЛ_{ВВТМ_{cп}} * 12 \text{ мес.})}{ДБ_{НДФЛ\ cп}} \times 100\% \quad (3),$$

где $СД_{НДФЛ\ cп}$ – доля сохраненного НДФЛ в доходной части консолидированного бюджета от доходов от НДФЛ, полученный за счет внутрирегиональной возвратной трудовой миграции, %;

$ВВТМ_{cп}$ – численность внутрирегиональных возвратных трудовых мигрантов субъекта n , чел.;

$НДФЛ_{ВВТМ_{cп}}$ – сумма НДФЛ внутрирегионального возвратного трудового мигранта, рассчитанная по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников по полному кругу организаций в целом по экономике субъекта n , руб.;

$ДБ_{НДФЛ\ cп}$ – доходы от налога на доходы физических лиц исполненного консолидированного бюджета субъекта проживания внутрирегионального трудового мигранта, руб.

Рекомендации по разработке мер регулирования возвратной трудовой миграции были представлены на примере Вологодской области. Данный регион был выбран в качестве модельного, так как особенности, масштабы и направления потоков возвратной трудовой миграции в названном субъекте имеют показатели, присущие большинству регионов России.

В работе, во избежание повторов, были использованы синонимичные термины. Так, для обозначения территории проживания возвратного трудового мигранта используются термины регион исхода, регион проживания или регион–донор, а для обозначения региона, в котором работает – регион работы, принимающий регион, регион-реципиент. В случае вахтовой организации труда были применены синонимы вахта, вахтовая трудовая миграция, вахтовый

способ работы. Говоря о возвратной трудовой миграции, применяется синонимичный термин возвратные пространственные перемещения.

Использованные методы позволяют проанализировать региональную дифференциацию масштабов возвратной трудовой миграции, включая различные ее виды. Они дают возможность исследовать динамику межрегиональных возвратных трудовых перемещений, а также позволяют сравнить ее с тенденциями постоянной миграции, что предоставляет возможность проанализировать ее особенности. Представленные методы также позволяют оценить экономические последствия для консолидированных бюджетов российских регионов.

Таким образом, были выделены основные и факультативные критерии и признаки возвратной трудовой миграции, под которой понимается возвратное, цикличное неоднократное перемещение на территорию другого населенного пункта с целью выполнения трудовых функций с пересечением границ населенного пункта проживания без смены постоянного места жительства с различной периодичностью. Предложенные критерии позволяют однозначно определять категории маятниковых трудовых мигрантов и вахтовиков. Было выявлено, что факторы, влияющие на принятие индивидом решения о возвратной трудовой миграции, подразделяются на несколько взаимосвязанных групп и действуют комплексно. Взаимосвязь факторов проявляется в том, что выбор индивида определяется как субъективными, отражающими индивидуальные особенности, так и объективными, характеризующими внешние условия, факторами. Оценивая противоречия между условиями текущего места проживания и потенциальными выгодами возвратной трудовой миграции, индивид формирует субъективные установки, влияющие на выбор изучаемого вида пространственных перемещений.

Возвратная трудовая миграция оказывает сложное влияние на различные уровни региональной экономики и социальной сферы. С одной стороны, она способствует перераспределению трудовых ресурсов между регионами, повышению уровня занятости и стимулированию экономического роста на местах. С другой стороны, возвратная трудовая миграция обостряет такие проблемы, как дисбаланс на рынке труда, ухудшение здоровья мигрантов, а также негативное воздействие на семейные отношения и пр. Эти разнонаправленные последствия требуют комплексного подхода к регулированию миграционных процессов, учитывающего как позитивные, так и негативные аспекты возвратной трудовой миграции.

ГЛАВА 2. ТЕНДЕНЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗВРАТНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1. Масштабы возвратной трудовой миграции

Динамику возвратной трудовой миграции в России с 2013 г. можно проанализировать по данным ОРС, отражающим изменения в межрегиональных перемещениях. Количество возвратных трудовых мигрантов увеличилось на 367 тыс. чел. с 2323,1 тыс. в 2013 г. до 2690,1 тыс. в 2023 г. (рис. 3). Вахтовая трудовая миграция остается доминирующим видом межрегиональных перемещений, и ее доля в структуре занятого населения выросла на 0,2 п.п., с 1,8% в 2013 г. до 2% с 2023 г. Наибольшие значения доли вахтовых работников были зафиксированы в 2021 г. (2,2%). Снижение численности вахтовых работников с 2022 г. связано с мобилизационными мероприятиями, затронувшими молодых мужчин, которые составляют основную часть данной группы²³⁴. Число межрегиональных маятниковых трудовых мигрантов увеличилось на 0,3 п.п., составив 1,7% от занятого населения в 2023 г., а в период с 2019 по 2020 г. наблюдался спад (с 1,9% до 1,7%), что можно объяснить ограничениями, связанными с эпидемиологической ситуацией, которые сильнее повлияли на межрегиональные, чем на внутрирегиональные перемещения. В целом уровень маятниковой трудовой миграции стабильно сохраняется на протяжении длительного времени²³⁵.

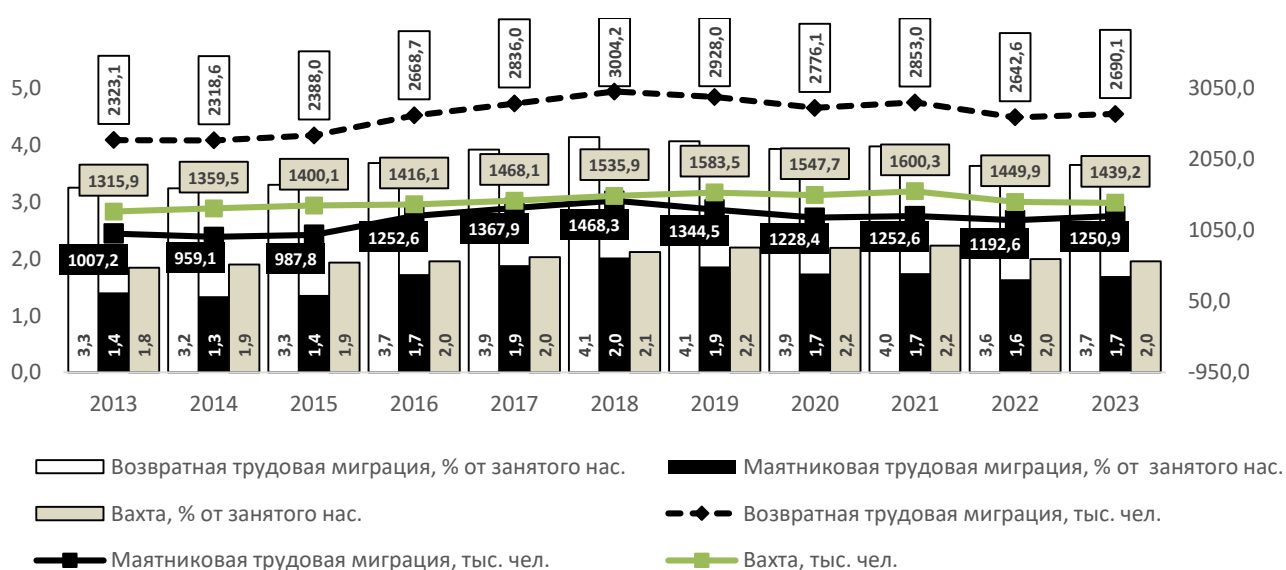

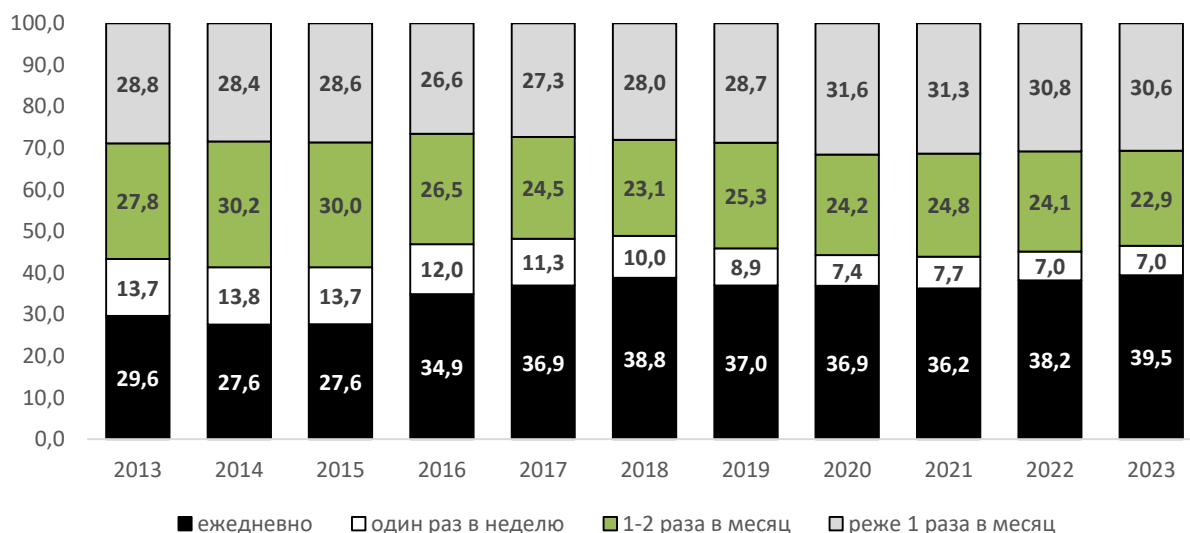
Рисунок 3. Динамика межрегиональной возвратной трудовой миграции в РФ, 2013-2023 гг., тыс. чел., % от общего числа межрегиональных возвратных трудовых мигрантов

²³⁴ Захарченко А. А., Пить В.В. Региональные особенности маятниковой трудовой миграции в Уральском федеральном округе (на примере пилотажного исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 4(36). С. 594-603.

²³⁵ Шитова Ю.Ю. Влияние дальних поездок на работу на здоровье маятниковых трудовых мигрантов: обзор литературы // Population and Economics. 2024. № 8(1). С. 37-51.

Источник: Составлено по Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>

Среди межрегиональных возвратных трудовых перемещений наиболее распространенной периодичностью выходов на работу являются ежедневные и те выходы, которые совершаются реже 1 раза в месяц (рис. 4). Оба вида пространственных перемещений имеют тенденцию на увеличение: так доля ежедневных выходов на работу увеличилась с 29,6% до 39,5% (на 9,9 п.п.) к 2023 г., а перемещения, осуществляемые реже 1 раза в месяц – с 28,8% до 30,6% (на 1,8 п.п.) за исследуемый период.

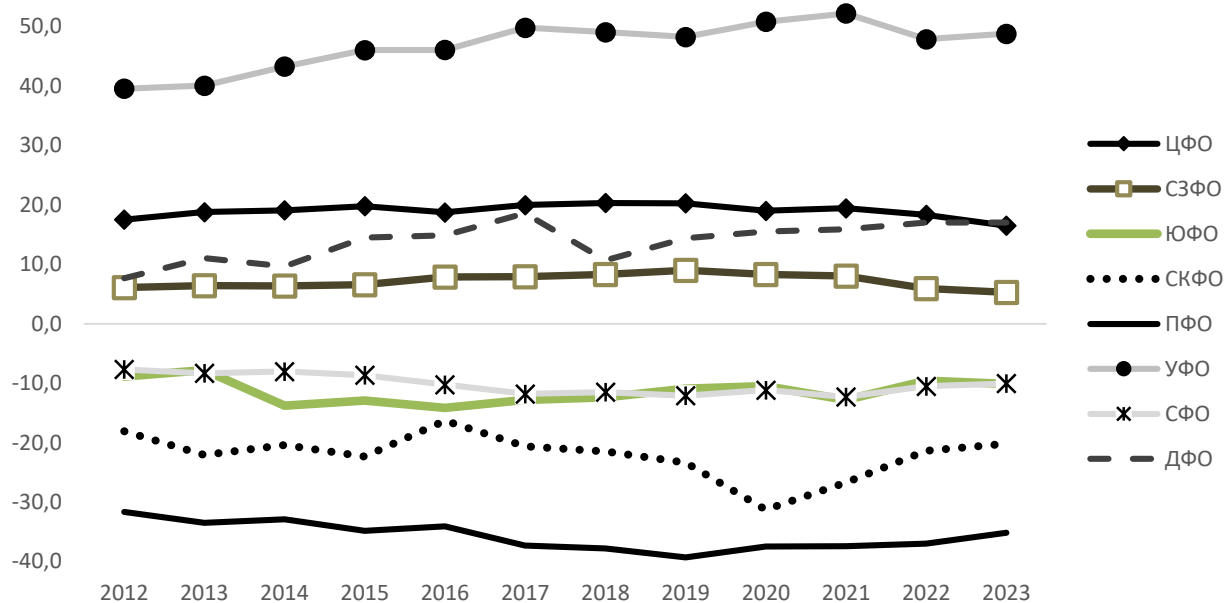

Рисунок 4. Распределение занятого населения в возрасте 15 лет и старше, работающего на территории другого субъекта Российской Федерации, по периодичности возвращения домой от общего числа работающих на территории других субъектов РФ, 2013-2023 гг., % от межрегиональной возвратной трудовой миграции

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>

Частный коэффициент миграционного прироста межрегиональной возвратной трудовой миграции демонстрирует четкое разделение федеральных округов на те, в которых на протяжении изучаемого периода наблюдаются положительные значения показателя, а именно Уральский, Центральный, Дальневосточный, Северо-Западный федеральные округа и отрицательные – Сибирский, Южный, Северо-Кавказский и Приволжский федеральные округа (рис. 5). В случае положительных значений частного коэффициента, территория федеральных округов рассматривается индивидом, как наиболее привлекательная для осуществления трудовой деятельности в ней, но не для проживания²³⁶.

²³⁶ Соколова А. А. К вопросу оценки привлекательности территорий для постоянной и временной трудовой миграции [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. 2023. Т. 11. № 2. – Режим доступа: <http://vtr.volnc.ru/article/29838>. (дата обращения: 22.08.2024).

Рисунок 5. Частный коэффициент миграционного прироста межрегиональной возвратной трудовой миграции по федеральным округам, 2012-2023 гг., на 1000 чел. занятого населения

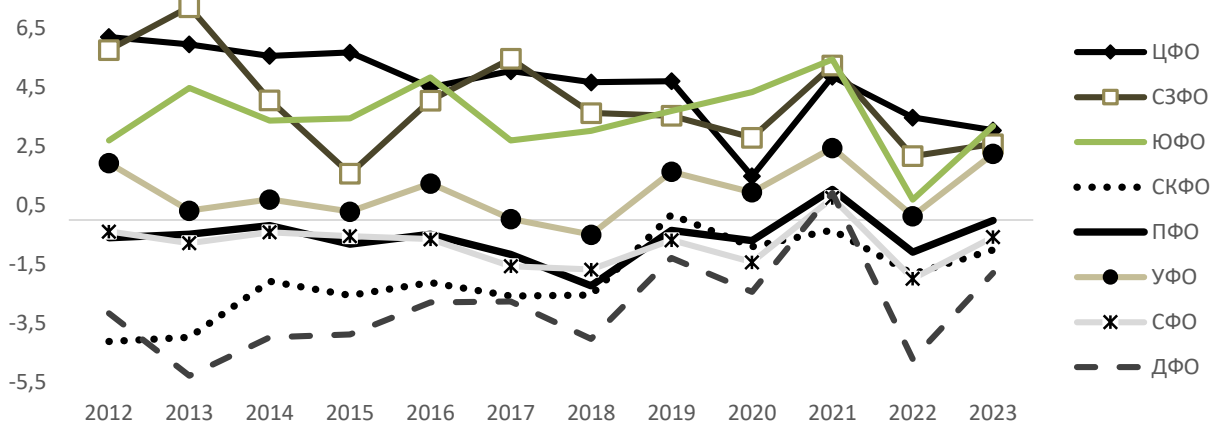
Источник: рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>; Статистический бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации» URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

Сравнивая тренды межрегиональной возвратной трудовой миграции с постоянной миграцией, становится заметен более флуктуирующий характер последней (рис. 6). Так, значения коэффициента интенсивности постоянной миграции в Северо-Западном, Центральном, Южном и Уральском федеральных округах на протяжении всего исследуемого периода имеют положительные значения, тогда как в Сибирском, Приволжском, Северо-Кавказском и Дальневосточном – наоборот. Динамика коэффициента демонстрирует тренд на снижение интенсивности постоянной миграции в 2020 г. (за исключением ЮФО), рост в 2021 г., повторное снижение в 2022 г. и новый подъем в 2023 г., что свидетельствует о чувствительности миграционных процессов к внешним факторам²³⁷. Пандемия COVID-19 спровоцировала возвращение на родину временных, в том числе трудовых, иностранных мигрантов, что повлияло на конъюнктуру национальных рынков труда²³⁸ и выразилась в снижении значений интенсивности постоянной миграции. Например, всплеск значений коэффициента в 2021 г. во всех федеральных округах до положительных значений (только Северо-Кавказский федеральный

²³⁷Груздева М.А. Социокультурный ракурс регионального развития: опыт многолетних наблюдений // Социальное пространство. 2022. № 2. С. 1-16.

²³⁸Седлов А.П., Кубишин Е.С., Соболева И.В. Рынок труда иностранной рабочей силы в России: влияние пандемии // Россия и современный мир. 2021. № 3 (112). С. 59-72.

округ продемонстрировал нулевое значение сальдо), может объясняться снятием ограничительных мер, вызванных пандемией COVID-19. В 2022 г. во всех федеральных округах наблюдается нисходящая динамика данного показателя, обусловленная масштабным кризисом, затронувшим многие сферы общественной жизни как в стране, так и в мире. Данная тенденция свидетельствует о доминирующей роли социально-экономических дисбалансов, обострившейся политической ситуации, угрозы безопасности жизни в принятии миграционного решения^{239,240}.

Рисунок 6. Коэффициент интенсивности постоянной миграции населения по федеральным округам, 2012-2023 гг., на 1000 чел. населения

Источник: Рассчитано по Численность и миграция населения Российской Федерации.

URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

В значениях частного коэффициента миграционного прироста межрегиональной возвратной трудовой миграции наблюдается меньшая вариативность значений на протяжении исследуемого периода по сравнению со значением коэффициента интенсивности постоянной миграции, что подтверждается значениями коэффициента вариации (табл. 2). Коэффициент вариации частного коэффициента возвратной трудовой миграции остается низким во всех федеральных округах, что говорит о большей устойчивости тенденций возвратной трудовой миграции. Значения коэффициента интенсивности постоянной миграции выше во всех округах за исключением ЦФО, что свидетельствует о высокой изменчивости данного показателя на всех изучаемых территориях. Исходя из этого, можно предположить, что постоянная миграция, которая предполагает более радикальные перемены в жизни индивидов, такие как смена постоянного места жительства и окружения, а также имеет более выраженные долгосрочные

²³⁹Цапенко И. П. Миграционные эффекты социальных дисбалансов // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93, № 3. С. 214-227.

²⁴⁰Соколова А. А. К вопросу оценки привлекательности территорий для постоянной и временной трудовой миграции [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. 2023. Т. 11. № 2. – Режим доступа: <http://vtr.volnc.ru/article/29838> (дата обращения: 22.08.2024).

последствия, чувствительнее реагирует на внешние события, чем возвратная трудовая миграция²⁴¹.

Таблица 2

Значения коэффициента вариации для федеральных округов РФ в период с 2012 по 2023 гг., % от занятого населения соответствующих территорий.

Субъект	Коэффициент вариации по:	
	Коэффициенту интенсивности постоянной миграции, %	Частному коэффициенту миграционного прироста возвратной трудовой миграции, %
Центральный федеральный округ	28,4	6,0
Северо-Западный федеральный округ	39,5	16,5
Южный федеральный округ	33,9	17,9*
Северо-Кавказский федеральный округ	62,7*	17,6*
Приволжский федеральный округ	127,1*	6,6*
Уральский федеральный округ	98,1	8,6
Сибирский федеральный округ	99,3*	16,3*
Дальневосточный федеральный округ	55,0*	24,3

* в федеральных округах, где все значения интенсивности по сальдо имели отрицательные значения, для расчёта коэффициента вариации было взято его значение по модулю.
 Рассчитано по: Итоги выборочного обследования рабочей силы [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>; Социально-экономическое положение федеральных округов [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260>; Статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

Всероссийская перепись населения, предоставляет данные, позволяющие более полно оценить возвратную трудовую миграцию, поскольку включает в себя не только межрегиональные, но и внутрирегиональные перемещения населения и представляет собой срез данных за 2021 г. Это объясняет и различие оценки масштабов и процентного соотношения вахты и маятниковой трудовой миграции с данными выборочного обследования рабочей силы.

Возвратные трудовые мигранты составляют 10,4% от численности занятого населения; преобладающим видом возвратной трудовой миграции выступает маятниковая трудовая миграция: на ее долю приходится 8% от всего занятого населения, тогда как на вахту – 2,4%. В целом, для России характерна умеренная доля возвратных трудовых мигрантов, таких регионов с стране насчитывается 59 единиц (прил. 2, рис. 7).

Наибольший удельный вес возвратных трудовых мигрантов в численности занятого населения имеют такие регионы-исхода как Ленинградская область (26,4% от численности занятого населения), Московская область (22,9%), Республика Марий Эл (22,3%), Республика Чувашия (21,7%), Брянская область (20,1%), Орловская область (19,2%), Рязанская

²⁴¹ Соколова А. А. К вопросу оценки привлекательности территорий для постоянной и временной трудовой миграции [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. 2023. Т. 11. № 2. – Режим доступа: <http://vtr.volnc.ru/article/29838> (дата обращения: 22.08.2024).

область (18,6%), Республика Мордовия (18,1%), Тамбовская область (18,0%), Белгородская область (17,7%). Данные субъекты обладают высокой плотностью населения и имеют относительно небольшую площадь. В таких условиях вероятность пересечения границ муниципальных образований выше, чему способствует и налаженная транспортная связь между населенными пунктами²⁴². Высокий удельный вес возвратной трудовой миграции в Центральном федеральном округе объясняется сильным притяжением г. Москвы, территориальной близостью субъектов, что облегчает возможность осуществления ежедневных поездок на работу. Наличие значительных промышленных и строительных проектов в г. Москва и Московской области создает спрос на рабочую силу из соседних регионов, в том числе в вахтовом режиме. В Республике Марий Эл высокий удельный вес возвратной миграции может быть связан с близостью к развитым промышленным центрам Приволжья (Нижний Новгород, Казань), что определяет ее как регион-донор работников для крупных городов.

Наименьший удельный вес возвратных трудовых мигрантов отмечается в г. Санкт-Петербурге (0,5% от численности занятого населения), г. Москве (1,3%), г. Севастополе (1,4%), в Чукотском (0,7%), Ямало-Ненецком (2,2%), Ненецком (3,9%), Ханты-Мансийском (3,9%) автономных округах, Магаданской области (3,5%), Камчатском (3,9%) и Хабаровском (4,9%) краях. Это объясняется тем, что представленные города федерального значения сами являются крупными центрами притяжения трудовых мигрантов, а постоянное население, проживающее в них, имеет возможность устроиться на рабочие места, которые соответствуют их зарплатным и карьерным ожиданиям, что исключает необходимость в выезде на другие территории. Автономные округа являются нефтегазодобывающими регионами (ХМАО, НАО, ЯНАО) и экспортно-ресурсными регионами (Чукотский АО), которые делают эти регионы привлекательными для работы местного населения, чем также обуславливают низкую долю возвратной трудовой миграции. Кроме того, суровые климатические условия и большое расстояние от населенных пунктов делает затруднительным маятниковую трудовую миграцию, а также кратковременную вахту.

---

²⁴²Соколова А.А., Калачикова О.Н. Современное отходничество: анализ территориальной специфики по данным переписи населения России // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сб. науч. ст. / ред. д-р экон. наук, проф. О.А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А.П. Багирова, д-р истор. наук, проф. Г.Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И.А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б.Ю. Берзин, канд. экон. наук Н.П. Неклюдова, О.А. Пышминцева; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2023. С. 312–322.

Рисунок 7. Распределение возвратных трудовых мигрантов в РФ, 2021 г., в % численности занятого населения региона исхода.

Источник: Рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

В целом, возвратные трудовые перемещения осуществляются в 99,7% случаев на территории Российской Федерации, лишь 0,3% составляют выезды за пределы страны (рис. 8). Большая часть внутристрановых возвратных перемещений осуществляется на территории субъекта проживания (67,9%) трудового мигранта. Практически половину всех перемещений составляют ежедневные выходы на работу (47,3%) в населенный пункт, отличный от места постоянного проживания.

Рисунок 8. Распределение возвратных трудовых мигрантов по виду, территории места работы, периодичности выходы на работу и доле участия населения, 2021 г., % от возвратной трудовой миграции

Источник: Итоги всероссийской переписи населения 2020 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>

Распределение маятниковых трудовых мигрантов по территории места работы, периодичности выхода на работу очень схоже с параметрами возвратной трудовой миграции в целом (рис. 9). Это можно объяснить тем, что маятниковая трудовая миграция составляет 77,4% от всех видов возвратных трудовых миграций. На объемы маятниковой трудовой миграции влияют такие характеристики, как площадь территории и количество входящих в регион муниципальных образований. С помощью применения метода множественного регрессионного анализа, а именно метода наименьших квадратов, было выяснено, что чем меньше территория и удельный вес площади субъекта проживания маятникового трудового мигранта в структуре федерального округа, в который он входит, тем выше доля маятниковых трудовых миграций в структуре занятого населения. Аналогично: в регионах с большим количеством муниципальных образований в административной структуре наблюдаются большие объемы маятниковой трудовой миграции²⁴³.

Рисунок 9. Удельный вес маятниковой трудовой миграции по субъектам РФ, 2021 г., % от численности занятого населения региона исхода

Источник: Рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Самыми крупными очагами маятниковой трудовой миграции в 2021 г. стали Республика Марий Эл (17,3% от численности занятого населения субъекта), Московская область (21,3%),

²⁴³ Соколова А.А., Метляхин А.И. Опыт моделирования влияния факторов, характеризующих территорию исхода, на удельный вес маятниковой трудовой миграции // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28. № 3. С. 97–118.

Ленинградская область (24,9%) (прил. 3). Маятниковые перемещения меняют географию городов, поскольку трудовая деятельность индивидов происходит за пределами традиционного города, вызывая тем самым, со временем расширение зоны городской среды²⁴⁴, когда административные границы городов размываются за счет пригородов, создавая новые очертания агломерационных зон²⁴⁵. Чукотский (0,3%) и Ямало-Ненецкий (0,4%) автономные округа продемонстрировали низкие доли маятниковых трудовых мигрантов в структуре занятого населения. Это обуславливается тем, что данные субъекты являются крупными центрами нефте- и газодобычи, которые в большей степени более привлекательны для вахтовой организации труда.

Маятниковая миграция в большинстве субъектов Российской Федерации демонстрирует высокий процент ориентации на рынок труда, находящийся на территории субъекта проживания трудового мигранта (79,4%) (рис. 10, прил. 4). Внутрорегиональная маятниковая трудовая миграция возрастает в условиях плотного расселения и наличия городской инфраструктуры, особенно при наличии крупных городов, привлекательных для работы, и развитой сети межмуниципального транспорта. Такая структура облегчает поездки в пределах региона и, напротив, снижает необходимость межрегиональных перемещений, которые требуют больше времени и затрат на дорогу²⁴⁶. Преобладание перемещений внутри своего субъекта проживания среди маятниковых трудовых мигрантов обуславливается тем, что данной категории работников в связи с их графиком работы, который не отличается от обычных работников, сложнее осуществлять передвижения на дальние расстояния. Маятниковая трудовая миграция в другие страны составляет менее 1% от общего количества маятниковых трудовых перемещений. К субъектам, для которых характерны в большей степени внешние перемещения, заключающиеся в высокой доле выездов маятниковых трудовых мигрантов за пределы территории субъекта своего постоянного проживания, относятся ресурсно-добывающие регионы (НАО, ХМАО, ЯНАО). Ленинградская и Московская области так же отличаются преобладанием выходов на работу за пределы региона своего проживания, поскольку являются донорами для городов федерального значения²⁴⁷.

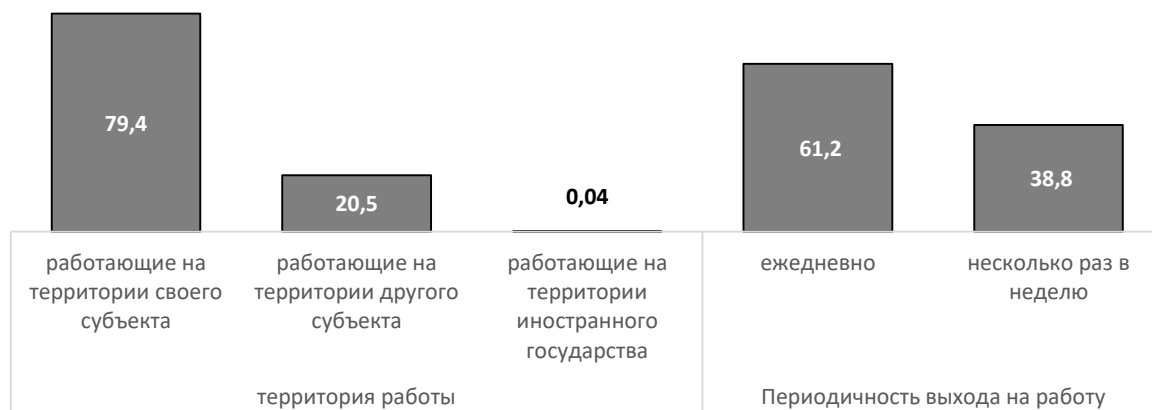
---

²⁴⁴ Thomas I., Adam A., Verhetsel A. Migration and commuting interactions fields: a new geography with community detection algorithm? [Электронный ресурс] // *Belgeo*. № 4. 2017. – Режим доступа: https://journals-openedition.org.translate.google/belgeo/20507?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc <https://doi.org/10.4000/belgeo.20507> (дата обращения: 16.09.2024).

²⁴⁵ Соколова А. А. Возможности и ограничения оценки масштабов маятниковой трудовой миграции // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: Материалы VIII международной научно-практической интернет-конференции, Вологда, 27–31 марта 2023 г. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2023. С. 176-181.

²⁴⁶ Соколова А.А., Метляхин А.И. Опыт моделирования влияния факторов, характеризующих территорию исхода, на удельный вес маятниковой трудовой миграции // *Проблемы развития территории*. 2024. Т. 28. № 3. С. 97–118.

²⁴⁷ Соколова А.А. Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России. *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27. № 4. С. 52-70.

Рисунок 10. Распределение маятниковых трудовых мигрантов по территории места работы, периодичности выходы на работу и доле участия населения, 2021 г., % от маятниковой трудовой миграции

Источник: Итоги всероссийской переписи населения 2020 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>

Маятниковые трудовые мигранты совершают поездки с разной периодичностью, но самыми распространенными являются ежедневные перемещения: на их долю приходится 61,2% от всего потока маятниковой трудовой миграции (прил. 5). В пяти субъектах России наблюдается перевес в сторону перемещений, осуществляемых с частотой несколько раз в неделю. Периодичность выходов несколько раз в неделю ассоциируется с более продолжительным временем отхода, который может предполагать сменный график работы (например, сутки через двое/трое).

На долю вахтовых трудовых мигрантов приходится 22,6% всех перемещений в структуре возвратной трудовой миграции. Такие районы исхода как Центральная часть России и Приволжье являются территориями с наибольшей долей вахтовых трудовых мигрантов в структуре возвратных трудовых перемещений (рис. 11).

Рисунок 11. Распределение вахтовых мигрантов в РФ, 2021 г., в % численности занятых региона исхода.

Источник: Рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Наибольший удельный вес выезжающих на вахту отмечается в 10 субъектах Российской Федерации (прил. 6), где чаще донорами вахтовых работников выступают регионы со средним уровнем социально-экономического развития. Те регионы исхода вахтовых трудовых мигрантов, которые находятся в центральной части России, такие как Тамбовская (5,4% от численности занятого населения региона), Рязанская (5,6%), Ивановская (5,8%), Орловская (6,5%) и Брянская области (8,1%), характеризуется участием в вахтовой работе, не связанной с «традиционными» отраслями (например, добывающая и обрабатывающая отрасли), а во многом представленной сферой услуг (няни, домработницы, комплектовщики заказов²⁴⁸)²⁴⁹.

В группу регионов с умеренной долей вахтовых работников в структуре занятого населения региона исхода входит 66 субъектов, тогда как в 9 субъектах наблюдается минимальный удельный вес данной категории работников в структуре занятого населения. Эти регионы являются миграционно привлекательными сами по себе, а также расположены на территории освоенных зон с развитой инфраструктурой и благоприятным климатом²⁵⁰ (города федерального значения Санкт-Петербург (0,1%), Москва (0,2%) и Севастополь (0,7%), Московская область (0,7%)), где рынок труда предоставляет возможности для трудоустройства в

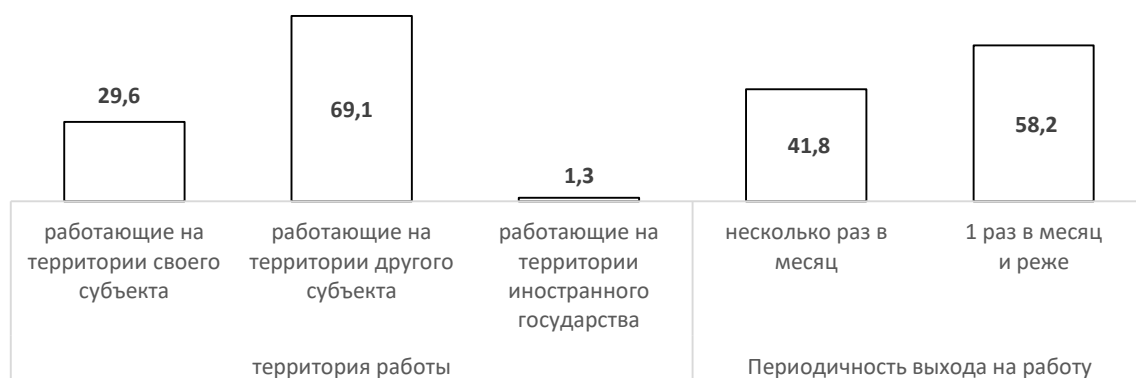
²⁴⁸ Как изменить жизнь на несколько месяцев, или Правда о вахте [Электронный ресурс] // Группа компаний HeadHunter. – Режим доступа: <https://spb.hh.ru/article/29795> (дата обращения: 16.09.2024).

²⁴⁹ Короленко А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 191–212.

²⁵⁰ Там же.

месте своего проживания, исключая необходимость работы в других населенных пунктах. В случае Республики Ингушетии (0,5%) низкий удельный вес в участии в вахтовых пространственных перемещениях можно связать с высоким уровнем неформальной занятости и нежеланием работодателей привлекать работников из регионов Северного Кавказа²⁵¹. Чукотский автономный округ (0,4%), Камчатский край (0,5%) и Мурманская область (0,7%), относящиеся к слабоосвоенным зонам и Ненецкий автономный округ (0,6%), являющиеся богатыми нефтегазодобывающим регионом, где находятся работодатели, предлагающие работу вахтовым способом.

Вахтовые перемещения практически во всех случаях осуществляются на территорию другого субъекта (69,1%), что объясняется спецификой вахтовой работы, которая зачастую находится в отдаленных районах страны (рис. 12).

Рисунок 12. Распределение вахтовых трудовых мигрантов по территории места работы, периодичности выходы на работу и доле участия населения, 2021 г., % от вахтовой трудовой миграции

Источник: Итоги всероссийской переписи населения 2020 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>

В большинстве субъектов, а именно в 55 из 85, наблюдается преобладание внешних вахтовых перемещений над внутрирегиональными (прил. 7). Наиболее распространенным видом вахты по периодичности является долговременная вахта, которой свойственны выходы на работу 1 раз в месяц и реже (прил. 8). Вахтовые перемещения, осуществляемые несколько раз в месяц более распространены в центральной части России (Курская, Московская, Тульская, Владимирская, Рязанская, Калужская области)²⁵², что вызвано параметром близкого расположения выделенных областей в Московской агломерационной зоне обуславливается близостью к столичному региону. Московская (87,0% кратковременной вахты в структуре всей

²⁵¹ Короленко А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 191–212.

²⁵² Там же.

вахтовой трудовой миграции), Ленинградская (83,6%), Тульская (84,4%), Нижегородская области (69,3%) являются регионами Центральной России, население из которых привлекают более богатые близлежащие регионы в такие отрасли как строительство и дорожные работы, где требуются большое количество рабочей силы. Развитая сеть транспортных сообщений позволяет быстро перемещаться между рабочими объектами и местом проживания, что делает краткосрочные вахты более удобными и экономически целесообразными. Помимо этого, кратковременная вахта позволяет оперативно реагировать на нужды производства и строительства, быстро восполнять дефицит рабочей силы. Кратковременная вахта широко используется на строительных площадках, особенно при возведении крупных объектов (дороги, мосты, жилые комплексы, промышленные здания), дорожно-транспортных работах, в вырубке и переработке древесины. Так же для многих работников одно-, двухнедельная вахта удобна с точки зрения возможности поддерживать баланс между работой и семейной жизнью, позволяет восстанавливать силы, что в свою очередь положительно сказывается на производительности труда²⁵³.

Таким образом, для России в целом характерно преобладание в структуре возвратной трудовой миграции маятниковой: она составляет 80% перемещений, тогда как на вахту приходится менее 20%. Основные направления миграции соответствуют территориальной концентрации экономической активности – из слаборазвитых регионов в более развитые и из сельской местности в города²⁵⁴. Возвратная трудовая миграция по сравнению с постоянной демонстрирует более устойчивые тренды на протяжении исследуемого периода, меньшую зависимость от событий шокового характера, происходящих в социально-экономическом развитии страны и ее регионов. Практически все перемещения возвратных трудовых мигрантов осуществляются на территории Российской Федерации (99,7%) и большая доля – внутри региона своего проживания (79,4%). Маятниковая трудовая миграция имеет наибольший удельный вес в Центральной Европейской части России и в Приволжье, что обуславливается административно-территориальным делением данных территорий и наличием крупных агломерационных центров. Вахтовая трудовая миграция в большинстве случаев осуществляется в регионы отличные от места проживания, что обуславливается характером работ, зачастую сопряженных с добывающей и обрабатывающей промышленностью. Донорами вахтовиков выступают регионы со средним уровнем социально-экономического развития.

---

²⁵³ Bubonya M., Cobb-Clark D.A., Wooden M. Mental health and productivity at work: Does what you do matter? // Labour Economics. 2017. Vol. 46. Pp. 150-165.

²⁵⁴ Демографическое развитие регионов Северо-Западного Федерального округа: IV региональный демографический доклад / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, А.В. Короленко, А.А. Соколова, А.А. Колесов; под редакцией А.А. Шабуновой; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН, 2023. 155 с.

2.2. Демографические и поселенческие особенности возвратной трудовой миграции

Исследование половозрастной структуры возвратных трудовых мигрантов важно для анализа его воздействия на рынок труда и занятость, особенно в контексте социально-экономического развития регионов. На сегодняшний день, данные ВПН-2020 являются основным источником информации о половозрастном составе и поселенческой принадлежности возвратных мигрантов по всем регионам России²⁵⁵.

В среднем по стране в возвратной трудовой миграции задействован каждый 10 занятый индивид (доля возвратной трудовой миграции в структуре занятого населения занимает 10,4%), где сельское население, составляет основную массу (67,7%) возвратных трудовых перемещений (рис. 13). Практически в 80% случаев сельское население осуществляет пространственные перемещения внутри субъекта своего проживания, тогда как городское население предпочитает в 54,4% случаев межрегиональную возвратную трудовую миграцию. Доля возвратной трудовой миграции на территории иностранных государств остается незначительной.

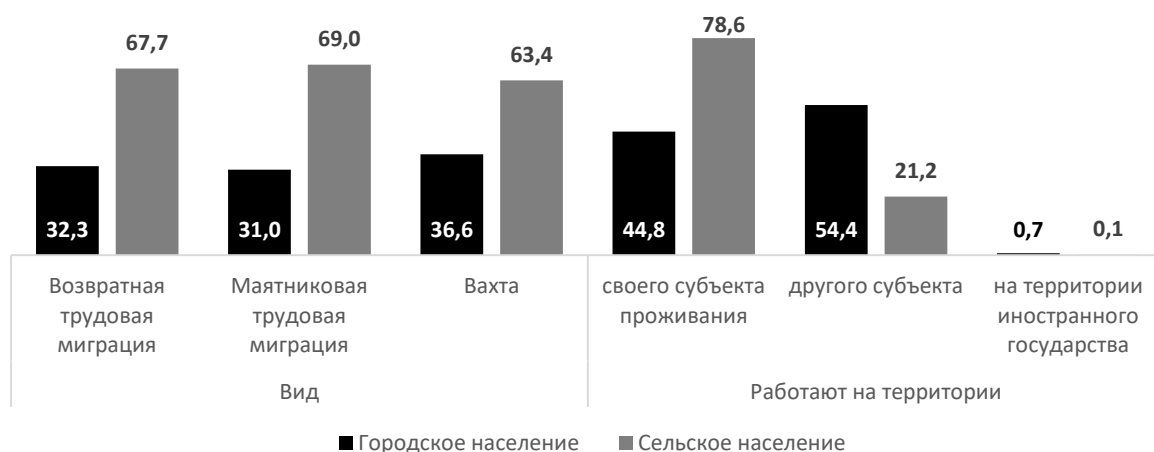

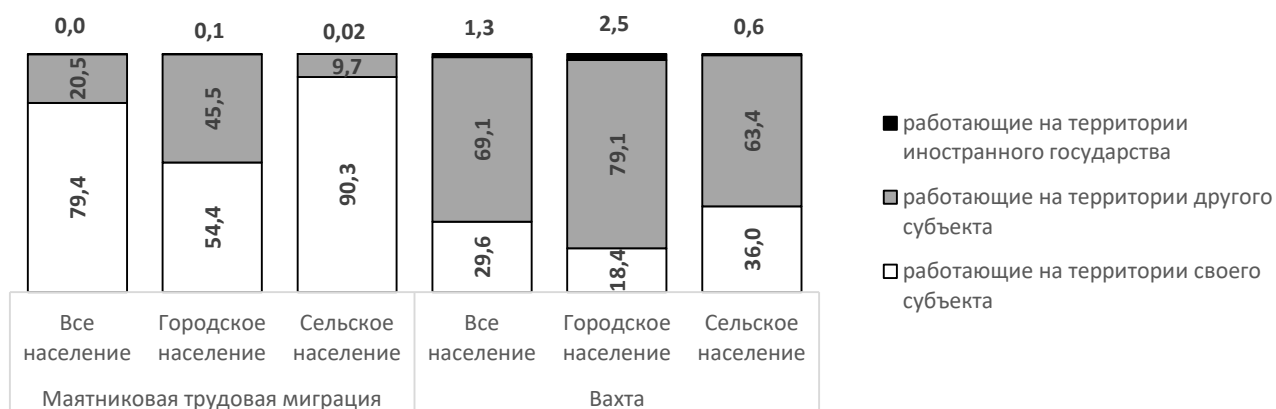
Рисунок 13. Распределение городского и сельского населения по видам возвратной трудовой миграции и территории работы в РФ, 2021 г., %.

Источник: Рассчитано по данным Всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Городское население, участвующее в возвратной трудовой миграции, распределяется почти поровну между внутрирегиональными (44,8%) и межрегиональными (54,4%) перемещениями, с небольшим перевесом в сторону последних (на 9,6 п.п.) (рис. 14). Маятниковая миграция среди городских жителей в 54,4% случаев ограничивается пределами региона проживания, тогда как вахтовая занятость (79,1%) чаще осуществляется за его пределами. Сельское население значительно чаще работает в пределах своего региона (78,6%, на 33,8 п.п.),

²⁵⁵ Короленко А.В., Калачикова О.Н. Современная территориальная и социально-демографическая специфика вахтовой трудовой миграции в России. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 3. С. 206-225.

и 90,3% маятниковых мигрантов остаются внутри региона. Вахтовая занятость, как среди городских, так и сельских жителей, в основном связана с межрегиональными перемещениями.

Рисунок 14. Распределение возвратных трудовых мигрантов по территории места работы, 2021 г., % от возвратной трудовой миграции соответствующей территории работы, от указавших территорию работы

Источник: Рассчитано по данным Всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

В большинстве регионов исхода возвратных трудовых мигрантов (72 субъекта) наблюдается преобладание сельского населения в структуре возвратной трудовой миграции (рис. 15, прил. 9). Это свидетельствует о важной роли данного типа пространственных перемещений в обеспечении занятости сельских жителей.

Рисунок 15. Доля участия городского и сельского населения в возвратной трудовой миграции в РФ, 2021 г., % от возвратной трудовой миграции. (территория исхода)

Источник: Рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

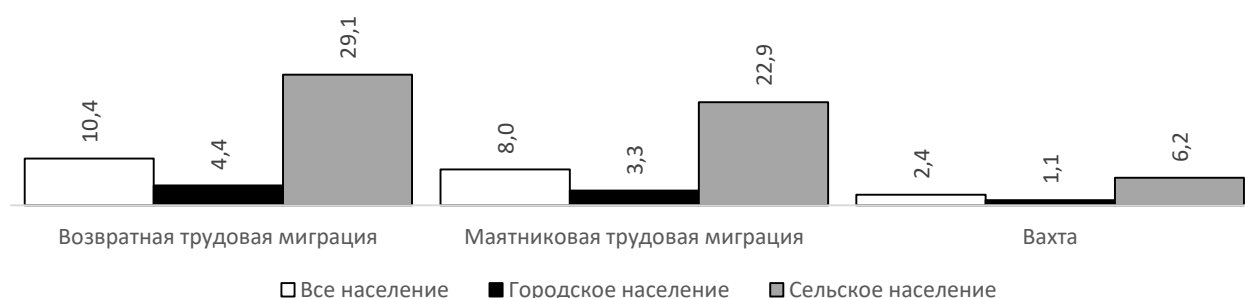
К регионам со смешанным участием городского и сельского населения в структуре возвратной трудовой миграции относятся Сахалинская (58,8% сельского населения в структуре возвратной трудовой миграции), Свердловская (52,9%), Ленинградская области (52,1%) и Еврейская автономная область (53,6%). Такое распределение можно объяснить особенностями социально-экономической ситуации в этих регионах, поскольку часть субъектов относится к богатым нефтегазодобывающим регионам и относительно экономически развитым регионам.

В то же время регионы, в которых преобладает городское население в структуре возвратной трудовой миграции, включают в себя города федерального значения, такие как Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, а также субъекты с высокой долей городского населения в структуре постоянного населения. Эти субъекты, как правило, характеризуются отсутствием или крайне малой долей сельского постоянного населения. Субъекты с преобладанием городского населения в структуре возвратной трудовой миграции нередко включают в себя крупные автономные округа и области, частично находящиеся на территории Крайнего Севера и Арктической зоны РФ, например, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, а также Мурманская область. Эти регионы имеют специфические экономические профили, связанные с добывающей промышленностью, прежде всего нефти и газа, что предопределяет необходимость привлечения высококвалифицированных рабочих, которое чаще можно привлечь из городского населения. Данные регионы являются реципиентами вахтовых работников, которые преимущественно являются жителями городов.

В структуре занятого населения региона исхода наблюдается неравномерное участие городских и сельских возвратных трудовых мигрантов, что обусловлено значительными региональными различиями (прил. 10). К регионам с высокой долей сельских мигрантов относятся те, где в 2021 г. более 15% валовой добавленной стоимости приходится на сельское, лесное хозяйство, охоту и рыболовство (например, Тамбовская, Орловская, Брянская, Пензенская области, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская и Мордовия). В эту группу также входят регионы с преобладанием сельского населения, такие как Республика Калмыкия (53,6%) и Карачаево-Черкесская республика (57,1%). В регионах с низким удельным весом сельских возвратных трудовых мигрантов характерна высокая степень урбанизации и развитая промышленная сфера, что обуславливает привлечение трудовых ресурсов преимущественно из других регионов, а не из местного сельского населения. К таким регионам относятся Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Мурманская и Магаданская области. Низкая доля сельских мигрантов в этих регионах связана не только с их малым количеством, но и с особенностями вахтового метода работы, который требует более квалифицированных

работников. Сельские возвратные трудовые мигранты значительно уступают в конкурентоспособности городским работникам, поскольку последние чаще обладают более востребованными профессиональными навыками и квалификацией, что особенно важно в условиях вахтовой формы занятости.

Удельный вес городских и сельских возвратных трудовых мигрантов в структуре городского и сельского населения имеет значительные различия в региональном разрезе (рис. 16). Сельские возвратные трудовые мигранты составляют 29,1% в структуре сельского занятого населения, тогда как городские возвратные трудовые мигранты – 4,4% в структуре занятого городского населения.

Рисунок 16. Доля возвратной трудовой миграции в структуре занятого населения в РФ, 2021 г., % от занятого населения соответствующего типа территории

Источник: Рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Превалирующее большинство субъектов Российской Федерации (72%) относятся к группе субъектов с умеренной долей городских возвратных трудовых мигрантов в структуре городского занятого населения (см. прил. 11, рис. 17). Высокий удельный вес объясняется, прежде всего, близостью к крупным экономическим центрам (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Казань, г. Краснодар и т.д.), ограниченными возможностями трудоустройства в самих городах регионов и хорошо развитой транспортной инфраструктурой.

Рисунок 17. Распределение удельного веса населения городской местности, участвующего в возвратной трудовой миграции, 2021 г., % от занятого населения городской местности

Источник: Рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Наименьший удельный вес городских возвратных трудовых мигрантов в структуре городского населения наблюдается в 5 субъектах исхода, а именно в г. Санкт-Петербурге (0,2% городских возвратных трудовых мигрантов в структуре городского занятого населения), г. Севастополь (1,2%), г. Москва (1,3%), в Чеченской Республике (1,0%) и Чукотском автономном округе (0,2%). В Московской и Ленинградской областях доля возвратных трудовых мигрантов составляет практически четверть от всех занятых городской местности (18,7% и 18,8% соответственно), что вызвано притяжением Московской и Ленинградской агломераций и наличием множество городов и поселков городского типа в их составе. Тульская (7,5%), Калужская (7,5%), Брянская области (8,1%), также являются основными поставщиками возвратных трудовых мигрантов для Московской агломерации. Этому способствует сочетание мелкого административно-территориального деления данных субъектов, хорошо развитая транспортная инфраструктура и небольшие расстояния до города федерального значения. Республика Адыгея (11,6%) имеет одну из самых высоких долей возвратных трудовых мигрантов, что ассоциируется с нахождением в непосредственной близости от Краснодарского края, который является привлекательным объектом для трудоустройства в сфере гостиничного бизнеса²⁵⁶. Чувашская (7,5%) Республика и Марий Эл (11,6%), являются промышленными

²⁵⁶ Как изменить жизнь на несколько месяцев, или Правда о вахте [Электронный ресурс] // Группа компаний HeadHunter. – Режим доступа: <https://spb.hh.ru/article/29795>. (дата обращения: 16.09.2024).

регионами, которые находятся в непосредственной близости к развитому и опережающему по доходу субъекту освоенной зоны Республике Татарстан²⁵⁷, что и объясняет силу притяжения.

Удельный вес сельского населения, практикующего выезд на работу за пределы населенного пункта места постоянного проживания, в структуре занятого сельского населения, имеет наибольшие значения в Центральной и Европейской частях России (рис. 18). Указанные регионы часто расположены рядом с крупными городами и промышленными центрами, что делает возвратную трудовую миграцию экономически выгодной. В регионах с хорошим транспортным сообщением возвратная трудовая миграция, а в особенности маятниковая, становится удобным способом работы в городе при проживании в сельской местности. Существующий недостаток рабочих мест в сельской местности вынуждает сельское население искать работу за пределами проживания.

Рисунок 18. Распределение удельного веса населения сельской местности, участвующего в возвратной трудовой миграции, 2021 г., % от занятого населения сельской местности

Источник: Рассчитано по данным Всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Умеренную долю сельских возвратных трудовых мигрантов в составе сельского занятого населения имеет 55 субъектов страны (прил. 12). В г. Москве и г. Санкт-Петербурге отсутствует

²⁵⁷ Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс] // Кафедра экономической и социальной географии России. – Режим доступа: <http://www.eoross.ru/files/atlas/typology/index.shtml> (дата обращения: 10.10.2024).

сельское население, поэтому данные субъекты исключаются из анализа, а в г. Севастополе доля сельского населения присутствует, однако вклад сельских возвратных трудовых мигрантов в структуру занятого сельского населения г. Севастополя (4,0% сельских возвратных трудовых мигрантов в структуре сельского занятого населения региона исхода) остается незначительным. Часть регионов, а именно Мурманская (13,8%), Ненецкий автономный округ (2,5%) входят в состав СЗФО, который является наиболее урбанизированным округом России, что обуславливает высокую долю городских возвратных трудовых мигрантов в своей структуре. Помимо этого, наряду с Ямало-Ненецким (3,5%), Ханты-Мансийским (12,9%), Чукотским (2,0%) автономными округами, Республикой Саха (Якутия) (14,3%) они являются лидерами по местонахождению работодателей, предлагающих работу вахтовым способом в субъектах с достаточно неблагоприятными климатическими и экстремальными условиями работы.

В 17 субъектах Российской Федерации возвратная трудовая миграция обеспечивает занятость более чем трети сельского населения, например, в Республике Марий Эл (51,7% сельских мигрантов) трудовая миграция обеспечивает работу половине сельского населения. Высокий удельный вес сельских возвратных трудовых мигрантов в структуре сельского занятого населения также наблюдается в Чувашской Республике (46,6%), Ульяновской (40,5%), Пензенской областях (40,6%), Республике Мордовия (39,7%), что связано с близостью крупных промышленных центров Поволжья. В Центральной России, включая Ярославскую (39,4%), Владимирскую (44,7%), Рязанскую (45,3%), Тверскую (43,7%), Смоленскую (41,6%), Тульскую (41,2%), Орловскую (45,5%), Брянскую (46,1%) и Ивановскую (47,6%) области, высокие значения возвратной трудовой миграции среди сельского населения также высоки, что обуславливается упадком сельской инфраструктуры, что ограничивает возможности трудоустройства для местного населения. Ленинградская область (40,0%), в свою очередь, благодаря близости к Санкт-Петербургу и развитой транспортной инфраструктуре, облегчает маятниковую трудовую миграцию, чем и обуславливается достаточно высокая доля вовлеченного сельского населения в трудовые перемещения за пределы своего места жительства.

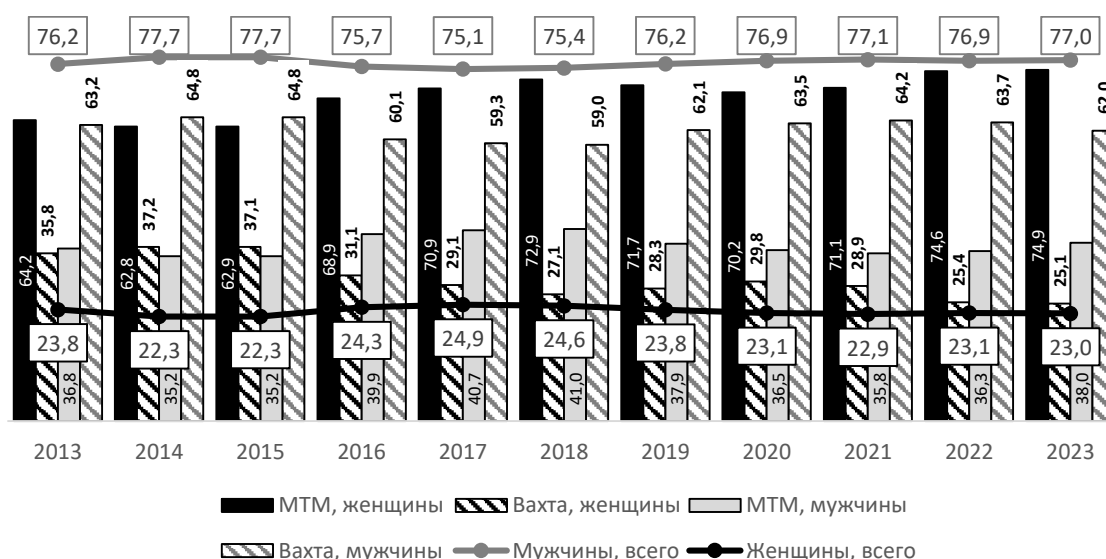
Данные ОРС демонстрируют стабильность соотношения мужского и женского населения в межрегиональных трудовых перемещениях²⁵⁸ с 2013 по 2023 г. (рис. 19). В подобных перемещениях принимает участие в основном мужское население, на его долю приходится 76,2% в 2013 г. и 77,0% в 2023 г., в то время как доля женщин снизилась. В структуре маятниковой трудовой миграции преобладают женщины, чья доля возросла с 64,2% в 2013 г. до 74,9% в 2023 г. Это объясняется тем, что маятниковая трудовая миграция предоставляет женщинам больше

---

²⁵⁸ Соколова А.А. Миграционная ситуация и социально-демографические характеристики мигрантов Северо-Западного федерального округа // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2022. Т. 18. № 3. С. 43-56.

возможностей для совмещения трудовой деятельности с семейными обязанностями, а также обеспечивает большую стабильность. В то же время, доля женщин в вахтовой занятости снизилась с 35,8% в 2013 г. до 25,1% в 2023 г. Маятниковая трудовая миграция способствует лучшему балансу между профессиональной и личной жизнью, а также менее физически изнурительная, чем вахтовая занятость²⁵⁹. Среди мужчин, участвующих в возвратной трудовой миграции, 62% заняты вахтовыми работами, что обусловлено преобладанием мужских вакансий в таких отраслях, как добыча полезных ископаемых, строительство и промышленное производство. На сегодняшний день около 82% резюме вахтовых работников составляют мужчины, а 18% — женщины. Тем не менее, в последние годы наблюдается расширение вакансий для женщин в вахтовых работах в таких сферах, как медицина, социальная помощь и общественное питание²⁶⁰, что свидетельствует о постепенном расширении трудовых возможностей для женщин в этом формате занятости.

Рисунок 19. Распределение межрегиональных возвратных трудовых мигрантов по полу, 2013-2023 гг., % от общего количества возвратных трудовых мигрантов

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>

Анализ данных ВПН-2020, включающий в себя и внутрирегиональные и межрегиональные перемещения, демонстрирует гендерные и территориальные различия (рис. 20). Маятниковая трудовая миграция остается доминирующим видом возвратной трудовой миграции как для городских, так и для сельских мужчин и женщин. Среди маятниковых

²⁵⁹ Соколова А.А. Возвратная трудовая миграция в России: масштабы и тенденции [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. 2022. Т. 10. № 2. – Режим доступа: <http://vtr.volnc.ru/article/29489> (дата обращения: 10.10.2024).

²⁶⁰ Как изменить жизнь на несколько месяцев, или Правда о вахте [Электронный ресурс] // НН.ру. – Режим доступа: <https://hh.ru/article/29795> (дата обращения: 10.10.2024).

трудоустроенных мигрантов, 30,8% мужчин проживает в городских районах, в то время как на маятниковых трудовых мигрантов из сельской местности приходится 69,2%. Схожая динамика прослеживается и среди женщин: 31,3% женщин из городов участвуют в маятниковых перемещениях, в то время как для женщин из сельской местности эта цифра в 2,2 раза больше и составляет 68,7%. Для вахтовой занятости как городской, так и сельской местности характерно более активное участие мужчин (37,4% и 62,6% соответственно) по сравнению с женщинами (34,0% и 66,0%).

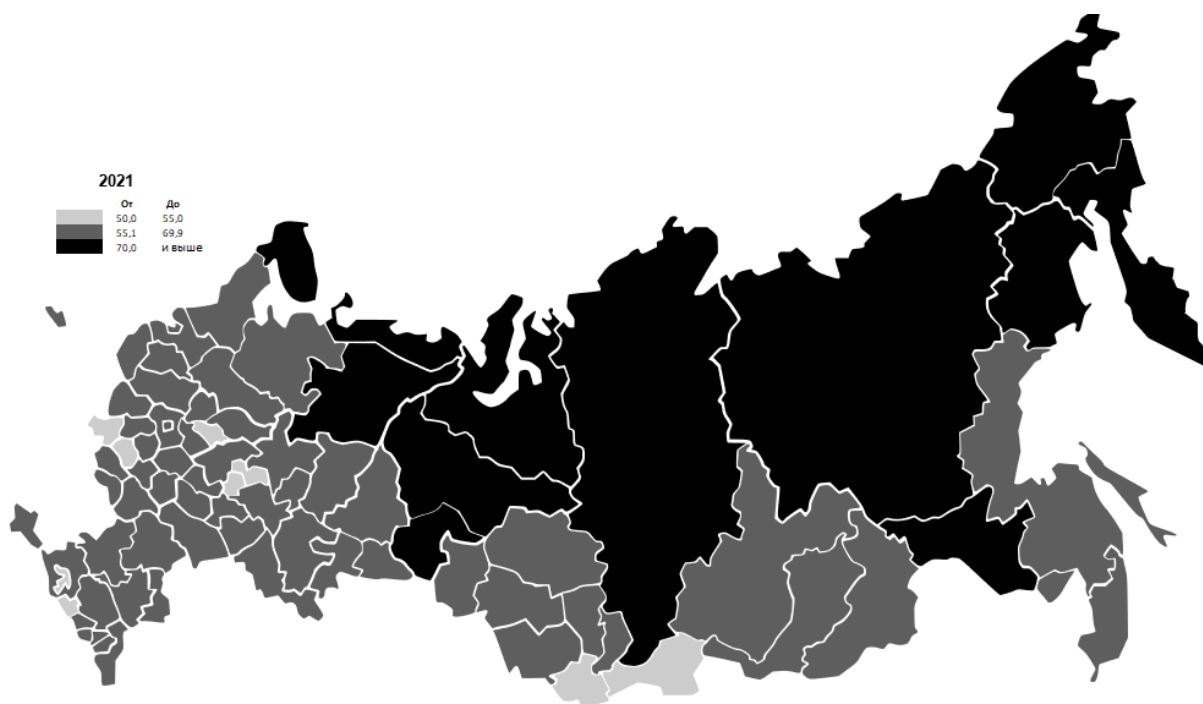
Мужчины из городских районов в большей степени вовлечены в межрегиональные возвратные трудовые миграции — 56,8% всех перемещений приходится на работу в других субъектах РФ. Сельское мужское население в 75,1% от всех возвратных трудовых перемещений осуществляет перемещения в пределах субъекта проживания. Межрегиональная трудовая миграция среди сельских мужчин, которая составляет 24,8%, также фиксирует, что сельские жители гораздо реже покидают свои регионы для поиска работы. Это связано с меньшей подвижностью сельского населения, вызванной ограниченными транспортными возможностями и меньшими финансовыми ресурсами для перемещений. Среди городских женщин 49,0% остаются работать в пределах своего субъекта проживания, однако 50,3% городских женщин участвуют в межрегиональных миграциях. Сельские женщины демонстрируют еще более выраженную привязанность к своим регионам: 84,3% из них работают в пределах своего субъекта, что связано с ограниченностью рабочих мест для женщин и отсутствием возможности к более дальним трудовым перемещениям.

Рисунок 20. Распределение женского и мужского населения городской и сельской местности населения по видам возвратной трудовой миграции и территории работы в РФ, 2021 г., %

Источник: Рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Большая часть субъектов страны (65 субъектов) принадлежат к группе регионов, где наблюдается умеренное преобладание мужского населения в структуре возвратных трудовых перемещений (рис. 21, прил. 13). Самый высокий удельный вес мужчин был зафиксирован в 12 субъектах, которые ассоциируются с классическими регионами, в которых находятся работодатели, предлагающие вахтовую занятость. В Ямало-Ненецком (89,1% мужчин в структуре возвратной трудовой миграции), Ханты-Мансийском (86,2%), Чукотском (84,0%), Ненецком (80,5%) автономных округах, Тюменской (77,8%), Магаданской (84,3%), Амурской (72,7%), Мурманской (70,6%) областях, а также Республиках Саха (75,0%) и Коми (72,7%), Камчатском (70,5%) и Красноярском краях (70,1%) в основном широко развиты добывающие отрасли, такие как нефтегазовая промышленность, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, рыболовство, которые составляют основу ВРП данных территорий и предоставляют большее количество вакансий, традиционно занимаемых мужчинами. Регионы с высокой долей часто имеют малочисленное и разреженное население, где население концентрируется в основном в крупных промышленных центрах, которые привлекают вахтовых работников. Работа на подобных территориях требует значительной физической выносливости, а также предполагает длительные отъезды, что плохо осуществимо в условиях двойной занятости женщин. Примерно равные пропорции мужчин и женщин наблюдаются в Республиках Тыва (50,7%), Алтай (51,1%), Чувашской (53,8%), Карачаево-Черкесской (54,0%); Адыгея (54,4%), Марий Эл (54,9%), Орловской (54,2%), Брянской (54,5%) и Ивановской областях (54,9%). Данные субъекты характеризуются более плотной системой расселения и более развитой сетью транспорта и связи, что делает более доступным для местных жителей трудоустройство в ближайших регионах.

Рисунок 21. Распределение возвратных трудовых мигрантов по полу, % от возвратных трудовых мигрантов соответствующей территории (регион работы), 2021 г.

Источник: составлено автором по данным ВПН-2020 из официального запроса.

Изменение характера работы постепенно влияет на соотношение мужчин и женщин среди трудовых мигрантов. Кроме того, на территориальные различия в половом составе трудовых мигрантов оказывают влияние социокультурные нормы, связанные с гендерными представлениями о профессиональных и семейных ролях. Например, на Севере низкий процент женской трудовой миграции обусловлен более выраженными патриархальными взглядами на занятость женщин и их роль в семье. В Северо-Кавказском федеральном округе наблюдается диспропорция на рынке труда, вызванная гендерными стереотипами, сформировавшимися под воздействием воспитания, традиций и культурных ценностей региона²⁶¹.

У маятниковых трудовых мигрантов также обнаруживается региональная дифференциация по полу²⁶². Так, в Московской области, женщины чаще вовлечены в маятниковые поездки, что может объясняться широкими возможностями для трудоустройства, развитой транспортной инфраструктурой и сравнительно небольшими расстояниями внутри названного субъекта. В областях Уральского федерального округа (Свердловской, Тюменской и Курганской) мужчины чаще участвуют в пространственных трудовых перемещениях (62%),

²⁶¹Абдулаева З.З. Влияние гендерных стереотипов на формирование рынка труда и занятости // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. №8 (94). С. 129-137.

²⁶² Соколова А.А. Социально-демографический портрет маятникового трудового мигранта // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 64. С. 61-82.

нежели женщины²⁶³. Мониторинг трудового потенциала Вологодской области подтверждает этот факт: женщин на 11,2 п.п. меньше, чем мужчин²⁶⁴. Однако, если мы сопоставим эти данные с работающим населением, то увидим, что и среди них есть также перевес мужской части населения.

Помимо традиционного трудоустройства в сферах добычи полезных ископаемых, строительства и промышленного производства, работодатели начинают предлагать вахтовую работу в новых отраслях, таких как гостиничный бизнес, уход за детьми, швейное производство и т.д.²⁶⁵. Маятниковые трудовые мигранты преимущественно занимают рабочие должности и заняты в сферах материального производства, торговли, строительства, промышленности, коммунальных услуг, транспорта и связи, а социологические исследования показывают, что занятость маятниковых трудовых мигрантов варьируется в зависимости от территориальной специфики: чем ближе к столице, тем выше доля занятых в торговле, финансовом секторе, строительстве и промышленности²⁶⁶, тогда как регионы, ориентированные на добычу ресурсов и материальное производство характеризуются значительной долей рабочих специальностей²⁶⁷, а в субъектах с развитым аграрным сектором – сельском и лесном хозяйстве²⁶⁸.

В структуре возвратной миграции наибольший удельный вес имеют возрастные группы 30-39 лет (31,8%), а также 40-49 лет (26,0%) (рис. 22, прил. 14). Меньше всего представлены возрастные группы 15-19 лет (0,8%), а также возвратные трудовые мигранты старше 70 лет (0,9%). В целом, в разрезе пола сохраняются основные пропорции в возрастных группах. Мужское население имеет больший удельный вес в возрастах 30-39 лет – в ней доля мужчин выше на 3 п.п., чем доля женского населения и в группе 60-69 лет на 0,5 п.п. соответственно. Доля женщин в структуре возвратных трудовых миграций превышает долю мужчин в возрастных группах 15-19 лет (на 0,4 п.п.), 20-29 лет (0,9 п.п.), в категории 40-49 лет, где доля женщин превышает мужскую на 1,9 п.п., 50-59 лет (на 0,2 п.п.) и на 0,1 п.п. в возрасте 70 лет и старше. Преобладание женщин в старших возрастных категориях среди возвратных трудовых мигрантов

---

²⁶³ Захарченко А. А., Пить В.В. Региональные особенности маятниковой трудовой миграции в Уральском федеральном округе (на примере пилотажного исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 4(36). С. 594-603.

²⁶⁴ Соколова А. А. К вопросу оценки привлекательности территорий для постоянной и временной трудовой миграции [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. 2023. Т. 11. № 2. – Режим доступа: <http://vtr.volnc.ru/article/29838>. (дата обращения: 10.10.2024).

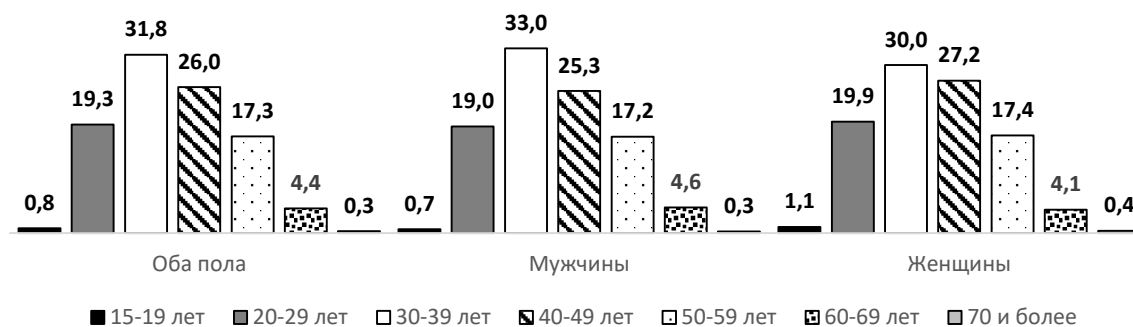
²⁶⁵ Как изменить жизнь на несколько месяцев, или Правда о вахте [Электронный ресурс] // НН.ru. Режим доступа – <https://hh.ru/article/29795>. (дата обращения: 22.08.2024).

²⁶⁶ Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А. Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в Подмоскowie на примере города Дубна // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 112–122.

²⁶⁷ Захарченко А. А., Пить В.В. Региональные особенности маятниковой трудовой миграции в Уральском федеральном округе (на примере пилотажного исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 4(36). С. 594-603.

²⁶⁸ Соколова А.А. Социально-демографический портрет маятникового трудового мигранта // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 64. С. 61-82.

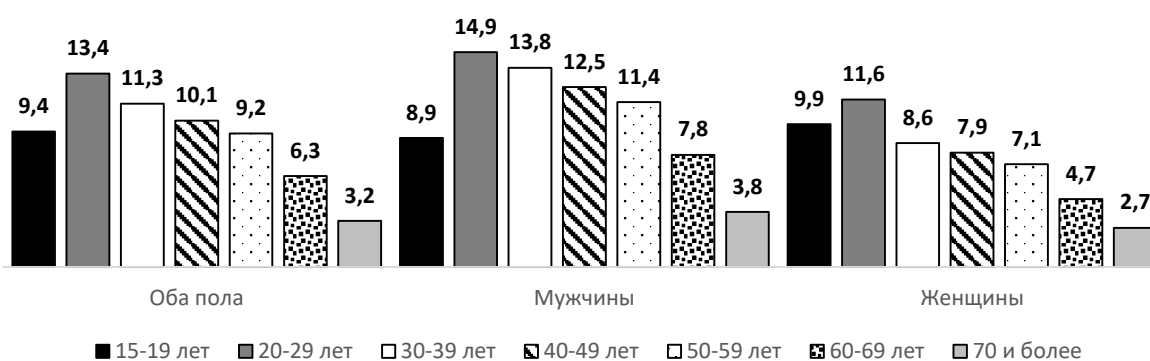
обусловлено снижением семейных обязательств, связанных с воспитанием детей, что позволяет им активнее участвовать в подобных пространственных перемещениях.

Рисунок 22. Распределение возвратных трудовых мигрантов по полу и возрасту, % от количества возвратных трудовых мигрантов, 2021 г.

Источник: составлено автором по данным ВПН-2020.

Согласно социологическим исследованиям, значительная часть маятниковых трудовых мигрантов сосредоточена в возрастных группах, соответствующих молодому возрасту. В Московской и Вологодской областях преобладают маятниковые мигранты старше 40 лет, в то время как в Свердловской, Тюменской и Курганской областях заметно доминируют мигранты в возрасте 20-29 лет²⁶⁹. Эта дифференциация коррелирует со структурой региональных экономик, где, например, промышленный сектор играет важную роль, привлекая более молодых работников²⁷⁰.

Рисунок 23. Распределение возвратных трудовых мигрантов по полу и возрасту, % от занятого населения, 2021 г.

Источник: составлено автором по данным ВПН-2020.

²⁶⁹ Соколова А.А. Социально-демографический портрет маятникового трудового мигранта // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 64. С. 61-82.

²⁷⁰ Захарченко А.А., Пить В.В. Региональные особенности маятниковой трудовой миграции в Уральском федеральном округе (на примере пилотажного исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 4 (36). С. 594-603.

В большей части регионов Российской Федерации наблюдается удельный вес возвратных трудовых мигрантов выделенных возрастных групп в структуре занятого населения соответствующих возрастных групп постоянного занятого населения, который не сильно отличается от общероссийских значений. Однако, Ханты-Мансийский автономный округ демонстрирует самые высокие значения удельного веса возвратных трудовых мигрантов во всех возвратных группах (прил. 15). В этом регионе развита экономика, основанная на отраслях, требующих большого количества специализированных работников, которых нет в структуре постоянного населения региона, что приводит к притоку специалистов из других субъектов. Ситуация на рынке труда в этом регионе может быть чрезвычайно напряженная из-за высокого спроса на рабочую силу в отдельных отраслях и нехватки местных специалистов. Приток возвратных трудовых мигрантов может стимулировать экономический рост в регионе, увеличивать налоговые поступления и т.п. Но, с другой стороны, избыточное количество мигрантов может привести к напряженности на рынке труда, к уменьшению заработной платы для местных жителей и к усиленной конкуренции за рабочие места, не в пользу местного населения.

Таким образом, для сельского населения характерна большая зависимость от работы в пределах региона проживания, что объясняется как экономическими факторами (ограниченность местных рынков труда), так и логистическими (удаленность и труднодоступность многих сельских территорий). Городские жители, напротив, демонстрируют более высокие доли участия в межрегиональной возвратной трудовой миграции, что связано с большей возможностью для поиска работы за пределами региона проживания. Распределение доли сельских и городских возвратных трудовых мигрантов по регионам определяется, прежде всего, структурой местной экономики, уровнем урбанизации. Мужчины чаще участвуют в межрегиональной трудовой миграции, особенно в тех отраслях, где требуется физический труд и работа вахтовым методом, а женщины, особенно из сельских районов, менее мобильны. В структуре вахтовой трудовой миграции преобладают мужчины, что обусловлено большим числом вакансий в отраслях с вахтовым методом работы, традиционно ориентированных на мужчин, таких как нефтегазовая промышленность и строительство. Женщины чаще участвуют в маятниковой трудовой миграции, поскольку стремятся больше времени уделять семье и поддерживать тесные связи с детьми. Это обстоятельство способствует тому, что они выбирают рабочие места в близлежащих регионах с хорошей транспортной доступностью. Молодежь до 39 лет больше

вовлекается в возвратную трудовую миграцию, поскольку она обладает большей социальной, трудовой и территориальной мобильностью^{271,272}.

---

²⁷¹ Захарченко А. А., Пить В.В. Региональные особенности маятниковой трудовой миграции в Уральском федеральном округе (на примере пилотажного исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 4(36). С. 594-603.

²⁷² Соколова А.А. Социально-демографический портрет маятникового трудового мигранта // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 64. С. 61-82.

2.3. Экономические последствия возвратной трудовой миграции

В связи с трудностью мониторинга масштабов возвратной трудовой миграции оценка ее экономических последствий сопряжена с рядом ограничений, изложенных в параграфе 1.3. Экономические последствия проявляются в виде доли недополученного и привнесенного НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета регионов. Этот феномен вызван тем, что изучаемая группа населения, осуществляя трудовую деятельность в местах, отличных от места их постоянного проживания, уплачивает НДФЛ по месту работы, а не проживания. Межрегиональные возвратные трудовые мигранты обогащают доходную часть консолидированного бюджета региона работы, а принимающие регионы, получают дополнительный доход от налоговых отчислений в консолидированный бюджет субъекта. Несмотря на то, что недополученный НДФЛ может восприниматься как негативный фактор для региона, возвратная трудовая миграция, будучи частью механизма распределения трудовых ресурсов, играет важную роль в сохранении занятости и экономической активности, даже в регионах с потерями налоговых поступлений.

Экономические последствия от внутрирегиональной возвратной трудовой миграции оценены через долю сохраненного НДФЛ в структуре доходов от НДФЛ консолидированного бюджета региона проживания. Этот показатель позволяет оценить вклад вахтовых и маятниковых трудовых мигрантов в экономику региона, измеряемый объемом НДФЛ, сохраненного в пределах данного субъекта. В данном случае, заработанные средства в большей степени направляются на потребление внутри региона проживания маятникового или вахтового трудового мигранта. Это означает, что финансовые потоки, связанные с изучаемым явлением, остаются внутри региона, способствуя его экономическому развитию за счет стимулирования спроса.

Наибольший удельный вес доли недополученного НДФЛ в структуре доходов от НДФЛ консолидированного бюджета был зафиксирован в тех регионах, где в целом наблюдаются высокие значения удельного веса возвратных трудовых мигрантов в численности занятого населения в совокупности с относительно небольшими территориями данных субъектов и низкими показателями среднемесячной заработной платы (табл. 3, прил. 16). Предполагалось, что максимальные значения доли недополученного НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета будут наблюдаться в регионах с высокой долей межрегиональной возвратной трудовой миграции, так как именно такие индивиды формируют данный показатель. Но результаты анализа показывают, что влияние на бюджет региона определяется не направлением миграционных потоков (межрегиональная или внутрирегиональная возвратная трудовая миграция), а объемом возвратной трудовой миграции в целом. Данное обстоятельство справедливо демонстрирует прямую зависимость между масштабами изучаемого явления и

объемами недополученного НДФЛ. Иллюстрацией этому может послужить г. Москва, в котором 79,7% всех возвратных трудовых перемещений осуществляются межрегионально. Выделенный субъект имеет одни из самых маленьких значений удельного веса недополученного НДФЛ в структуре доходной части консолидированного бюджета, в то время как, Кабардино-Балкарская Республика, наоборот, имеет низкую долю межрегиональной возвратной трудовой миграции в структуре возвратной трудовой миграции (22,1%), но входит в топ-20 регионов с наибольшим удельным весом недополученного НДФЛ. Это объясняется тем, что г. Москва имеет низкую общую долю возвратной трудовой миграции, за счет чего и наблюдаются небольшие значения удельного веса недополученного НДФЛ, тогда как в регионах с высокой долей возвратной трудовой миграции, независимо от ее направления, наблюдаются более значительные экономические последствия по выделенному показателю. Данное обстоятельство усугубляется тем, что возвратные трудовые мигранты из регионов, где наблюдаются высокие доли недополученного НДФЛ, как правило, относятся к числу тех субъектов, в которых фиксируются одни из самых низких значений по показателю среднемесячной начисленной заработной платы и они перемещаются в субъекты, где имеются одни из самых высоких значений заработной платы. Так, в Республике Калмыкии, 6075 чел. практикуют возвратную трудовую миграцию в г. Москва и 1062 чел. в Московскую область, что составляет 52% и 9,1% от всех возвратных межрегиональных трудовых миграций в выделенном субъекте. Данные трудовые перемещения формируют значительный удельный вес недополученного НДФЛ в доходной части консолидированного бюджета Калмыкии. Основная причина высоких потерь НДФЛ в таких регионах, как Республика Калмыкия, заключается в том, что значительная часть рабочей силы уходит в экономически более развитые регионы, где уровень заработной платы выше и соответственно объем недополученного НДФЛ тоже. Однако, здесь важно учитывать тот факт, что возвратной трудовой миграции способствует не низкая заработная плата сама по себе, а ее сопоставление и разница с той заработной платой, которая имеется на соседней территории. Так, например, разница среднемесячной заработной платы в Московской и Ленинградской областях по сравнению с уровнем, имеющимся в городах федерального значения, входящих в их состав, составляет 1,8 и 1,4 раза соответственно. Это приводит к оттоку налоговых поступлений в бюджеты других субъектов, что негативно сказывается на финансовой устойчивости регионов-исхода возвратных трудовых мигрантов. В регионах, где преобладает занятость возвратных трудовых мигрантов на низкооплачиваемых позициях, потенциальный вклад в доходную часть регионального бюджета от НДФЛ может быть ограничен, соответственно, доля недополученного НДФЛ будет также относительно невелика. Таким образом, решающим фактором становится не направление потоков возвратной трудовой миграции, а общий масштаб данного явления, структура экономики и территориальные особенности региона.

Недополученный НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета региона проживания от межрегиональной возвратной трудовой миграции, 2021 г. (первые и последние 10 регионов РФ по доле недополученного НДФЛ в доходную часть НДФЛ консолидированного бюджета), удельный вес возвратной трудовой миграции в целом и по потокам.

Регион	Удельный вес возвратной трудовой миграции, %			Недополученный НДФЛ	
	Всего, от занятого населения региона	Межрегиональная, от всей возвратной трудовой миграции	Внутрирегиональная, от всей возвратной трудовой миграции	в %	в тыс. рублей
Республика Калмыкия	18,2	61,8	38,2	67,17	1532670,11
Чувашская Республика	21,9	42,7	57,3	41,23	5747330,53
Московская область	21,8	67,1	32,9	41,13	108612210,47
Республика Мордовия	18,3	44,4	55,6	40,86	4086247,06
Ленинградская область	25,5	68,5	31,5	40,55	18385500,04
Брянская область	20,3	40,0	60,0	34,87	5368448,60
Тамбовская область	18,0	37,8	62,2	30,78	3885471,31
Пензенская область	17,3	38,2	61,8	28,65	4751730,51
Республика Адыгея	16,8	59,6	40,4	28,26	1385485,45
Республика Марий Эл	22,4	32,8	67,2	26,03	2198181,25
...					
Магаданская область	3,4	22,3	77,7	0,80	95947,65
НАО	4,0	24,3	75,7	0,66	15502,56
Мурманская область	6,4	11,1	88,9	0,52	202995,66
г. Санкт Петербург	0,6	93,7	6,3	0,47	1408467,63
Республика Саха (Якутия)	6,2	5,1	94,9	0,34	132244,57
г. Москва	1,0	79,7	20,3	0,31	3550474,42
ЯНАО	2,2	39,5	60,5	0,30	180968,04
Сахалинская область	6,2	4,9	92,5	0,25	70099,42
Камчатский край	3,9	6,0	94,0	0,15	31870,32
Чукотский автономный округ	0,8	23,0	77,0	0,09	4999,72

Источник: расчеты автора по данным Министерства Финансов Российской Федерации, данные Всероссийской переписи населения-2020

Принимающий возвратных трудовых мигрантов регион, наоборот, выигрывает, поскольку НДФЛ остается в его структуре доходов консолидированного бюджета (табл. 4). Существует взаимосвязь между высоким удельным весом привнесенного НДФЛ в структуре доходов от НДФЛ консолидированного бюджета региона и относительно низкой долей возвратной трудовой миграции в общей численности занятого населения. Эта связь часто наблюдается в регионах со смешанными миграционными потоками возвратной трудовой миграции, где внутрирегиональные и межрегиональные возвратные перемещения представлены примерно в равных долях или где есть небольшой перевес в сторону последних. Субъекты с высокой долей

привнесенного НДФЛ, характеризуются привлекательными условиями труда, которые делают их центрами притяжения для возвратных трудовых мигрантов, где за счет этого формируются высокие значения данного показателя. Таким образом, наблюдаемая взаимосвязь предполагает, что привлекательность региона для трудовой миграции влияет на динамику налоговых поступлений, и что учёт этой динамики важен для эффективного регионального экономического планирования. Однако данная закономерность не является универсальной. Например, Московская область, характеризующаяся высоким уровнем возвратной трудовой миграции, также демонстрирует значительные объемы привнесенного НДФЛ в структуру доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета. Это можно объяснить наличием мощных потоков возвратной трудовой миграции, устремляющихся в центр Московской агломерации, где широко представлены возможности для трудоустройства и профессионального роста.

Наименьшая доля привнесенного НДФЛ в структуре доходов от НДФЛ консолидированного бюджета наблюдается в регионах, находящихся вблизи крупных промышленных и агломерационных центров. Так, например, в Псковской области 63,7% возвратных межрегиональных трудовых мигрантов осуществляют свою трудовую деятельность в г. Санкт-Петербурге, а 14,9% — в Ленинградской области. Подобная ситуация также характерна для Омской области, расположенной рядом с Тюменской областью и входящих в ее состав округов, в которые суммарно уезжает 58,6% межрегиональных возвратных трудовых мигрантов предположительно в добывающие отрасли. Это объясняется тем, что регионы, находящиеся в непосредственной близости к развитым центрам, как правило, «отдают» трудовые ресурсы, что ведет к оттоку рабочей силы в более привлекательные и экономически развитые зоны. Но не только расположение вблизи с крупными центрами притяжения влияет на объемы доли привнесенного НДФЛ. Так, например, эксклавное положение, как в случае Калининградской области, или социокультурные особенности, характерные для южных республик, таких как Дагестан, существенно влияют на объемы рассматриваемого показателя. Низкая привлекательность регионов, обусловленная ограниченными возможностями на рынке труда и менее развитыми условиями для работы, способствует снижению притока межрегиональных возвратных трудовых мигрантов и, как следствие, меньшего удельного веса привнесенного НДФЛ. Таким образом, экономическая и социальная инфраструктура региона, а также социокультурные факторы, оказывают непосредственное влияние на приток возвратных трудовых мигрантов, что отражается на уровне налоговых поступлений.

Привнесенный НДСЛ в структуру доходной части от НДСЛ консолидированного бюджета региона работы от межрегиональной возвратной трудовой миграции, 2021 г. (первые и последние 10 регионов РФ по доле привнесенного НДСЛ в доходную часть НДСЛ консолидированного бюджета), удельный вес возвратной трудовой миграции в целом и по потокам.

Регион	Удельный вес возвратной трудовой миграции, %			Привнесенный НДСЛ	
	Всего, от занятого населения региона	Межрегиональная, от всей возвратной трудовой миграции	Внутрирегиональная, от всей возвратной трудовой миграции	в %	в тыс. рублей
Тюменская область (без АО)	12,8	17,3	82,7	16,56	6192492,81
г. Москва	1,0	79,7	20,3	15,65	181983383,56
ЯНАО	2,2	39,5	60,5	12,10	7294359,23
НАО	3,9	24,3	75,7	12,10	286058,42
Чукотский автономный округ	0,7	23,0	77,0	9,58	535168,16
Московская область	21,8	67,1	32,9	9,06	23929795,73
Магаданская область	3,4	22,3	77,7	8,64	1041330,54
ХМАО	4,0	32,7	67,3	8,59	7231113,02
г. Санкт Петербург	0,6	93,7	6,3	7,95	23727615,71
Республика Саха (Якутия)	6,2	5,1	94,9	7,71	3020445,03
...					
Тамбовская область	18	37,8	62,2	0,60	75266,32
Смоленская область	15,3	35,6	54,4	0,59	87643,30
Псковская область	11,8	27,4	72,6	0,58	55230,82
Кировская область	10,6	33,5	66,5	0,53	95794,85
Калининградская область	13,5	8,4	91,6	0,53	114374,73
Омская область	10,2	41,4	58,6	0,48	144122,53
Кемеровская обл.-Кузбасс	6,9	13,4	86,6	0,47	244343,96
Курганская область	12,3	39,0	61,0	0,44	45219,08
Алтайский край	9,2	26,1	73,9	0,42	116935,63
Республика Дагестан	7,0	31,2	68,8	0,33	78526,06

Источник: расчеты автора по данным Министерства Финансов Российской Федерации, данные Всероссийской переписи населения-2020.

Внутрирегиональная возвратная трудовая миграция занимает одно из важных мест в вопросах сохранения рабочей силы и устойчивого развития регионов. Этот вид миграции позволяет работникам трудоустроиваться в других населенных пунктах, не покидая при этом своего региона проживания. Благодаря этому жители имеют возможность реализовывать свой трудовой потенциал, предотвращая массовый отток рабочей силы в более экономически развитые и привлекательные регионы. Расчет доли сохраненного НДСЛ в структуре доходной части от НДСЛ консолидированного бюджета региона имеет важное значение для оценки влияния внутрирегиональной возвратной трудовой миграции на региональную экономику. В

случае отсутствия возможности для реализации подобных пространственных перемещений население региона, не находящее работу на своей территории, могло бы быть вынуждено искать работу в других субъектах, что привело бы к утрате не только налоговых поступлений, но и к уменьшению трудового потенциала региона проживания. Кроме того, отсутствие возможности осуществления внутрирегиональной трудовой миграции могло бы усилить проблемы с безработицей. Если бы население не могло найти работу в соседних муниципальных единицах региона проживания, уровень безработицы в регионе увеличился бы, что создало бы дополнительную нагрузку на местные бюджеты. Региональным властям пришлось бы увеличивать расходы на выплату пособий по безработице, а также реализовывать дополнительные программы профессиональной переподготовки для безработных и т.д. Поэтому внутрирегиональная возвратная трудовая миграция играет важную роль в сохранении налоговых поступлений, укреплении трудового потенциала региона и снижении уровня безработицы.

Анализ показывает, что наибольшая доля сохранённого НДФЛ структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета проживания наблюдается в регионах с умеренной или высокой долей возвратной трудовой миграции в сочетании с преобладанием внутрирегиональных возвратных трудовых перемещений (табл. 5). Эти субъекты характеризуются относительно низким уровнем урбанизации и значительной долей сельского населения, которое активно вовлечено в процессы возвратной миграции. Данные регионы преимущественно располагаются на юге центральной части России и в Северо-Кавказском федеральном округе, а также им свойственна небольшая площадь. Удаленность от крупных центров притяжения возвратной трудовой миграции, таких как Москва и Санкт-Петербург, ограничивает возможность осуществления межрегиональных пространственных перемещений, способствуя внутреннему перераспределению трудовых ресурсов внутри самих регионов проживания индивидов. Сельское население в регионах с малыми территориями является одним из главных факторов формирования значительного уровня сохраненного НДФЛ в доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета субъекта проживания маятниковых и вахтовых трудовых мигрантов. Это, в свою очередь, свидетельствует о значительной роли внутрирегиональной возвратной трудовой миграции в укреплении финансового благополучия регионов с преимущественно сельским населением в перспективе.

В контрасте с регионами, демонстрирующими высокую долю сохраненного НДФЛ структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета региона проживания, наиболее урбанизированные субъекты РФ характеризуются низкими значениями этого показателя. Несмотря на преобладание внутрирегиональных перемещений в потоках возвратной трудовой миграции, наблюдается низкий удельный вес сохраненного НДФЛ. Эти регионы, преимущественно представленные городами федерального значения и крупными территориями

с развитой добывающей и обрабатывающей промышленностью и они не создают условий для осуществления маятниковой трудовой миграции и краткосрочной вахтовы. Отсюда следует, что уровень урбанизации, территориальное расположение и отраслевая специализация региона отражаются на объемах сохраненного НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета.

Таблица 5

Сохраненный НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета региона работы от внутрирегиональной возвратной трудовой миграции, 2021 г. (первые и последние 10 регионов РФ по доле сохраненного НДФЛ в доходной части НДФЛ консолидированного бюджета), удельный вес возвратной трудовой миграции в целом и по потокам.

Регион	Удельный вес возвратной трудовой миграции, %			Сохраненный НДФЛ	
	Всего, от занятого населения региона	Межрегиональная, от всей возвратной трудовой миграции	Внутрирегиональная, от всей возвратной трудовой миграции	в %	в тыс. рублей
Кабардино-Балкарская Республика	12,6	22,1	77,9	32,82	1857773,95
Карачаево-Черкесская Республика	13,7	17,9	82,1	29,81	1106368,90
Республика Марий Эл	22,3	32,8	67,2	26,20	2212133,28
Республика Северная Осетия-Алания	13,3	14,5	85,5	23,99	1550736,53
Чувашская Республика	21,6	42,7	57,3	23,29	3246576,94
Белгородская область	17,5	12,5	87,5	21,53	6367337,15
Брянская область	20,3	40,0	60,0	20,26	3119378,58
Липецкая область	17,1	23,5	76,5	20,09	3989549,57
Ставропольский край	9,7	21,4	78,6	19,98	6228856,65
Орловская область	19,4	34,4	65,5	19,5	2045537,83
...					
Хабаровский край	4,9	12,3	87,7	4,85	1981403,29
Камчатский край	3,9	6,0	94,0	3,41	735925,32
НАО	4,0	24,3	75,7	3,08	72858,30
Магаданская область	3,4	22,3	77,7	2,93	353682,68
ХМАО	4,0	32,7	67,3	2,61	2197672,91
ЯНАО	2,2	39,5	60,5	0,84	504880,98
Чукотский автономный округ	0,7	23,0	77,0	0,57	32020,35
г. Севастополь	1,9	85,2	14,8	0,37	32064,61
г. Москва	1,0	79,7	20,3	0,15	1789966,46
г. Санкт Петербург	0,6	93,7	6,3	0,04	117417,51
<i>Источник:</i> расчеты автора по данным Министерства Финансов Российской Федерации, данные Всероссийской переписи населения-2020.					

Таким образом, возвратная трудовая миграция, представляет собой важный механизм поддержания занятости и оживления экономики, несмотря на значительные территориальные

различия в её последствиях. С точки зрения влияния на доходную часть от НДФЛ консолидированного бюджета регионов, ситуация складывается неоднородно, имея разнонаправленные последствия в зависимости от характеристик потока возвратной трудовой миграции. Рассматривая межрегиональную возвратную трудовую миграцию важно отметить, что регионы, в которые уезжают работать возвратные трудовые мигранты благодаря привлекательному рынку труда, получают выгоды в виде привнесенного НДФЛ, что положительно сказывается на их региональном развитии. В то же время субъекты, которые теряют значительную часть своих трудовых ресурсов, сталкиваются с экономическими последствиями, вызванными недополученными налоговыми поступлениями. Внутрирегиональная возвратная трудовая миграция имеет важную роль в обеспечении устойчивого развития регионов. Она позволяет населению сохранять рабочие места, не покидая регион своего проживания, снижает риск безработицы и уменьшает нагрузку на региональные бюджеты, предназначенные для поддержки безработных. В целом, она способствует сохранению трудового потенциала и налоговых доходов в структуре региона проживания возвратного трудового мигранта.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что возвратная трудовая миграция занимает 10,4% в структуре занятого населения России, где преобладающим видом перемещений выступает маятниковая трудовая миграция, на которую приходится 8,0%. Тренды межрегиональной возвратной трудовой миграции за период с 2013 г. продемонстрировали большую устойчивость к внешним событиям особенно шокового характера (экономические кризисы, пандемия, и т.д.) по сравнению с постоянной миграцией, предполагающей переезд. В целом, большая часть (67,9%) возвратных трудовых перемещений осуществляется в регионе проживания индивида. Для маятниковой трудовой миграции это тоже является характерной чертой, поскольку на внутрирегиональные перемещения приходится 79,4%, а для вахты ситуация кардинально противоположная: на долю подобных перемещений приходится лишь 29,6%. Самой распространённой частотой выходов на работу являются ежедневные выезды, которые составляют 61,2% всех перемещений подобного вида, а для вахты наиболее характерны перемещения 1 раз в месяц и реже (58,2%).

Сельское население в значительной степени (67,7% от возвратной трудовой миграции) вовлечено в возвратную трудовую миграцию, что характерно, как для маятниковой трудовой миграции, так и для вахты. Сельские возвратные трудовые мигранты занимают 29,1% в структуре занятого сельского населения России. Наибольший удельный вес сельских возвратных трудовых мигрантов в структуре сельского занятого населения наблюдается в Центральной и Европейской частях России. В половой структуре возвратных трудовых мигрантов в большей мере представлено мужское население (61,7%), однако существуют регионы, в которых диспропорция

мужчин и женщин достигает значительно большего разрыва. Так, в субъектах, в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости которых была зафиксирована высокая доля по добыче полезных ископаемых и обрабатывающей промышленности, доля мужчин, участвующих в возвратной трудовой миграции, составляет свыше 70%. Возрастная структура возвратных трудовых мигрантов имеет форму обратной параболы, где пик значений приходится на возраст 30-39 лет (31,8% в структуре возвратной трудовой миграции).

Экономические последствия от возвратной трудовой миграции также имеют региональную дифференциацию и носят разнонаправленный характер. Доля недополученного НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета региона проживания варьируется от 0,09% (Чукотский автономный округ) до 67,17% (Респ. Калмыкия) и зависит от масштабов возвратной трудовой миграции. Наибольшие потери наблюдаются в регионах с высокой долей возвратных трудовых мигрантов, поскольку эти работники, уезжая на заработки в более экономически развитые субъекты, оставляют часть налоговых поступлений в регионе работы. В результате, наиболее значимые потери бюджета испытывают регионы с высокой долей трудовой миграции и сравнительно низким уровнем местных заработных плат, что ослабляет их экономическую устойчивость и финансовую базу. Анализ привнесенного налога от НДФЛ в структуре доходов от НДФЛ консолидированного бюджета регионов демонстрирует сложные взаимосвязи между потоками возвратной трудовой миграции: регионы-исхода с высокой долей привнесенного НДФЛ часто характеризуются низким уровнем возвратной трудовой миграции, что может свидетельствовать о привлекательности их рынков труда, но это правило не всегда является универсальным. Таким образом, доля привнесенного НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета региона работы варьируется от 0,33% (Республика Дагестан) до 15,65% (Тюменская область без АО). Доля сохраненного НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета региона проживания варьируется от 0,04% (г. Санкт-Петербург) до 32,82% (Кабардино-Балкарская Респ.). Наибольшие значения доли рассматриваемого показателя наблюдаются в регионах с низким уровнем урбанизации, где умеренная или высокая доля возвратной трудовой миграции сочетается с преобладанием внутрирегиональных перемещений. Это указывает на то, что сельское население в таких регионах является значимым источником сохраненного НДФЛ и нуждается в разработке целевых мер поддержки. Таким образом, эффективное управление внутрирегиональной возвратной трудовой миграцией может выступить важным фактором устойчивого регионального развития и повышения уровня жизни населения. Это требует комплексного подхода, который позволит максимизировать положительные последствия возвратной миграции, сглаживая потенциальные отрицательные проявления.

ГЛАВА 3. РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗВРАТНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

3.1. Проблемы и противоречия регулирования возвратной трудовой миграции в России

В советское время наблюдались значительные миграционные потоки, связанные с вахтой и маятниковой миграцией. В СССР они были особенно актуальны в связи с развитием ресурсных регионов, строительством крупных промышленных объектов и необходимостью обеспечения трудовыми ресурсами. Возвратные виды трудовой миграции, в особенности вахта, стали предметом интереса начиная с 30-х годов XX века, когда возникла государственная система организованного набора рабочих как формы перераспределения трудовых ресурсов между селом и городом. Данная необходимость возникла из-за интенсивной индустриализации, требовавшей дополнительных трудовых ресурсов, которыми с избытком располагала сельская местность. В СССР также существовала практика организованного отбора профессиональных кадров по мере окончания учебных заведений. В отборе из села, столкнувшись с низкоквалифицированной трудовой силой на данных территориях, такая система стала строго регламентированной. Организованный набор рабочих проводился Министерством трудовых резервов, где особое внимание уделялось отбору рабочих на предприятия и стройки в отдаленные регионы, что сопровождалось обязательной регистрацией трудовых договоров с будущими вахтовыми работниками. Система организованного набора просуществовала вплоть до 1990-х гг.²⁷³.

В период второй мировой войны начинают вступать в силу нормативно-правовые документы, которые регламентируют труд вахтовых работников, находящихся в регионах Крайнего Севера и отдаленных местностях, что было связано с активным освоением Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока и других территорий²⁷⁴. Советское правительство закрепляло нормы рабочего времени, безопасности, проживания, питания и отдыха, а также устанавливались льготы по заработной плате, пенсионному обеспечению, медицинскому обслуживанию, оплате проезда. В местах освоения строились вахтовые поселки с необходимой инфраструктурой (жилье, магазины, столовые, медпункты, клубы), а также постепенно происходило развитие транспортной инфраструктуры к объектам вахтового труда (железная дорога, аэродромы и т.д.)²⁷⁵.

---

²⁷³ Трифонова (Казарян) К. В. Государственно-правовое регулирование миграционной деятельности в советский период // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 5 (71), С. 59-71.

²⁷⁴ Рошин Ю.В. Организованное управление миграционными процессами в России в послевоенный период (до 1990 г.) // Миграция в России. 2000 - 2012: хрестоматия: В 3 т. / Под общ. ред. И. С. Иванова; отв. ред. Ж. А. Зайончковская. 2013. Т. 1. Ч. 3. С. 636-644.

²⁷⁵ Трифонова (Казарян) К. В. Государственно-правовое регулирование миграционной деятельности в советский период // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 5 (71), С. 59-71.

Маятниковая миграция была характерна для всех периодов СССР, особенно в крупных городах, где существовал дефицит жилья и люди вынуждены были жить в пригородах. Пик интереса к изучению маятниковой миграции в советское время пришёлся на 1960–1970 гг., что было обусловлено интенсификацией пространственных перемещений в связи с развитием автотранспортного сообщения и процессов электрификации железных дорог²⁷⁶, а также с продолжающимися нарастать процессами урбанизации. Именно в этот период формируется определение самого явления, рассматриваются вопросы статистического учета маятниковой миграции в отдельных регионах СССР такими исследователями, как Д.И. Валентей²⁷⁷, М.В. Курман²⁷⁸ и др. В это время происходил централизованный сбор необходимой статистической информации и выделялись средства на специальные исследования данного явления. Для оценки масштабов маятниковой трудовой миграции применялся обширный перечень источников, а именно материалы транспортной статистики, личные карточки работающих, материалы домовых и похозяйственных книг отдельных селений, рабочих и дачных поселков, статистическая отчетность по форме 9С «Единовременный отчет о половом и возрастном составе сельского населения», оценочные данные местных плановых органов о количестве негородского населения, занятого в общественном производстве того или иного города, и городского населения, работающего за его пределами, основанном на специальном учете или материале трудовых балансов по отдельным городам, данные обследования работников по полу, возрасту, стажу работы, проводимого ЦСУ СССР один раз в три года, материалы специального выборочного статистического и анкетного обследования, а также данные переписи населения. Так, Всесоюзная перепись населения 1970 г. учитывала маятниковых трудовых мигрантов не повсеместно, а выборочно, а именно в 96 городах и их пригородных районах²⁷⁹, что дало огромный виток в изучении данного явления. Однако, большая часть исследований, вышедших в советский период, базировалась на материалах Украины (г. Киев, г. Харьков), Белоруссии (г. Минск), Прибалтики (г. Таллин) и некоторых районов РСФСР (г. Москва, Нечерноземье)²⁸⁰. В качестве улучшения всесоюзного статистического учета маятниковой миграции предлагалось включить справку о расселении рабочих и служащих в отчетность по труду по всем предприятиям, организациям и учреждениям²⁸¹.

---

²⁷⁶Хорев Б.С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). М.: Мысль, 1975. 428 с.

²⁷⁷Валентей Д.И. Маятниковая миграция сельского населения. М.: Финансы и статистика, 1981. 88 с.

²⁷⁸Курман М.В. Роль маятниковой миграции населения и методы ее изучения // Миграция населения РСФСР / отв. ред. А.З. Майков. М.: Статистика, 1973. С. 103–118.

²⁷⁹Города-спутники: сб. статей / отв. ред. В.Г. Давидович и Б.С. Хорев. М.: Географгиз, 1961 195 с.

²⁸⁰Михалев Н.А. Маятниковая миграция в городах РСФСР по данным всесоюзной переписи населения 1970 г.: размеры, потоки, структура. Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 56-65.

²⁸¹Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения (статистико-географические очерки). Издательство «Мысль»: Москва, 1978. 241 с.

В советский период выдвигается идея о том, что маятниковая трудовая миграция сама по себе выступает «механизмом» урбанизации²⁸² и ее причинами является несоответствие размещения рабочих мест размещению рабочей силы²⁸³. Маятниковой трудовой миграции отводилась важная роль в восполнении недостатка трудовых ресурсов, которые возможно получать из близлежащих поселений без изменения сложившейся картины расселения трудящихся в городах-центрах тяготения и прилегающих зонах. И основными направлениями регулирования данного процесса они видели в совершенствовании системы сельского расселения и работы транспорта. Одним из инструментов регулирования выступало увеличение скоростей пригородных сообщений, которое должно было благотворно сказаться на психоэмоциональном состоянии маятникового мигранта, нивелируя усталость от длительных поездок. Еще одним важным аспектом регулирования выступал всемерный учет процессов маятниковой миграции при осуществлении районной планировки, с целью улучшения транспортных сообщений, а также развитию и благоустройству зон устойчивой маятниковой миграции с радиусом массового расселения «загородников»²⁸⁴ в пределах 10-15 км от центра тяготения²⁸⁵.

В 1990-х годах был ликвидирован учет маятниковых миграций²⁸⁶, что привело к тому, что данное явление перестало фигурировать в правовом поле Российской Федерации, в отличие от вахтовой организации труда. Так, на сегодняшний день вахтовую занятость регулируют принятые еще в Советском Союзе нормативно-правовые акты²⁸⁷, глава 47 Трудового Кодекса Российской Федерации²⁸⁸, раскрывающая понятие вахтовой организации работ, регламентирующая условия труда и отдыха и т.д., а также ряд нормативно-правовых актов, касающихся отдельных аспектов вахтовой работы, например, порядок прохождения медицинских осмотров²⁸⁹ (табл. 6). Развитие дополнительных льгот и гарантий предусмотрено и на уровне работодателя посредством разработки коллективного договора и локальных

---

²⁸² Хорев Б.С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). М.: Мысль, 1975. 428 с.

²⁸³ Хорев Б.С., Лиходед В.Н. Житель села – работник города. М.: Финансы и статистика, 1982. 95 с.

²⁸⁴ В советской литературе термин «загородник» использовался как эквивалент маятниковому трудовому мигранту.

²⁸⁵ Хорев Б.С. Роль маятниковой миграции во взаимосвязи городского и сельского расселения и основные задачи ее регулирования. //Проблемы расселения в СССР. М.: Статистика, 1980. С. 222-234.

²⁸⁶ Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2004. 285 с.

²⁸⁷ Постановление Министерства здравоохранения СССР от 31 декабря 1987 г. № 794/33-82 «Об утверждении основных положений о вахтовом методе организации работ» [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Режим доступа – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007499>. (дата обращения: 22.08.2024).

²⁸⁸ Федеральный Закон «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 22.08.2024).

²⁸⁹ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации N 1420н от 31.12.2020 «Об утверждении перечня вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные медицинские осмотры при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры» [Электронный ресурс] // Контур Норматив. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=382228>. (дата обращения: 22.08.2024).

нормативных актов предприятия. Помимо этого, важно отметить, что меры регулирования трудовой деятельности работников Крайнего Севера и приравненных к ним местностей также распространяются на возвратных трудовых мигрантов, которые осуществляют трудовую деятельность на данных территориях²⁹⁰. Но последний пример не является прямым инструментом регулирования возвратной трудовой миграции.

Несмотря на широкую представленность в нормативно-правовых актах, регулирование вахты сталкивается с недобросовестным регулированием трудовых отношений. Так, с работниками могут заключать типовой трудовой договор, который не содержит пунктов, отражающих вахтовую специфику труда, в котором не прописываются соответствующие данному методу работы гарантии и права. Таких работников отправляют на длительный срок в удаленную местность, отличающуюся от места проживания индивида, оформляя подобные выезды как командировки и зачастую с неопределенными сроками. Кроме того, вахтовые работники, работающие в районах Крайнего Севера или приравненных к ним местностям могут не получать положенные законодательством стимулирующие надбавки и льготный стаж, потому что работодатель должным образом не оформляет такого работника, мотивируя это тем, что место заключения трудового договора и юридический адрес территориально находится в том субъекте, в котором нет никаких районных надбавок и коэффициентов. С одной стороны, такие трудовые отношения оформлены официально, что решает проблему нелегальной занятости, а с другой стороны подобные правоотношения носят «условно» легальный характер, поскольку работник не получает всех тех гарантий, которые ему положены при работе вахтой и в особых климатических условиях.

Таблица 6

Нормативно-правовое регулирование вахтовой организации труда

Предмет регулирования	Нормативно-правовой акт	Краткое содержание
Понятие и условия применения вахтового метода	Статья 297 ТК РФ	Вахтовый метод применяется при удаленности работы от места жительства; работодателем создаются вахтовые поселки или другие жилые помещения.
Ограничения для отдельных категорий работников	Статья 298 ТК РФ	Запрещено привлекать к вахтовому методу лиц до 18 лет, беременных женщин, женщин с детьми до 3 лет и лиц с медицинскими противопоказаниями.
Запрет на труд несовершеннолетних в опасных условиях	Статья 265 ТК РФ	Запрещается привлечение лиц до 18 лет к работам с вредными или опасными условиями труда, а также к командировкам.
Запрет на командировки для беременных и молодых матерей	Статья 259 ТК РФ	Беременные женщины и женщины с детьми до 3 лет не могут быть направлены в командировки и привлекаться к сверхурочной работе.

²⁹⁰ Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1786/ (дата обращения: 16.09.2024).

Продолжительность вахтового периода	Статья 299 ТК РФ	Максимальная продолжительность вахты — 1 месяц. Может быть увеличена до 3 месяцев при соблюдении прав работников и согласовании с профсоюзом.
Учет рабочего времени	Статья 300 ТК РФ	В рабочее время включается время в пути до места работы и обратно, время работы и междуменный отдых.
Режим труда и отдыха	Статья 301 ТК РФ	Работники получают дополнительную оплату за переработки, учитывается время передвижения до объекта и обратно
Гарантии и компенсации для вахтовиков	Статья 302 ТК РФ	Работники получают надбавки вместо суточных, дополнительный отпуск для работы на Крайнем Севере, транспортные расходы покрывает работодатель
Досрочный выход на пенсию для работников Крайнего Севера	Статья 32 закона «О страховых пенсиях» № 400-ФЗ	Мужчины выходят на пенсию в 55 лет, при общем страховом стаже 25 лет, а также стаже 15 лет на Крайнем Севере или 20 лет в регионах, приравненных к нему; женщины по достижении 50 лет при общем страховом стаже 20 лет и аналогичных показателях стажа на Крайнем Севере и регионах, что приравнены к нему.
Предвахтовый медицинский осмотр	Приказ Минздрава № 1420н	Обязателен для всех работников, направляемых на вахтовый метод, особенно если работа связана с особыми географическими регионами.
Составлено по: Груздева М. А., Калачикова О. Н. (2023). Проблемы нормативно-правового регулирования занятости мигрантов-отходников // Журнал исследований по управлению. № 5. С. 64-74. Балашова Н.В. Вахтовый метод организации работ: особенности применения // Экономика труда. 2021. Том 8. № 4. С. 459-474; Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ ; «Об утверждении перечня вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные медицинские осмотры при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры» // Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации № 1420н от 31.12.2020. – Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=382228		

Маятниковая трудовая миграция на данный момент упоминается в стратегиях социально-экономического развития регионов и в некоторых градостроительных документах^{291,292}. В текстах стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации существуют упоминания как о маятниковой трудовой миграции, так и вахте, однако, ни о каких конкретных мерах регулирования в данных документах не говорится. Так, о маятниковой трудовой миграции есть упоминание в стратегических документах 27 субъектов, а о вахте – в 16. Регионы можно сгруппировать на 4 группы, а именно на те, которые положительно, нейтрально, негативно оценивают изучаемые явления и никак не упоминают в тексте своих стратегических документов данные виды возвратной трудовой миграции (см. прил. 16).

Маятниковую трудовую миграцию положительно оценивают пять субъектов Российской Федерации. В стратегических документах этих регионов высказываются рекомендации по

²⁹¹ Соколова А.А. Регулирование возвратной трудовой миграции в XXI веке: зарубежный опыт и российская практика // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 5. С. 126-140.

²⁹² Положение о территориальном планировании г. Москвы. Приложение к Закону г. Москвы от 05.05.2010 г. № 17 «О генеральном плане г. Москвы» [Электронный ресурс] // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/mka/function/dlia-spetsialistov/dokumenty-territorialnogo-planirovaniia/>. (дата обращения: 16.09.2024).

формированию обратных потоков маятниковой трудовой миграции (Ленинградская область²⁹³) и улучшению координации субъектов, входящих в агломерационные зоны. Стратегия Алтайского края²⁹⁴ признает этот процесс как «один из эффективных механизмов рационального распределения рабочей силы» и предлагает создать платформу для взаимодействия работодателей и работников в рамках региональной политики. Позитивное влияние маятниковых перемещений на занятость пригородных населенных пунктов также отмечается в стратегиях социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа²⁹⁵ и Воронежской области²⁹⁶. Положительный вклад вахты признают 6 субъектов, которые в первую очередь видят в вахте способ улучшения ситуации с занятостью населения. Ямало-Ненецкий автономный округ²⁹⁷ признает, что рост численности занятых в региональной экономике, обусловлен приезжими работниками, отмечая, что вахта для региона является фактором развития. Республика Хакасия²⁹⁸ признает вахтовую занятость сильной стороной, поскольку она обеспечивает мобильность рабочей силы. В Ненецком автономном округе предполагается решать задачу преодоления диспропорций спроса и предложения на рынке труда путем профессиональной переподготовки и привлечения кадров из иных субъектов РФ, а также в привлечении вахтовых работников²⁹⁹. В Республике Бурятия вахтовый метод применяется для обеспечения занятости в сельских и удаленных районах, что помогает компенсировать дефицит

---

²⁹³ Закон Ленинградской области «О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 г. и признании утратившим силу областного закона «О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 г.» (с изменениями на 19 декабря 2019 г.)» [Электронный ресурс] // СПП Консорциум Кодекс. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/456011417>. (дата обращения: 16.09.2024).

²⁹⁴ Закон Алтайского края от 06 сентября 2021 г. № 86-ЗС «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/574868207>. (дата обращения: 22.08.2024).

²⁹⁵ Постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 июня 2021 г. № 478 «О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 г. (с изменениями на 17 февраля 2022 г.)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/574785875>. (дата обращения: 22.08.2024).

²⁹⁶ Закон Воронежской области от 23.12.2019 № 165-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/550300779>. (дата обращения: 22.08.2024).

²⁹⁷ Постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 июня 2021 г. № 478 «О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 г. (с изменениями на 17 февраля 2022 г.)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/574785875>. (дата обращения: 22.08.2024).

²⁹⁸ Закон Республики Хакасия от 12.02.2020 г. № 01-ЗРХ «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Республики Хакасия до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406165064>. (дата обращения: 22.08.2024).

²⁹⁹ Постановление Собрания депутатов Ненецкого автономного округа восемнадцатой сессии 28-го созыва от 07.11.2019 г. № 256-СД «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561620008>. (дата обращения: 22.08.2024).

постоянных рабочих мест³⁰⁰, а Республика Ингушетия видит возможность в снижении числа безработных в выездах за пределы республики вахтой³⁰¹. Республика Саха (Якутия) видит в вахтовых поселках инструмент развития удаленных территорий, где вахтовые поселки преобразуются в пригодные для постоянного проживания³⁰².

Те регионы, которые в своих стратегиях указывают только факт наличия маятниковой трудовой миграции были отнесены в группу констатирующих данное явление и их насчитывается 16 субъектов. Ряд субъектов в стратегиях развития просто констатируют без аналитической оценки наличие данного вида миграции на их территории (Красноярский край), или то, что она потенциально возможна при возникновении необходимости (Чукотский автономный округ)³⁰³. Регионы, попавшие в данную группу, имеют потенциал для внедрения мер регулирования процессов возвратной трудовой миграции, так как в своих региональных нормативно-правовых актах они уже признают факт существования подобного вида миграций.

Группа регионов, негативно оценивающих маятниковую трудовую миграцию, описывает изучаемое явление как фактор риска (Ивановская область³⁰⁴), как слабую сторону (Владимирская область³⁰⁵), а также как ключевую проблему развития субъекта (Респ. Северная Осетия-

---

³⁰⁰ Закон Республики Бурятия от 18.03.2019 г. № 360-VI «О Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/553221182>. (дата обращения: 22.08.2024).

³⁰¹ Постановление Правительства Республики Ингушетия от 16.02.2009 № 49 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Ингушетия на 2009-2020 гг. и на период до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/446174234>. (дата обращения: 22.08.2024).

³⁰² Закон Республики Саха (Якутия) от 19.12.2018 г. 2077-3 № 45-VI «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 г. с целевым видением до 2050 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/570839211>. (дата обращения: 22.08.2024).

³⁰³ Груздева М.А., Калачикова О.Н. Проблемы нормативно-правового регулирования занятости мигрантов-отходников // Журнал исследований по управлению. 2023. №. 5. С. 64-74. (дата обращения: 10.10.2024).

³⁰⁴ Постановление Правительства Ивановской области от 27 апреля 2021 г. № 220-п «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2030 г. (с изменениями на 14 июня 2022 г.)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/574718790>. (дата обращения: 22.08.2024).

³⁰⁵ Указ Губернатора Владимирской области от 02 июня 2009 г. № 10 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 г. (с изменениями на 10 января 2024 г.)» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/965014297>. (дата обращения: 22.08.2024).

Алания³⁰⁶, Ульяновская область³⁰⁷). Ряд регионов (Московская³⁰⁸ и Ивановская³⁰⁹ области, г. Севастополь³¹⁰) заявляют о необходимости сокращения трудовой миграции из региона в крупный агломерационный центр. Московская область³¹¹ в качестве мер регулирования объемов и потоков маятниковой трудовой миграции предлагает создание альтернативных центров притяжения, что будет способствовать снижению оттока в г. Москва и сохранения трудовых ресурсов в периферийных районах области. В Ивановской области, с целью контроля объемов выбывающих трудовых маятниковых мигрантов, предлагается утверждение конкурентноспособной заработной платы на предприятиях и увеличение количества рабочих мест³¹². Краснодарский край³¹³ предлагает создавать предпосылки для самореализации и обучения в узловых населенных пунктах края. Негативно оценивают явление вахтовой организации труда в 4 регионах. Сахалинская область³¹⁴ относит вахту к проблемам развития региона, Забайкальский край³¹⁵

---

³⁰⁶ Закон Республики Северная Осетия - Алания от 18 сентября 2019 г. № 60-РЗ «О Стратегии социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания до 2030 г. (с изменениями на 11 ноября 2021 г.)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561543525>. (дата обращения: 22.08.2024).

³⁰⁷ Постановление Правительства Ульяновской области от 23.06.2015 г. № 16/319-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/463710828>. (дата обращения: 22.08.2024).

³⁰⁸ Постановление Правительства Московской области от 28 декабря 2019 г. № 1023/45 «Стратегия социально-экономического развития Московской области на период до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/552209785>. (дата обращения: 22.08.2024).

³⁰⁹ Постановление Правительства Ивановской области от 27 апреля 2021 г. № 220-п «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2030 г. (с изменениями на 14 июня 2022 г.)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/574718790>. (дата обращения: 22.08.2024).

³¹⁰ Закон города Севастополя от 21 июля 2017 г. № 357-ЗС «Об утверждении стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/450278824>. (дата обращения: 22.08.2024).

³¹¹ Постановление Правительства Московской области от 28 декабря 2019 г. № 1023/45 «Стратегия социально-экономического развития Московской области на период до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/552209785>. (дата обращения: 22.08.2024).

³¹² Постановление Правительства Ивановской области от 27 апреля 2021 г. № 220-п «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2030 г. (с изменениями на 14 июня 2022 г.)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/574718790>. (дата обращения: 22.08.2024).

³¹³ Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г. (с изменениями на 5 декабря 2023 г.)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/550301926>. (дата обращения: 22.08.2024).

³¹⁴ Постановление Правительства Сахалинской области от 24.12.2019 г. № 618 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2035 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561676850>. (дата обращения: 22.08.2024).

³¹⁵ Постановление Правительства Забайкальского Края от 02.06.2023 № 272 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Забайкальского Края до 2035 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406697260>. (дата обращения: 22.08.2024).

констатирует отток квалифицированных кадров в другие регионы из-за вахтовых работ является проблемой, требующей решения для развития местного трудового потенциала. Иркутская область отмечает, что из-за притока вахтовых работников происходит потеря постоянных рабочих мест и убытие местного населения³¹⁶. Томская область обращает внимание на то, что популяризация вахтового метода усложняет функционирование социальной сферы района, что может привести к дефициту ресурсов, особенно в части учреждений системы здравоохранения³¹⁷.

Самой же многочисленной группой регионов выступила та, в которой отсутствуют какие-либо упоминания о существовании маятниковой и вахтовой трудовой миграции. В стратегиях социально-экономического развития вахта упоминается в основном в тех субъектах, в которых данный способ организации труда широко применяется, что связано с труднодоступностью, нехваткой местных кадров и экономической специализацией на добыче полезных ископаемых. В данном случае вахтовый метод позволяет компенсировать дефицит рабочей силы и поддерживать деятельность в удаленных зонах. В случае маятниковой трудовой миграции становится заметным бессистемность включения упоминаний о необходимости регулирования данного явления в документы стратегического планирования развития регионов, которое не опирается на масштабы распространения маятниковой трудовой миграции, а также на размеры экономических последствий для субъекта³¹⁸ (табл. 7).

Таблица 7

**Группировка регионов по упоминанию видов возвратной трудовой миграции в
Стратегиях социально-экономического развития регионов РФ, 2021 г.**

Регионы исхода	Доля возвратной трудовой миграции			Доля в доходной части консолидированного бюджета в структуре доходов от НДФЛ						Упоми нение в Страте гии Социа льно- эконом ическо го развит ия
	Всего , %	Вну три рег ион аль ной трудо в ой миг раци и, %	Меж регио наль ной трудо вой мигр ации, %	Межрегиональная трудовая миграция				Внутрирегионал ьная трудовая миграция		
				Привнесенный НДФЛ		Недополученный НДФЛ		Сохраненный НДФЛ		
				в %	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	

³¹⁶ Закон Иркутской области от 10.01.2022 г. № 15-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Иркутской области до 2036 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/578051226>. (дата обращения: 22.08.2024).

³¹⁷ Постановление Законодательной Думы Томской области от 26.03.2015 № 2580 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/467920053>. (дата обращения: 22.08.2024).

³¹⁸ Соколова А.А. Регулирование возвратной трудовой миграции в XXI веке: зарубежный опыт и российская практика // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 5. С. 126-140.

		рац ии								регион ов
Положительно оценивают явление возвратной трудовой миграции (Всего: для МТМ - 5 субъектов, для вахты - 6 субъектов)										
Ленинградская область	25,5	31,5	68,5	3,58	1 625 361,27	40,55	18 385 500,04	12,94	5 867 577,21	МТМ
Республика Бурятия	12,1	76,8	23,2	1,20	184 282,64	6,80	1 047 500,52	15,14	2 333 132,12	Вахта
...										
ЯНАО	2,2	60,5	39,5	12,1	7 294 359,23	0,30	180 968,04	0,84	504 880,98	МТМ и Вахта
НАО	4,0	75,7	24,3	12,1	286 058,42	0,66	15 502,56	3,08	72 858,30	Вахта
Констатируют явление возвратной трудовой миграции (Всего: для МТМ - 15 субъектов, для вахты - 7 субъектов)										
Брянская область	20,3	60,0	40,0	0,61	94 363,46	34,87	5 368 448,60	20,26	3 119 378,58	МТМ
Республика Мордовия	18,3	55,6	44,4	0,99	98 595,38	40,86	4 086 247,06	19,18	1 918 358,29	МТМ и Вахта
...										
Чукотский автономный округ	0,8	14,8	85,2	9,58	535 168,16	0,09	4 999,72	0,57	32 020,35	Вахта
г. Санкт Петербург	0,5	6,3	93,7	7,95	23 727 615,71	0,47	1 408 467,63	0,04	117 417,51	МТМ
Негативно оценивают явление возвратной трудовой миграции (Всего: для МТМ - 7 субъектов, для вахты - 4 субъекта)										
г. Севастополь	1,9	14,8	85,2	3,30	282 256,28	2,62	224 623,67	0,37	32 064,6 1	МТМ
Владимирская область	15,4	58,1	41,9	1,37	313 734,33	24,05	5 523 299,39	14,33	3 291 835,09	МТМ
...										
Томская область	10,0	83,0	17	1,9	406 669,82	3,08	660 471,90	11,23	2 410 289,72	Вахта
Сахалинская область	6,9	92,5	4,9	2,95	819 849,56	0,25	70 099,42	7,18	1 999 320,97	Вахта
Нет упоминания (Всего: для МТМ - 56 субъектов, для вахты - 67 субъектов)										
Тюменская область (без АО)	12,8	82,7	17,3	16,5 6	6 192 492,81	4,51	1 684 727,00	14,01	5 237 679,24	Нет
Орловская область	19,4	65,6	34,4	0,80	83 497,03	25,48	2 672 089,56	19,50	2 045 537,83	Нет
...										
Республика Калмыкия	18,2	38,2	61,8	1,40	31 843,56	67,17	1 532 670,11	16,48	375 991,06	Нет
Камчатский край	3,9	94,0	6,0	3,16	682 762,95	0,15	31 870,32	3,41	735 925,32	Нет
* Полный перечень регионов представлен в Приложении 16. В таблице представлено по 4 региона из каждой группы, по 2 региона на вахту и 2 на маятниковую трудовую миграцию.										

Источник: Составлено по Стратегиям социально-экономического развития соответствующих регионов; Данным Министерства Финансов Российской Федерации, Данные Всероссийской переписи населения-2020; расчеты автора.

Проведенный анализ подтвердил, что возвратная трудовая миграция оказывает существенное влияние на консолидированные бюджеты регионов, а большинство субъектов не уделяют ей внимания в своих стратегических документах. Исходя из этого, можно разделить все субъекты РФ на две большие группы, а именно на группу регионов, которые осознают влияние возвратной трудовой миграции на социально-экономическое развитие региона и на те, которые не делают этого (табл. 8). Первая группа регионов в Стратегиях социально-экономического развития отмечает положительное или отрицательное влияние возвратной трудовой миграции (либо один из ее видов, либо оба сразу) на социально-экономическое развитие, но делает это не всегда адекватно масштабам возвратной трудовой миграции и ее экономическим последствиям. Поскольку в рассматриваемых нормативно-правовых документах не всегда упоминаются оба вида возвратной трудовой миграции, то в данную группу были отнесены и те регионы, где есть упоминание хотя бы об одном из видов, либо о вахте, либо о маятниковой трудовой миграции. Ко второй группе относятся те субъекты РФ, которые в Стратегиях социально-экономического развития не упоминают об изучаемом явлении, либо просто констатируют наличие возвратной трудовой миграции (также либо один из ее видов, либо оба сразу).

Таблица 8

Группировка регионов РФ по учету масштабов и экономических последствий возвратной трудовой миграции в стратегиях социально-экономического развития регионов

	Учитывают влияние возвратной трудовой миграции на социально-экономическое развитие региона (20 субъектов)		Не учитывают влияние возвратной трудовой миграции на социально-экономическое развитие региона (65 субъектов)	
	Адекватно оценивают последствия возвратной трудовой миграции. Всего 12 субъектов, из них:	Неадекватно оценивают последствия возвратной трудовой миграции. Всего 8 субъектов, из них:	Констатируют явление возвратной трудовой миграции. Всего 18 субъектов, из них:	Не учитывают явление возвратной трудовой миграции. Всего 47 субъектов, из них:
Имеют положительные последствия от межрегиональной возвратной трудовой миграции на доходную часть от НДСЛ консолидированного бюджета	4 субъекта: НАО; Респ. Ингушетия; Респ. Саха (Якутия); ЯНАО.	2 субъекта: г. Севастополь; Сахалинская обл.	5 субъектов: г. Санкт-Петербург; Красноярский край; Магаданская обл.; Чукотский автономный округ; ХМАО.	7 субъектов: Амурская обл.; г. Москва; Камчатский край; Мурманская обл.; Респ. Коми; Тюменская обл. без АО; Хабаровский край.

Имеют отрицательные последствия от межрегиональной возвратной трудовой миграции на доходную часть от НДФЛ консолидированного бюджета	8 субъектов: Владимирская обл.; Забайкальский край; Ивановская обл.; Краснодарский край; Московская обл.; Респ. Северная Осетия-Алания; Томская обл.; Ульяновская обл.	6 субъектов: Алтайский край; Воронежская обл.; Иркутская обл.; Ленинградская обл.; Респ. Бурятия; Респ. Хакасия.	13 субъектов: Брянская обл.; Калужская обл.; Липецкая обл.; Новосибирская обл.; Омская обл.; Пензенская обл.; Приморский край; Респ. Адыгея; Респ. Дагестан; Респ. Крым; Респ. Мордовия; Ставропольский край; Удмуртская Респ.	40 субъектов: Архангельская обл. без АО; Астраханская обл.; Белгородская обл.; Вологодская обл.; Волгоградская обл.; Еврейская автономная обл.; Кабардино-Балкарская Респ.; Карачаево-Черкесскую Респ.; Калининградская обл.; Кемеровская обл. – Кузбасс; Кировская обл.; Костромская обл.; Курганская обл.; Курская обл.; Нижегородская обл.; Новгородская обл.; Оренбургская обл.; Орловская обл.; Пермский край; Псковская обл.; Респ. Алтай; Респ. Башкортостан; Респ. Карелия; Респ. Калмыкия; Респ. Марий Эл; Респ. Татарстан; Респ. Тыва; Ростовская обл.; Рязанская обл.; Самарская обл.; Саратовская обл.; Свердловская обл.; Смоленская обл.; Тамбовская обл.; Тверская обл.; Тульская обл.; Челябинская обл.; Чеченская Респ.; Чувашская Респ.; Ярославская обл.;
<i>Источник:</i> составлено автором по Стратегиям социально-экономического развития соответствующих регионов; Данным Министерства Финансов Российской Федерации				

Так, первая группа регионов, которая учитывает влияние возвратной трудовой миграции на социально-экономическое развитие регионов, делится на две подгруппы: регионы, которые адекватно оценивают это влияние и на те, которые нет. К подгруппе субъектов, которые неадекватно оценивают последствия возвратной трудовой миграции, попали те регионы, в которых наблюдается несоответствие между экономическими последствиями и отражением возвратной трудовой миграции в стратегических документах. К ним будут относиться регионы, где доля недополученного НДФЛ превышает долю привнесенного НДФЛ в структуру доходной части консолидированного бюджета, но при этом в стратегиях социально-экономического развития возвратная трудовая миграция позиционируется как позитивное явление. И наоборот – регионы, где доля недополученного НДФЛ меньше, чем доля привнесенного НДФЛ, но при этом в стратегиях наблюдается негативное отношение к маятниковой миграции или вахте. Иллюстрацией может послужить Ленинградская область, которая является одним из лидеров по доле возвратных трудовых мигрантов (25,5%), которая недополучает 40,55% доходов от НДФЛ

в структуру доходов от НДФЛ своего регионального бюджета, но она все же положительно оценивает влияние маятниковой трудовой миграции. Недополученный НДФЛ данной области значительно превышает объем привнесенного НДФЛ (3,58%), который возвратные трудовые мигранты из других регионов оставляют в Ленинградской области. Данное обстоятельство вызвано притяжением города федерального значения, который находится внутри области и вызывает сильную межрегиональную долю возвратных трудовых перемещений (78,4%) за счет чего в самой области сохраняется такая доля доходов от НДФЛ (12,94%), которая не может сравниться с объемами недополученного НДФЛ. Да, область обеспечивает с помощью возвратной трудовой миграции значительную долю городского и сельского населения трудовыми местами и занятостью, тем самым улучшая уровень благосостояния на уровне домохозяйств, обеспечивая на уровне работодателя предприятия трудовыми ресурсами, однако она имеет значительные потери на уровне региона за счет недополученного НДФЛ в структуре доходной части консолидированного бюджета от доходов от НДФЛ. Еще один субъект, который недооценивает вклад возвратной трудовой миграции в социально-экономическое развитие своих территорий – Сахалинская область. Данный регион негативно оценивает влияние вахты, хотя объем привнесенного НДФЛ (2,95%) в субъект превышает долю недополученного НДФЛ (0,25%) в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета. Внутрирегиональные перемещения, которые составляют 83,4% от всех потоков, позволяют сохранить в регионе 7,18% доходов от НДФЛ в структуре доходной части консолидированного бюджета. При этом, почти четверть (22,4%) сельских маятниковых трудовых мигрантов и вахтовиков области в структуре сельского занятого населения занято в возвратных видах миграции, что существенно влияет на рынок труда региона.

Другая подгруппа регионов адекватно воспринимает влияние возвратной трудовой миграции на их социально-экономическое развитие. Так, например, Ямало-Ненецкий автономный округ положительно оценивает явление и вахты, и маятниковой трудовой миграции: округ имеет достаточно высокую долю (12,1%) от привнесенного НДФЛ в структуру доходной части консолидированного бюджета от доходов от НДФЛ и низкий (0,3%) удельный вес недополученного НДФЛ. Владимирская область, которая негативно оценивает явление возвратной трудовой миграции, за счет межрегиональных возвратных трудовых перемещений теряет 24,05% доходов от НДФЛ, что несопоставимо с размерами привнесенного НДФЛ (1,37%) в доходную часть консолидированного бюджета от НДФЛ.

Самой многочисленной по количеству субъектов является вторая группа регионов, которые не учитывают влияния возвратной трудовой миграции на социально-экономическое развитие их территорий. Субъекты в этой группе также делятся на две подгруппы, а именно на тех, кто не упоминает о возвратной трудовой миграции, либо на тех, кто просто констатирует

наличие такого явления. Обе группы никак не учитывают ни положительного потенциала возвратной трудовой миграции, ни ее негативных последствий.

Регионы, в которых нет упоминания о возвратной трудовой миграции делятся на две подгруппы. Первая – это регионы, в которых при этом наблюдается превышение доли привнесенного НДФЛ над долей недополученного НДФЛ в структуре доходной части консолидированного бюджета и их всего 7. При том что рассматриваемые негативные последствия отсутствуют в данных субъектах, потенциальные положительные последствия остаются недоучтенными. Вторую подгруппу составляют регионы, не упоминающие в своих стратегиях о возвратной трудовой миграции, но имеющие отрицательные последствия от нее. Примером может выступить Республика Калмыкия. Данный субъект относится к регионам с высокой долей возвратной трудовой миграции в структуре занятого населения (18,2%), где преобладают межрегиональные перемещения и удельный вес недополученного НДФЛ составляет 67,7% от доходной части консолидированного бюджета от доходов от НДФЛ, что говорит о том, что регион является поставщиком трудовых ресурсов маятниковых трудовых мигрантов и вахтовиков для других субъектов РФ. Данная группа вмещает в себя 40 субъектов, которые можно отнести к «группе риска», поскольку без осознания масштабов возвратной трудовой миграции и тех последствий, которые она оказывает на экономику региона, отрицательные последствия могут усугубляться со временем.

Таким образом, существуют некоторые пробелы в нормативно-правовом обеспечении возвратной трудовой миграции: особенно это касается маятниковых трудовых мигрантов, которые слабо защищены институционально. Также наблюдается несогласованность наличия мер регулирования в стратегических документах текущей ситуации. Трудности в оценке и регулировании процессов изучаемого вида миграции обусловлены отсутствием публикуемых данных и недостаточной аккумуляцией информации о масштабах, направлениях и тех последствиях, которые оказывают возвратные трудовые мигранты на экономику регионов, принимающих их и отдающих³¹⁹. Анализ представленных данных о возвратной трудовой миграции в различных регионах России, на примере стратегий социально-экономического развития регионов, демонстрирует неоднозначную ситуацию. Некоторые регионы, особенно те, где преобладает межрегиональная трудовая миграция, сталкиваются с серьезными потерями в доходной части бюджета из-за недополученного НДФЛ. В то же время, другие регионы, эффективно управляя миграционными процессами, используют потенциал внутрирегиональной возвратной трудовой миграции для сохранения бюджета и развития экономики.

---

³¹⁹ Груздева М.А., Калачикова О.Н. Проблемы нормативно-правового регулирования занятости мигрантов-отходников // Журнал исследований по управлению. 2023. №. 5. С. 64-74.

3.2. Система прямых и косвенных мер регулирования возвратной трудовой миграции в зарубежных странах

Регулирование возвратной трудовой миграции в разных странах имеет свои особенности, связанные с конкретными условиями труда, географией, историческими факторами и культурой, которые являются важным аспектом социальной и экономической политики. Эти процессы играют ключевую роль в поддержании функционирования различных отраслей экономики, особенно в удаленных и труднодоступных регионах. Зарубежные исследования и практика регулирования изучаемого явления характеризуются открытым и систематическим подходом. Анализ зарубежного опыта выявил, что меры регулирования возвратной трудовой миграции направлены не только на управление объёмами и потоками данных пространственных перемещений, но и на минимизацию негативных последствий на различных уровнях. Это свидетельствует о комплексном подходе, учитывающем влияние данного явления на социально-экономическое и экологическое благополучие региона. Конкретные методы такого регулирования могут варьироваться в зависимости от специфики отдельных стран и регионов, но общим является стремление к балансированию интересов возвратных трудовых мигрантов, работодателей и местного сообщества.

Меры регулирования возвратной трудовой миграции в зарубежной практике представлены на различных уровнях, находя отражение как в национальных стратегиях, так и в локальных инициативах. Национальные стратегии развития транспортной системы, региональные и муниципальные программы развития территорий включают в себя учет специфики вахтовых и маятниковых трудовых перемещений. На уровне работодателей, нормы и правила закрепляются в локальных нормативных актах, действие которых распространяется на территорию предприятия. Индивидуальные поведенческие практики населения формируются под влиянием социальных норм, убеждений и других факторов, влияющих на их выбор возвратной трудовой миграции³²⁰ (прил. 17).

Субъектами управления по созданию мер регулирования возвратной трудовой миграции выступают правительственные органы, учреждающие стратегические документы³²¹ и законодательные акты³²² в отношении режима работы и отдыха, гарантий, а органы местного управления работают над стратегиями развития отдельных городов и муниципальных

---

³²⁰ Соколова А.А. Регулирование возвратной трудовой миграции в XXI веке: зарубежный опыт и российская практика // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 5. С. 126-140.

³²¹ Zuo J., Zheng W., Hong J. Interactions between centrality and commuting costs in a mountainous city: Implications for jobs-housing relationships and land use policies // Land Use Policy. 2024. Vol. 134. Pp. 1-12.

³²² Commonwealth Inscribed Stock Amendment Act 2009 [Электронный ресурс] // Australian Government. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2009A00003>.

³²² Occupational Safety and Health Administration [Электронный ресурс] // U.S. Department of Labor. – Режим доступа: <https://www.osha.gov>.

образований, влияющих на доступность и удобство транспорта³²³. Так же инициаторами выступают и предприятия, на которых работают маятниковые и вахтовые трудовые мигранты создают меры, стимулирующие, например, переход на альтернативные виды транспорта для своих работников³²⁴ или организацию дополнительного обучения. В свою очередь, образовательные организации предлагают программы поддержки студентов-маятниковых мигрантов и создают условия для перехода на более экологичный транспорт, некоммерческие организации в коллаборации с правительством некоторых стран (напр., Австралии) предоставляют психологическое сопровождение для вахтовых работников, включая программы по борьбе со стрессом и депрессией³²⁵, а канадские профсоюзы осуществляют программы по профилактике алкогольной и наркотической зависимости для вахтовых работников³²⁶.

Меры регулирования можно сгруппировать не только по субъекту управления, но и по объекту воздействия. Так, зарубежные страны принимают различные управленческие меры, направленные на улучшение транспортных систем: в сфере общественного транспорта реализуются программы по расширению сети маршрутов, увеличению частоты поездок³²⁷ и модернизации транспортного парка, что смягчает экологические последствия, связанные с избыточным трафиком. Среди таких практик стоит упомянуть стимулирование использования транспорта с альтернативными источниками энергии³²⁸, развитие велосипедной (строительство велодорожек, велопарковок и программы аренды велосипедов)³²⁹, а также улучшение пешеходной инфраструктур (тротуаров и пешеходных переходов)³³⁰. Для минимизации вредных выбросов и разгрузки дорог активно внедряется карпулинг, который позволяет снизить транспортные издержки и дает пассажирам дополнительное время для отдыха, общения или чтения во время длительных поездок³³¹. В рамках этих инициатив создаются

---

³²³ Waedhani M., Yoshida T., Malik A. Third Place Design strategy for commuter in sub-urban (Case study: outdoor public space in Tangerang city, Indonesia) // *Journal of architectural design and urbanism*. 2020. Vol. 3(1). Pp. 29-39.

³²⁴ Taale H., Kalter M.-J. O., Haaijer R., Damen C. The impact of COVID-19 and policy measures on commuting in the Netherlands // *Case Studies on Transport Policy*. 2022. Vol. 10 (4). Pp. 2369-2376.

³²⁵ Mental Awareness, Respect and Safety (MARS) Program [Электронный ресурс] // The Government of Western Australia. – Режим доступа: <https://www.wa.gov.au/organisation/department-of-energy-mines-industry-regulation-and-safety/mental-awareness-respect-and-safety-mars-program>.

³²⁶ Take Action [Электронный ресурс] // Canadian Labour Congress. – Режим доступа: <https://www.canadianlabour.ca/>

³²⁷ Pantelaki E., Caspani A.-C., Maggi E. Impact of home-school commuting mode choice on carbon footprint and sustainable transport policy scenarios // *Case studies on transport policy*. 2024. Vol. 15. Pp. 1-17.

³²⁸ Hidalgo-González C., Rodríguez-Fernández M.P., Pérez-Neira D. Energy consumption in university commuting: Barriers, policies and reduction scenarios in León (Spain) // *Transport Policy*. 2022. Vol. 116. Pp. 48-57.

³²⁹ Ungsuchaval TH., Kantamaturapoj K., Leelahavarong P., Yothasamut J., Ponragdee K., Prawjaeng J., Hadnorntun PH. Advocating evidence-informed policy in Thailand: The case of the development of bicycle commuting policy framework // *Case study on Transport policy*. 2022. Vol. 10 (3). Pp. 1727-1734.

³³⁰ Zuo J., Zheng W., Hong J. (2024). Interactions between centrality and commuting costs in a mountainous city: Implications for jobs-housing relationships and land use policies // *Land Use Policy*. 2024. Pp. 1-12. Vol. 134.

³³¹ Kanaroglou P.S, Higgins Ch., Chowdhury T. Excess commuting: A critical review and comparative analysis of concepts, indices, and policy implications // *Journal of transport geography*. 2015. № 44. Pp. 4-27.

специализированные парковки, приложения для поиска пассажиров³³² и предоставляются налоговые льготы для участников карпулинга³³³. Также для снижения затрат времени и денег работников, перемещающихся в другие населенные пункты, разрабатываются удобные пересадочные узлы и совершенствуется интеграция различных видов транспорта³³⁴. В сфере здравоохранения и безопасности, особенно в сфере вахтовой занятости, регулируются минимальные стандарты рабочего времени, ограничения на количество рабочих часов и обязательные перерывы, как это предусмотрено в законодательных актах, таких как Fair Work Act (Австралия)³³⁵, и Occupational Safety and Health Act (США)³³⁶, которые также устанавливают специальные требования безопасности на рабочих местах, включая нормы для оборудования и обучения персонала.

Возвратная трудовая миграция влияет не только на транспортную инфраструктуру, но и на городскую среду. В зарубежной практике маятниковая трудовая миграция включает перемещения не только между городами, но и внутри крупных мегаполисов, таких как, например, в Пекин³³⁷. Это требует специальных мер регулирования в сфере городского планирования. Одной из таких практик является «транспортно-ориентированное развитие» (“transit-oriented development”³³⁸), которое включает мероприятия по созданию и развитию жилья и рабочих мест вблизи станций общественного транспорта. Для контроля потоков маятниковых мигрантов, использующих автотранспорт, ограничивается строительство дорог в пользу пешеходных зон и велодорожек³³⁹, а также создаются «зеленые» зоны (парки и скверы)³⁴⁰, что способствует как улучшению экологии, так и стимулированию пеших прогулок. Законодательство ряда стран (включая, например, Канаду, с кодексами, такими как Canada Labour Code³⁴¹ и The Remote Area

---

³³² Sharing a sustainable way of life [Электронный ресурс] // Repsol. – Режим доступа: <https://www.repsol.com/en/energy-and-the-future/sustainable-mobility/what-is-carpooling/index.cshtml>.

³³³ Commuter Tax Benefits [Электронный ресурс] // SLO Regional Rideshare. – Режим доступа: <https://rideshare.org/tax-benefits/>.

³³⁴ Zhu P., Tan X, Zhao S., Shi Sh., Wang M. Land use regulations, transit investment, and commuting preferences // Land Use Policy. 2022. Vol. 122. Pp. 1-17.

³³⁵ Fair Work Act 2009 [Электронный ресурс] // Australian Government. – Режим доступа: URL: <https://www.fairwork.gov.au/about-us/legislation>.

³³⁶ Occupational Safety and Health Administration [Электронный ресурс] // U.S. Department of Labor. – Режим доступа: <https://www.osha.gov/>.

³³⁷ Zhao P., Lu B., Roo G. The impact of urban growth on commuting patterns in a restructuring city: Evidence from Beijing // Papers in Regional Science. 2011. Vol. 90 (4). Pp. 735-755.

³³⁸ Zhu P., Tan X, Zhao S., Shi Sh., Wang M. Land use regulations, transit investment, and commuting preferences // Land Use Policy. 2022. Vol. 122. Pp. 1-17.

³³⁹ Zuo J., Zheng W., Hong J. Interactions between centrality and commuting costs in a mountainous city: Implications for jobs-housing relationships and land use policies // Land Use Policy. 2024. Vol. 134. Pp. 1-12.

³⁴⁰ Zulian G., Marando F., Mentaschi L., Alzetta C., Wilk B., Maes J. Green balance in urban areas as an indicator for policy support: a multi-level application // One Ecosystem. 2022. № 7. Pp.1-35.

³⁴¹ Canada Labour Code (R.S.C., 1985, c. L-2) [Электронный ресурс] // Government of Canada. – Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/l-2/>.

Housing Act³⁴²) устанавливает требования к инфраструктурным объектам и условиям проживания в вахтовых поселках, охватывая минимальную площадь жилья и наличие необходимых услуг, а также вопросы питания и проезда.

Для минимизации негативных последствий для домохозяйства применяются меры регулирования, такие как налоговые льготы (например, налоговые вычеты при регулярных пригородных поездках между домом и работой)³⁴³, а также субсидирование проезда, абонементы на транспорт и парковку³⁴⁴. Для вахтовых работников предоставляются налоговые вычеты за питание, проезд, покупку и чистку спецодежды, обслуживание инструментов и оборудования, за телефонные и интернет расходы, на самообразование, медицинские осмотры при соблюдении определенных условий³⁴⁵. Так, например, вахтовые работники, работающие в Австралии, могут заявить к налоговому вычету расходы за телефонную связь и интернет, но только в том случае, если эти расходы напрямую связаны с рабочими обязанностями, а не с личным использованием. Так же работники могут заявить возмещения расходов на питание при сверхурочной работе по отраслевому соглашению или соглашению, которое подразумевает, что работодатель предоставляет надбавку на питание³⁴⁶.

Для управления возвратной трудовой миграцией компании внедряют подходы, направленные на улучшение баланса «дом-работа», что повышает субъективное благополучие работников. Одним из таких подходов является гибридный график работы для маятниковых мигрантов, сочетающий дистанционную и офисную работу³⁴⁷. Для вахтовых работников часто применяются равномерные графики (например, две недели работы и две недели отдыха)³⁴⁸, что способствует восстановлению и снижению времени разлуки с семьей. Эти меры улучшают баланс между личной жизнью и работой, повышая производительность труда и улучшая имидж компании³⁴⁹.

---

³⁴² Fringe benefits remote areas (housing benefits) [Электронный ресурс] // Regional Development Australia - Attachment 1 - Future Tax - Statements from Participants. – Режим доступа: <https://treasury.gov.au/sites/default/files/2019-03/Regional-Development-Australia-Att-1.pdf>.

³⁴³ Steinsland Ch., Fridstrom L., Madslein A., Minken H. The climate, economic and equity effects of fuel tax, road toll and commuter tax credit // *Transport Policy*. 2018. Vol. 72. Pp. 225-241.

³⁴⁴ Pantelaki E., Caspani A.-C., Maggi E. Impact of home-school commuting mode choice on carbon footprint and sustainable transport policy scenarios // *Case studies on transport policy*. 2024. Vol. 15. Pp. 1-17.

³⁴⁵ FIFO Workers and Deductions [Электронный ресурс] // MD Business Accountants. – Режим доступа: <https://www.mdbusinessaccountants.com.au/blog/fifo-workers-and-deductions>.

³⁴⁶ Unveiling Tax Deductions for FIFO Workers [Электронный ресурс] // Mahler Advisory. Accounting+Taxation. – Режим доступа: <https://mahler.com.au/what-can-fifo-workers-claim-on-tax/>.

³⁴⁷ Taale H., Kalter M.-J. O., Haaijer R., Damen C. The impact of COVID-19 and policy measures on commuting in the Netherlands // *Case Studies on Transport Policy*. 2022. Vol. 10 (4). Pp. 2369-2376.

³⁴⁸ Striking the balance for distance workers [Электронный ресурс] // The West Australian – Режим доступа: <https://towards2030.thewest.com.au/striking-the-balance-for-distance-workers/>.

³⁴⁹ Taale H., Kalter M.-J. O., Haaijer R., Damen C. The impact of COVID-19 and policy measures on commuting in the Netherlands // *Case Studies on Transport Policy*. 2022. Vol. 10 (4). Pp. 2369-2376.

Меры воздействия на возвратную трудовую миграцию бывают прямыми и косвенными, однако особый интерес вызывают поведенческие меры, основанные на принципах поведенческой экономики, таких как теория подталкивания («nudge theory»)³⁵⁰, неприятие потерь («loss aversion»)³⁵¹, социальные нормы³⁵², использование цифровых средств («gamification»³⁵³ и «digital nudging»³⁵⁴). Косвенные меры направлены на изменение внешней среды (например, транспортной инфраструктуры), тогда как поведенческие сосредоточены на изменении процесса принятия решений и установлении новых социальных норм³⁵⁵. Они формируют желаемое поведение без принуждения, но требуют больше времени для достижения эффекта. Сочетание поведенческих мер в совокупности с прямыми и косвенными мерами обладает высоким потенциалом для создания эффективных мер регулирования возвратной трудовой миграции^{356,357,358}.

Таким образом, регулирование возвратной трудовой миграции, включая вахтовую и маятниковую, представляет собой важный аспект социально-экономической политики разных стран. Международный опыт демонстрирует, что подходы к управлению возвратной трудовой миграции разнообразны и включают широкий спектр мер, направленных на минимизацию негативных последствий на уровне домохозяйства, работодателя и территории проживания и работы возвратного трудового мигранта. В отношении вахтовой трудовой миграции следует отметить, что в большинстве стран усилия концентрируются на обеспечении безопасности и здоровья работников, соблюдении норм рабочего времени и сохранении баланса между работой и домом. Законодательные акты определяют минимальные стандарты по рабочему времени, отдыху, условиям проживания, медицинскому обслуживанию, оплате проезда и питания. Важную роль в защите прав и интересов вахтовых работников играют профсоюзы и

---

³⁵⁰ Franssens S., Botchway E., Swart W., Dewitte S. Nudging Commuters to increase public transport use: a field experiment in Rotterdam // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Pp. 1-12. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.633865.

³⁵¹ Dauth W., Haller P. Loss aversion in the trade-off between wages and commuting distances // *Beiträge zur Jahrestagung des Vereins für Socialpolitik 2019: 30 Jahre Mauerfall - Demokratie und Marktwirtschaft - Session: Urban Economics*, No. D12-V3, ZBW - Leibniz-Informationzentrum Wirtschaft, Kiel, Hamburg, 2019. 41 p.

³⁵² Biggar M. Unpacking the influence of social norms and past experience on commuting mode choice // *Journal of behavioral public administration*. 2019. Vol. 2(1), pp. 1-8.

³⁵³ Reindl A., Juppe M., Graf Ph., Putz-Egger L.-M., Schildorfer W. The use of gamification to change commuters' mobility behavior: A literature review // *7th International GamiFIN Conference 2023 (GamiFIN 2023)*, April 18-21, 2023, Lapland, Finland. Pp. 37-46.

³⁵⁴ Zimmermann S., Schulz Th., Hein A., Gewalt H., Krcmar H. Motivating change in commuters' mobility behavior: Digital nudging for public transportation use // *Journal of Decision Systems*. 2024. Vol. 33. Pp. 79-105.

³⁵⁵ Aravind A., Mishra S., Meservy M. Nudging towards sustainable urban mobility: Exploring behavioral interventions for promoting public transit // *Transportation Research Part D*. 2024. № 129. Pp. 2-25.

³⁵⁶ Whillans A., Sherlock J., Roberts J., O'Flaherty S., Gavin L., Dykstra H., Daly M. Nudging the commute: Using behaviorally informed interventions to promote sustainable transportation // *Behavioral Science & Policy*. 2021. № 7(2). Pp. 27-49.

³⁵⁷ Соколова А.А. Регулирование возвратной трудовой миграции в XXI веке: зарубежный опыт и российская практика // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024. Т. 17. № 5. С. 126-140.

³⁵⁸ Соколова А. А., Калачикова О.Н. Миграционные процессы в контексте теорий поведенческой экономики // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2021. Т. 1, № 4. С. 20-32.

некоммерческие организации. Регулирование маятниковой трудовой миграции в зарубежных странах рассматривается как процесс, требующий активного наблюдения, исследований и регулирования. В отличие от российской практики, где подобные пространственные перемещения часто остаются в тени, зарубежные страны уделяют особое внимание ее управлению на всех уровнях: от национальных стратегий до повседневных практик отдельных домохозяйств. Международный опыт показывает, что успешное регулирование возвратной трудовой миграции требует комплексного подхода, который сочетает инструменты не только улучшающие условия труда и жизни работников, повышение эффективности и конкурентоспособности на рынке труда для работодателей, но и способствующие устойчивому развитию территорий.

3.3. Рекомендации по разработке мер регулирования возвратной трудовой миграции на примере Вологодской области

Разработанные методические рекомендации состоят из трех этапов: предварительный, непосредственно включающий меры регулирования и этап обратной связи (рис. 24). Для создания эффективной системы регулирования возвратной трудовой миграции в России необходима система учета, которая позволит получить приближенную к реальности картину масштабов изучаемого явления и его характеристик. Поэтому предварительным этапом создания региональных мер регулирования возвратной трудовой миграции выступает налаживание учета данной категории населения. Важность учета данной группы работников по всем предприятиям подчеркивалась еще в трудах советских ученых³⁵⁹.

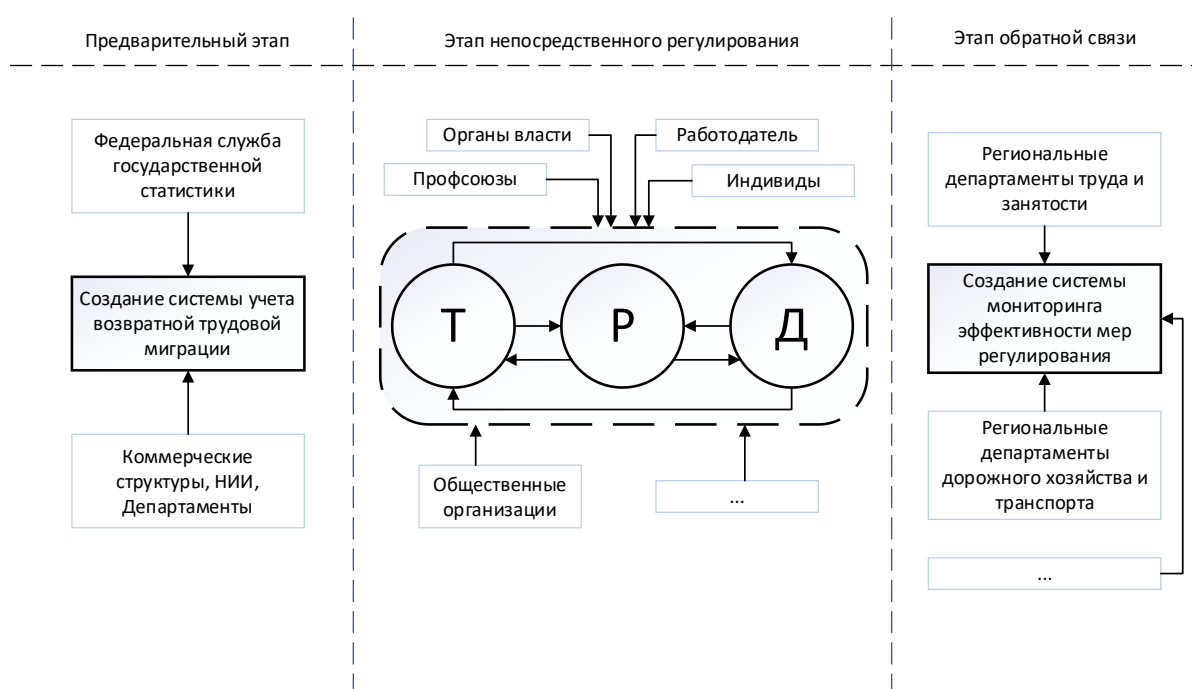

Рисунок 24. Методические рекомендации по созданию мер регулирования возвратной трудовой миграции

* Т-уровень территории; Р – уровень работодателя; Д – уровень домохозяйства

Источник: составлено автором.

Одним из вариантов, который позволит учитывать изучаемую группу населения в общестрановых масштабах является модификация формы П-4 (НЗ)³⁶⁰, которая в своей структуре уже содержит поля о возвратных трудовых мигрантах, а именно о вахтовых работниках. Данная

³⁵⁹ Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения (статистико-географические очерки). Издательство «Мысль»: Москва, 1978. 241 с.

³⁶⁰ Указания по заполнению формы федерального статистического наблюдения № П-4 «Сведения о численности и заработной плате работников» [Электронный ресурс] // Федеральная государственная статистическая служба. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/document/document_form/form_filling_order_file/2024-01/11/Ukaz_№678_22122023.pdf.

форма уже используется для изучения вахтовой занятости³⁶¹. В рамках рассматриваемых методических рекомендаций на первом, предварительном этапе предлагается ввести дополнительное поле о наличии на предприятии маятниковых трудовых мигрантов и их количестве. Данная мера позволит отслеживать не только масштабы и изменение динамики численности по всем территориальным единицам страны, но также продемонстрирует в каких отраслях трудоустроены возвратные трудовые мигранты.

В настоящее время форма П-4 (НЗ) заполняется и подается уполномоченным представителем работодателя в составе ежемесячной и ежеквартальной налоговой отчетности. Ее предоставление является обязательным, а нарушение сроков подачи влечет штрафные санкции согласно ст. 13.19 КоАП РФ³⁶². Отчет направляется в территориальный орган Росстата по месту регистрации предприятия. Обязанность предоставления отчета возникает для организаций, где среднесписочная численность работников за предшествующий год превышала 15 человек. Если предприятие ведет деятельность в ином месте, отчет сдается по месту фактической работы, что позволяет учитывать реальное расположение сотрудников, включая возвратных трудовых мигрантов. Отчетность также распространяется на филиалы, обособленные подразделения и представительства юридических лиц, как российских, так и зарубежных, работающих в РФ. Исключение составляют предприятия с численностью менее 15 человек, субъекты малого предпринимательства и организации с определенными кодами ОКОПФ.

Помимо модификации формы необходимо наладить выкладку данных о численности возвратных трудовых мигрантов на сайте федеральной службы государственной статистики и ее территориальных подразделений. Публикация этих данных в открытом доступе на официальных сайтах органов государственной статистики позволит провести более глубокий анализ влияния возвратной трудовой миграции на экономику региона, рынок труда, социальную сферу и инфраструктуру.

Несмотря на благоприятные эффекты от данной меры, позволяющей улучшить учет возвратных трудовых мигрантов, все же есть ряд трудностей. Актуальный формат и инструкция по заполнению содержатся в приложении №7 приказа Росстата от 31.07.2023 №360³⁶³. Уполномочены вносить коррективы в структуру формы П-4 (НЗ) органы государственной статистики и преобразование содержания формы отчетности должно осуществляться

---

³⁶¹ Степуть И. С., Гуртов В. Вахтовая занятость в экономике арктической зоны России: динамика, масштабы, профессионально-квалификационные характеристики // Общество и экономика. 2023. №6 С. 90-108.

³⁶² Федеральный Закон «Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ)» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125267/>.

³⁶³ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 31 июля 2023 г. № 360 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за численностью, потребностью организаций в работниках по профессиональным группам, составом кадров государственной гражданской и муниципальной службы» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407623058/>.

посредством внесения изменения в действующий приказ Федеральной службы государственной статистики. Введение новых полей в форму П-4 (НЗ) потребует времени для адаптации работников кадровых служб предприятий к новому способу учета. Публикация данных о возвратных трудовых мигрантах на сайтах Федеральной службы государственной статистики потребует выделения специальных должностных лиц, занимающихся агрегацией отчетной документации, что затребует дополнительных трудовых, финансовых и временных ресурсов. Несмотря на эти трудности, модификация формы П-4 (НЗ) является практически готовым инструментом для улучшения учета возвратных трудовых мигрантов.

Помимо привлечения Федеральной службы государственной статистики для сбора данных, углубленное изучение масштабов возвратной трудовой миграции возможно осуществлять через сотрудничество с исследовательскими институтами, коммерческими организациями и органами власти. Такая коллаборация позволит привлечь к анализу массив больших данных, используя информацию из различных источников. Например, привлечение таких компаний, как «Билайн», «Яндекс», «Сбербанк»³⁶⁴ позволит использовать данные операторов сотовой связи, данные о пространственных перемещениях через мобильные приложения, информацию о транзакциях и т.д.

Политика регулирования возвратной трудовой миграции должна сосредотачиваться в основном на работе с последствиями, усиливая положительные и смягчая отрицательные стороны от данного явления. Исходя из классификации последствий возвратной трудовой миграции на три уровня (территория, работодатель, домохозяйство) предлагается сосредоточиться на мерах, которые будут разделены на одноименные уровни. Важно отметить, что уровни территории, работодателя и домохозяйства не образуют иерархии, а находятся на одном уровне и оказывают взаимное влияние друг на друга. Так, например, развитая транспортная инфраструктура региона оказывает значительное влияние на работодателей, снижая их затраты на перевозку работников, особенно в условиях вахтового труда. Это способствует сокращению времени в пути и повышению комфорта, что положительно отражается на психоэмоциональном состоянии возвратных трудовых мигрантов, поскольку их дорога до места работы становится менее утомительной. На уровне работодателя создание комфортных и безопасных условий труда повысит производительность труда и улучшит общее самочувствие работников. В свою очередь, это сделает территорию работы более привлекательной для возвратных трудовых мигрантов, что поспособствует росту занятости и простимулирует экономическое развитие региона. Влияние уровня домохозяйства на другие

---

³⁶⁴Часть подобных исследований уже существует, однако они выполнены точно, в единичных городах России, а также данные подобного характера, поскольку они носят коммерческий характер сложно получить исследователям для анализа.

уровни может быть проиллюстрировано через экономические и социальные процессы, инициируемые вахтовыми и маятниковыми трудовыми мигрантами. В регионе работы такие мигранты формируют спрос на различные услуги и товары, включая аренду недвижимости, транспортные услуги и другие товары повседневного спроса, тем самым влияя на развитие местной экономики. В регионах проживания мигрантов воздействие проявляется через денежные трансферты, которые составляют значительную часть их доходов — до двух третей заработка. Эти средства, передаваемые в домохозяйства мигрантов, способствуют повышению уровня потребления, улучшению бытовых условий, а также стимулируют местную экономику, создавая спрос на товары и услуги. Денежные переводы возвратных трудовых мигрантов играют важную роль в поддержании социально-экономической стабильности региона проживания и оказывают обратное воздействие на территориальный уровень. Таким образом, связь между территорией, работодателем и домохозяйством является взаимозависимой и комплексной, оказывая влияние на эффективность использования трудовых ресурсов и социально-экономическое благополучие региона.

На уровне территории необходимо стимулировать развитие транспортной инфраструктуры, особенно в регионах с высоким уровнем возвратной трудовой миграции — строительство новых дорог, расширение железнодорожного транспорта, увеличение количества маршрутов общественного транспорта. В качестве меры регулирования для рынка труда необходимо разрабатывать программы переподготовки и повышения квалификации для местного населения в сферах, где высока доля возвратных мигрантов, что позволит сократить долю межрегиональных возвратных трудовых мигрантов, за счет которых происходит значительный отток финансовых средств из бюджета региона. Программы переподготовки должны быть направлены на повышение квалификации и переподготовку кадров для закрытия областей приложения труда, которые заполняются возвратными трудовыми мигрантами. На экономику региона можно воздействовать посредством введения системы налоговых льгот для работодателей, которые нанимают внутрирегиональных возвратных трудовых мигрантов, чтобы стимулировать трудоустройство местного населения. Для того, чтобы нивелировать экологические издержки от данного вида трудовых миграций предлагается разрабатывать программы по улучшению экологической ситуации в регионах с высоким уровнем возвратной трудовой миграции.

На уровне работодателя для решения вопросов, связанных с нарушением трудового законодательства в отношении возвратных трудовых мигрантов, предлагается внедрение системы штрафных санкций для работодателей, которые не соблюдают установленные нормы и не обеспечивают безопасные и комфортные условия труда. Особое внимание должно быть уделено вопросам правового оформления трудовых отношений, в частности заключению

трудовых договоров с вахтовыми работниками, которые должны включать в себя все необходимые характерные черты, присущие трудовым договорам вахтовой организации труда в соответствии с требованиями законодательства. Такая мера исключит уже рассматриваемую «условно легальную» вахту, когда с работником заключают трудовой договор, но в нем не прописывают всех тех условий, гарантий и льгот, которые положены вахтовым работникам. Введение системы штрафов позволит повысить ответственность работодателей за соблюдение трудовых прав мигрантов и минимизировать случаи нарушений. Одновременно с этим, для стимулирования добросовестного найма возвратных трудовых мигрантов, предлагается внедрить систему налоговых льгот для работодателей, которые нанимают работников, проживающих в различных муниципальных образованиях того же региона, где находится предприятие. Подобная мера, взятая по аналогии с западной практикой, не только повысит мотивацию работодателей к легализации трудовых отношений, но и будет способствовать снижению безработицы и усилению экономической активности на местном уровне, в особенности в удаленных районах и сельской местности. Сочетание штрафных санкций и налоговых стимулов может создать сбалансированный механизм регулирования занятости возвратной трудовой миграции, способствующий соблюдению прав и улучшению условий труда выделенной группы населения.

На уровне домохозяйства негативные последствия (в частности ухудшения здоровья и снижения качества жизни) могут быть смягчены за счет введения ежегодных медицинских осмотров, особенно для маятниковых трудовых мигрантов, которые не охвачены обязательными медицинскими процедурами, в отличие от большинства вахтовых трудовых мигрантов, для которых регулярные осмотры уже предусмотрены работодателем. Не менее важной мерой является расширение доступности медицинских услуг для возвратных трудовых мигрантов, что позволит им обращаться в медицинские учреждения не по месту их постоянного проживания не только в экстренных ситуациях, но и для профилактических осмотров и планового лечения. Ввиду значительных временных затрат на дорогу такие категории граждан зачастую не успевают воспользоваться бесплатной медицинской помощью по месту постоянного проживания, что снижает их возможности для поддержания здоровья. Еще одним ключевым аспектом, требующим внимания, является поддержка финансового благополучия возвратных трудовых мигрантов, что может быть достигнуто через введение системы льгот на транспортные расходы, учитывая значительные затраты, связанные с регулярными перемещениями. Социальные связи и организация досуга также играют важную роль в улучшении качества жизни возвратных трудовых мигрантов. В этой связи предлагается развивать систему информирования, создания горячих линий и объединения инициативных граждан для снижения психоэмоционального напряжения, проблем с тревожностью, депрессией и профессиональным выгоранием у возвратных трудовых мигрантов. На предприятиях необходимо создать зоны отдыха

(включающие спортзалы, шахматные клубы, настольные игры и т.д.), что будет способствовать не только повышению трудовой дисциплины и снижению риска развития девиантных форм на рабочем месте, особенно в отдалённых местах вахтовой работы, но и позволит работникам занять себя в свободное время. Для маятниковых трудовых мигрантов, которые сталкиваются с длительными поездками, подобные досуговые мероприятия по месту работы обеспечат возможность восстановить психологическое состояние, что позитивно скажется на их общем состоянии и качестве трудовой жизни.

Помимо этого, необходимо обеспечить этап обратной связи, который будет заключаться в мониторинге эффективности примененных практик, посредством которого будет осуществляться постоянное совершенствование системы регулирования возвратной трудовой миграции. Для реализации этого необходим тщательный подход к разработке и применению ключевых индикаторов. Индикаторы должны отражать те аспекты возвратной трудовой миграции, на которые она непосредственно воздействует, а также они должны быть измеримыми и доступными. Для этого требуется создание системы обратной связи, включающей постоянный сбор, анализ и оценку данных, позволяющих судить об эффективности применяемых мер.

Индикаторы необходимо сгруппировать по нескольким основным направлениям:

1. Экономические индикаторы. Данные индикаторы позволят оценить влияние возвратных трудовых пространственных перемещений на бюджет региона, посредством разработанных в данном диссертационном исследовании показателей доли недополученного, привнесенного и сохраненного НДФЛ в доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета региона;

2. Индикаторы, отражающие состояние рынка труда, оценивающие изменения в структуре занятости, возникающие в связи с выбытием или прибытием возвратных трудовых мигрантов. Расчёт может осуществляться по удельному весу возвратных трудовых мигрантов в структуре занятого населения региона, который следует отдельно вычислять для городского и сельского населения. В группе данных индикаторов также следует предусмотреть анализ вакансий и спроса на рабочую силу в секторах с высокой долей возвратных мигрантов (но без отлаженного статистического учета и понимания того, в каких отраслях задействованы возвратные трудовые мигранты данный показатель будет неосуществим);

3. Инфраструктурные индикаторы, которые проиллюстрируют нагрузку на транспортную систему, которая рассчитывается на основе данных о пассажиропотоках и загруженности дорожно-транспортного полотна;

4. Экологические индикаторы, демонстрирующие влияние потоков возвратной трудовой миграции на экологическую обстановку в регионах, которые будут учитывать выбросы CO₂ и другие загрязняющие вещества, связанные с транспортными передвижениями. А также

производится мониторинг шумового загрязнения, который осуществляется посредством измерения уровня шума вблизи основных транспортных магистралей, используемых возвратными трудовыми мигрантами;

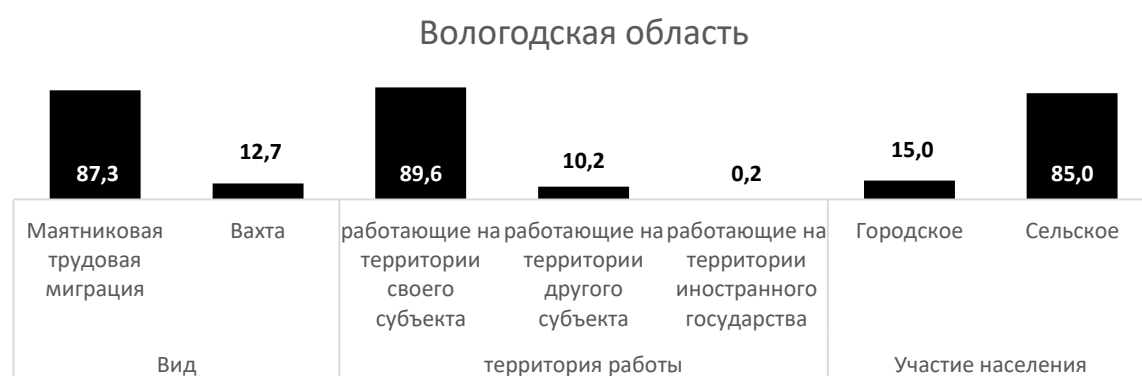
5. Социальные индикаторы, которые свидетельствуют об улучшении качества жизни возвратных трудовых мигрантов. Трудность фиксации связана с необходимостью не только количественного, но и качественного анализа. К данной группе будут относиться те индикаторы, которые отразят доступность и качество оказанных социальных услуг (медицинских, образовательных и т.д.) для возвратных трудовых мигрантов (и их несовершеннолетних детей) по месту их трудовой деятельности.

Для осуществления мониторинга эффективности применимых практик потребуется организовать сбор данных по выделенным индикаторам с привлечением различных региональных ведомств (налоговую службу, департаменты дорожного хозяйства и транспорта, департаменты труда и занятости, медицинские учреждения и т.д.). Подобная система индикаторов позволит не только оценить текущую эффективность применённых практик в отношении возвратной трудовой миграции, но и своевременно вносить корректировки в региональные программы. Для эффективного управления возвратной трудовой миграцией необходимо учитывать интересы как работодателей, так и самих возвратных трудовых мигрантов, а также обеспечивать устойчивое развитие экономики регионов. Важно отметить, что многие меры регулирования, требуют значительных финансовых вложений, что нередко становится существенным барьером на пути их реализации. При этом, в условиях недостаточной или отсутствующей статистической информации о численности возвратных трудовых мигрантов, их характеристиках и влиянии на региональные экономики, местные органы власти могут не проявлять должного интереса к разработке и внедрению мер регулирования миграции. Отсутствие комплексного учета этого явления приводит к тому, что возвратная трудовая миграция не попадает в поле зрения региональной политики, что тормозит её эффективное управление.

Разработанные меры регулирования были представлены на примере Вологодской области, выбранной в качестве модельного региона, поскольку особенности возвратной трудовой миграции в данном субъекте имеют показатели, свойственные большинству регионов России. Так же в тексте стратегии социально-экономического развития Вологодской области нет упоминания о вахте или маятниковой трудовой миграции, но несмотря на это, в субъекте отмечается заметное влияние этих явлений на региональную экономику. В 2021 г. в области удалось сохранить 2 768 522,12 тыс. рублей или 11,13% в структуре доходной части консолидированного бюджета от доходов от НДФЛ от внутрирегиональных возвратных видов трудовой миграции. Объем недополученного НДФЛ оказался выше (544 584,46 тыс. рублей или

2,19%) привнесенного НДФЛ в консолидированный бюджет от доходов от НДФЛ от возвратных трудовых мигрантов, которые осуществляли трудовую деятельность в Вологодской области и составил 185 249,00 тыс. рублей (0,74%).

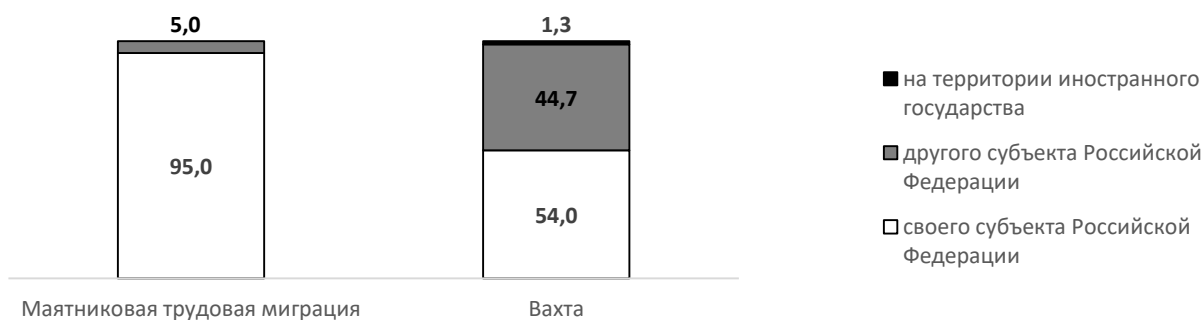
В Вологодской области насчитывается 44 182 возвратных трудовых мигранта, что составляет 0,7% от всех возвратных трудовых мигрантов в РФ и 11,4% от численности занятого населения области. Маятниковая трудовая миграция является наиболее распространенным видом среди возвратных трудовых перемещений в области, на их долю в 2021 г. пришлось 87,3% (рис. 25).

Рисунок 25. Распределение возвратных трудовых мигрантов Вологодской области по виду, территории места работы, периодичности выходы на работу и доле участия населения, % от возвратной трудовой миграции, 2021 г.

Источник: Итоги всероссийской переписи населения 2020 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>

Большая часть перемещений происходит на территории субъекта проживания (89,6%), на межрегиональную трудовую возвратную миграцию приходится 10,2%, а на международную 0,2% (рис. 26). Для маятниковых трудовых мигрантов Вологодской области в преобладающем большинстве случаев характерны перемещения внутри региона своего проживания (95,0%), тогда как для вахты распределение внутрирегиональных (54,0%) и межрегиональных (44,7%) перемещений практически равное, с небольшим перевесом первого (9,3 п.п.).

Рисунок 26. Распределение возвратных трудовых мигрантов Вологодской области по виду и территории места работы, %, 2021

Источник: Итоги всероссийской переписи населения 2020 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>

В структуре городского занятого населения городские маятниковые трудовые мигранты и вахтовые работники занимают 2,5%, а в структуре сельского занятого населения 29,5% занимают сельские возвратные трудовые мигранты, что указывает на важную роль возвратной трудовой миграции в развитии сельских территорий. В возвратной трудовой миграции в большей степени участвуют мужчины (62,2%), чем женщины. Вологодская область относится к регионам с умеренным удельным весом возвратных трудовых мигрантов во всех возрастных группах занятого населения. Наибольший удельный вес в структуре возвратной трудовой миграции имеют возрастные группы 30-39 лет (33,5%) и 40-49 лет (25,0%).

Рассматриваемый субъект находится в плотном кольце миграционно привлекательных регионов³⁶⁵ и двух агломерационных центров. Наиболее интенсивные трудовые связи у возвратных трудовых мигрантов наблюдаются с регионами Европейской, Центральной и Южной части России (рис. 27; прил. 18), что обуславливается относительной близостью данных регионов, налаженным транспортным сообщением и исторически сложившимися путями отхода.

Северо-Западный федеральный округ, в который входит Вологодская область, занимает третье место по количеству привлеченных трудовых мигрантов среди остальных федеральных округов, что свидетельствует о его привлекательности с точки зрения осуществления трудовых функций. Наиболее привлекательными территориями среди межрегиональных трудовых мигрантов³⁶⁶ считаются такие субъекты как Мурманская, Калининградская области, Республика Коми, г. Санкт-Петербург и Ненецкий автономный округ. Вологодская область относится к числу доноров трудовых ресурсов³⁶⁷. Говоря о тех перемещениях, которые не требуют переезда, то жители Вологодской области чаще всего выезжают на работу в г. Санкт-Петербург (16,8% от выезжающих в другой регион возвратных трудовых мигрантов) и г. Москву (15,6%), Архангельскую (15,3%), Ленинградскую (11,0%), Московскую (9,0%), Ярославскую (5,5%), Костромскую (1,1%), Тюменскую (1,1%) области, Республики Коми (2,7%) и Карелия (2,0%), а также в Ямало-Ненецкий автономный округ (1,8%). Работа в городах федерального значения привлекательная для возвратных трудовых мигрантов не только в силу финансовой выгоды и карьерных перспектив, но и в связи с мотивом престижа³⁶⁸.

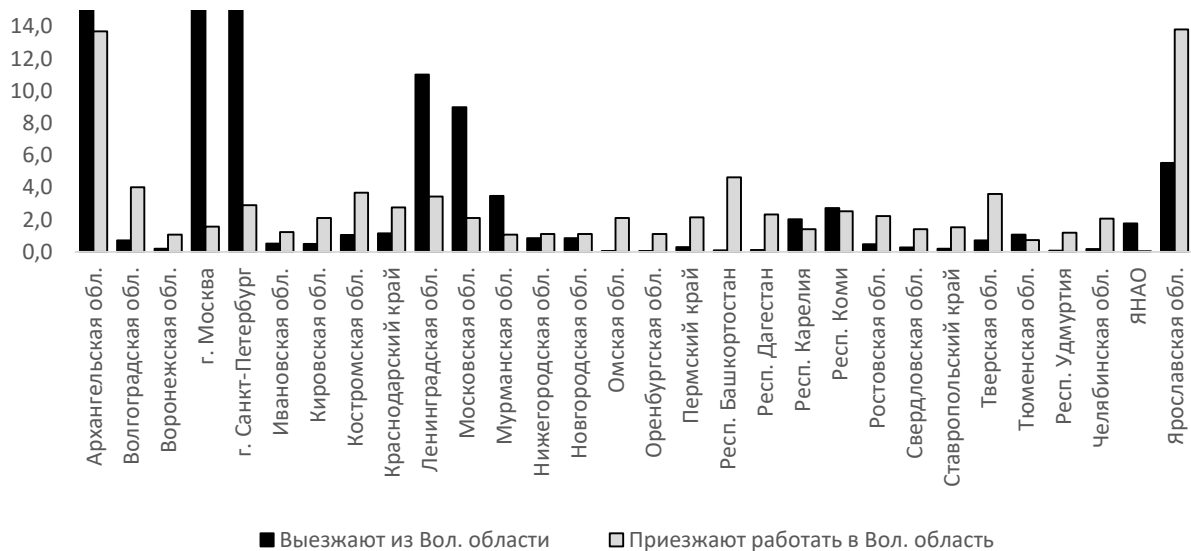
---

³⁶⁵ Шабунова А.А., Груздева М.А., Соколова А.А. Людские ресурсы СЗФО: движение и локализация // ЕСО. 2023. № 53(8). С. 35-56.

³⁶⁶ В данном случае говорится о трудовых мигрантах, которые осуществили переезд (Прим. автора).

³⁶⁷ Груздева М.А., Калачикова О.Н. Проблемы нормативно-правового регулирования занятости мигрантов-отходников // Журнал исследований по управлению. 2023. № 5. С. 64-74.

³⁶⁸ Ильин В.И. Анатомия социального успеха в географическом пространстве // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 6 (108). С. 29-33.

Рисунок 27. Межрегиональная возвратная трудовая миграция Вологодской области, 2021 г., %

* на рисунке представлены те субъекты РФ, которое имеют удельный вес возвратных трудовых мигрантов выше 1% в структуре соответствующих потоков возвратной трудовой миграции.

Источник: Итоги всероссийской переписи населения 2020.

Территориальная близость также способствует возвратной трудовой миграции. Так, например, Архангельская область, как центр лесной промышленности и добычи полезных ископаемых (включая нефть и газ на шельфе Баренцева моря), привлекает значительное число работников, а близость границ к Вологодской области сокращает транспортные издержки, что особенно актуально в рамках организации межрегиональной вахты. Но, не всегда возвратных трудовых мигрантов привлекают только территориально близко расположенные субъекты. Так, Краснодарский край, находящийся в значительном удалении от Вологодской области, является популярным местом отхода, в связи с тем, что в нем находятся города-курорты, которые требуют привлечения рабочей силы для обслуживания туристической индустрии. Мягкий климат и длительный сельскохозяйственный сезон делают регион привлекательным для возвратной трудовой миграции особенно из северных районов России, к которым относится Вологодская область, привлекая индивидов в новые формы вахтовой занятости в отраслях, связанных со сферой обслуживания туристической отрасли и сельским хозяйством. Республика Коми, Тюменская области и Ямало-Ненецкий автономный округ являются крупными центрами добычи нефти и газа, притягивая вахтовых работников не только из Вологодской области, но и со всех регионов России. Кроме того, в ряде территорий имеются северные надбавки и дополнительные социальные гарантии, что влияет на масштабы возвратных трудовых перемещений к выделенным территориям.

Возвратные трудовые мигранты из других субъектов Российской Федерации так же выбирают Вологодскую область в качестве региона для трудоустройства. Ярославская (13,8% от потока прибывших возвратных трудовых мигрантов в область), Архангельская (13,7%), Костромская (3,7%), Ленинградская (3,5%), Ивановская (1,2%) области находятся рядом, что стимулирует приток маятниковых трудовых мигрантов и работающих кратковременной вахтой в область, чему способствуют исторически сложившиеся экономические связи между регионами.

Разработка мер регулирования возвратной трудовой миграции в Вологодской области должна быть сфокусирована на стимулировании внутрирегиональных возвратных трудовых перемещений. Такая стратегия позволит увеличить долю сохраненного НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета региона, обеспечивая занятость значительной части сельского населения, препятствуя оттоку возвратных трудовых мигрантов из сельских районов в другие субъекты РФ и сократит долю недополученного НДФЛ (табл. 9).

Таблица 9

Меры регулирования возвратной трудовой миграции в Вологодской области

По уровню воздействия	По объекту воздействия	По цели	По субъекту управления	Меры регулирования
Уровень территории	Транспортные системы	Управление масштабами и потоками	Региональные органы власти	Разработка и внедрение востребованных маршрутов общественного транспорта
Уровень работодателя	Рынок труда	Управление масштабами и потоками	Региональные органы власти	Создание онлайн платформы, которая позволит наладить взаимодействие между работодателями и возвратными трудовыми мигрантами. Платформа будет содержать базу данных вакансий, предоставит возвратным трудовым мигрантам возможность создавать профили с подробной информацией о своих компетенциях и опыте. Также платформа будет предоставлять информацию о транспортных возможностях, правовые материалы, информацию о возможностях переподготовки и повышения квалификации, а также сведений о социальных гарантиях для возвратных мигрантов.
		Управление масштабами и потоками	Работодатель	Внедрение системы налоговых преференций для предприятий, трудоустраивающих специалистов из региона
	Трудовой процесс	Нивелирование последствий		Внедрение гибких графиков работы
Уровень домохозяйства	Детско-родительские отношения	Нивелирование последствий	Региональные органы власти	Внедрение системы прикрепления детей возвратных трудовых мигрантов к образовательным учреждениям по месту работы родителей

	Бюджет времени и денежных средств	Нивелирование последствий; Управление масштабами и потоками		Внедрение системы льготных единых проездных билетов на общественный транспорт для внутрирегиональных возвратных трудовых мигрантов
<i>Источник:</i> составлено автором.				

Меры регулирования возвратной трудовой миграции будут включать в себя такую практику, как внедрение системы льготных единых проездных билетов на общественный транспорт (в том числе и междугородний) для возвратных трудовых мигрантов, проживающих в Вологодской области. Данная мера сделает передвижение удобнее и доступнее, снизит временные издержки, что снизит уровень психоэмоционального напряжения у работников, а также будет стимулировать масштабы внутрирегиональной возвратной трудовой миграции. Принимая во внимание территориальную специфику области (144,5 км² или 8,6% от территории Северо-Западного федерального округа), подобная мера поможет существенно снизить транспортные расходы домохозяйств от перемещений на дальние расстояния в пределах области. Важным шагом в контексте Вологодской области является также разработка и внедрение востребованных маршрутов общественного транспорта из пригородов. Организация данных мероприятий будет возложена на Департамент дорожного хозяйства и транспорта.

Для стимулирования внутрирегиональной трудовой миграции и привлечения возвратных трудовых мигрантов в Вологодскую область, предполагается внедрение региональных налоговых преференций для предприятий, трудоустраивающих специалистов из региона. Данная мера направлена на повышение заинтересованности работодателей в использовании местных трудовых ресурсов. Привлечение кадров из Вологодской области позволит снизить издержки предприятий на транспортировку и размещение персонала, что особенно актуально для вахтовых работ, где затраты на доставку работников из других регионов РФ могут быть значительными. Реализация этой инициативы будет осуществляться при участии Департамента финансов Вологодской области, с разработкой конкретных механизмов налогового стимулирования. Это, в свою очередь, будет способствовать более эффективному использованию имеющегося трудового потенциала региона, снижению текучести кадров, и росту конкурентоспособности предприятий на региональном рынке.

Для возвратных трудовых мигрантов, особенно практикующих маятниковую миграцию, предлагается введение гибких графиков работы на предприятиях посредством локальных нормативных актов. Это позволит минимизировать риски нарушения трудовой дисциплины и сократит временные издержки, связанные с графиком общественного транспорта. Учитывая преобладающий удельный вес возвратных трудовых мигрантов в возрасте 30-39 лет, актуальны меры, ориентированные на семьи с детьми. Для решения проблем с доставкой детей в учебные

заведения, предлагается внедрение системы прикрепления детей возвратных трудовых мигрантов к образовательным учреждениям по месту работы родителей. Такая мера поможет смягчить негативные последствия разлуки с детьми и сохранить социальные связи. Реализация этого механизма может быть осуществлена при поддержке Департамента образования Вологодской области.

При содействии Департамента труда и занятости необходимо наладить систему, которая позволит соединять работодателя и возвратного трудового мигранта по всей области, что можно реализовать с помощью создания онлайн-платформы. Эта платформа будет служить инструментом для взаимодействия между работодателями и возвратными трудовыми мигрантами, обеспечивая эффективное соответствие спроса и предложения на рынке труда. Помимо этого, она будет содержать базу данных вакансий с детальной информацией о требованиях к квалификации и опыту работы, а также возможность для возвратных трудовых мигрантов создать профили с подробной информацией о своих компетенциях и опыте. Существенным отличием от действующих платформ по поиску работы будет выступать возможность настройки фильтра по приемлемому радиусу поиска работы от места нахождения работника. Также платформа будет предоставлять информацию о транспортных возможностях (расписания общественного транспорта, информация о карпулинге) с функцией автоматического расчета маршрута с подсчетом расходов времени и финансов. Дополнительно на данном ресурсе будут содержаться правовые материалы, а также полезные ресурсы для рационального использования времени в пути до работы. Для работодателей будет предусмотрено информационное обеспечение о тех льготах и преференциях, которые он получит, в случае трудоустройства такого работника. Внедрение этой платформы позволит создать более эффективную систему управления возвратной трудовой миграцией в регионе, способствуя улучшению социально-экономических условий как для возвратных мигрантов, так и для работодателей. Обязательно размещение информации о возможностях переподготовки и повышения квалификации, а также сведений о социальных гарантиях для возвратных мигрантов. Департамент труда и занятости в тесном взаимодействии с центрами занятости будут непосредственно задействованы в развитии платформы, обеспечивая ее достоверность, релевантность, продвижение и предоставление консультаций как для работодателей, так и для возвратных трудовых мигрантов. Создание такой системы является важным шагом в направлении управления возвратной трудовой миграцией и повышения ее эффективности, позволяя соединить спрос и предложение на рынке труда.

Таким образом, предложенные методические рекомендации представляют собой процесс, который включает в себя предварительный этап, этап непосредственного регулирования и этап обратной связи. На предварительном этапе необходимо налаживание системы учета возвратной

трудовой миграции, которая позволит получить более точную оценку масштабов и характеристик данного явления. Для этого рекомендуется модифицировать форму П-4 (НЗ), введя дополнительные поля о маятниковых трудовых мигрантах и обеспечить открытый доступ к данным по видам возвратной трудовой миграции. На этапе регулирования предлагается сосредоточиться на управлении последствиями возвратной трудовой миграции, усиливая положительные и смягчая ее отрицательные стороны. Меры регулирования охватывают три уровня, а именно домохозяйства, работодателя и территории. Реализация предложенных мер позволит создать более эффективную систему управления возвратной трудовой миграцией в регионе, способствуя улучшению социально-экономических условий как для возвратных мигрантов, так и для работодателей. Для обеспечения постоянного совершенствования системы регулирования возвратной трудовой миграции необходимо ввести этап обратной связи, который будет заключаться в мониторинге эффективности примененных практик. Для этого требуется разработка и применение ключевых индикаторов, отражающих те аспекты возвратной трудовой миграции, на которые она непосредственно воздействует. Индикаторы должны быть измеримыми и доступными для сбора и анализа. Предлагается использовать следующие группы индикаторов: экономические, рынка труда, инфраструктурные, экологические и социальные. Применение данных индикаторов позволит оценить эффективность мер регулирования возвратной трудовой миграции и внести необходимые коррективы в систему управления данным процессом, обеспечив сбалансированное развитие региона с учетом особенностей возвратной трудовой миграции.

Представленный в третьей главе анализ возвратной трудовой миграции в России выявил пробелы в нормативно-правовом регулировании, особенно в части недостаточного регулирования маятниковой трудовой миграции. Разнообразные региональные практики, выраженные через стратегические документы субъектов, демонстрируют, что большая часть российских регионов не учитывает масштабы и производимые возвратной трудовой миграцией эффекты. В то время как международный опыт демонстрирует разнообразные подходы к управлению подобного вида пространственными перемещениями. Создание успешных мер регулирования возвратной трудовой миграции предполагает применение комплексного подхода, сочетающего меры, направленные на все три, ранее выделенные, уровни: домохозяйства, работодателя и территории.

Внутрирегиональная возвратная трудовая миграция является одним из важных факторов сохранения трудовых ресурсов в сельской местности и малых городах: она обеспечивает занятость значительной части населения и сохраняет доходы от НДФЛ в бюджете региона проживания подобных индивидов. Внедрение трехступенчатых методических рекомендаций по совершенствованию системы статистического учета возвратной трудовой миграции позволит

обеспечить более точное отслеживание потоков и масштабов возвратной трудовой миграции, а также позволит создать эффективную систему управления изучаемым явлением. Меры регулирования возвратной трудовой миграции будут оказывать влияние на все уровни социально-экономической системы. На уровне территории они будут способствовать снижению диспропорций на рынке труда, сохранению населения в сельских территориях и малых городах, стимулированию экономического роста за счет пополнения бюджета и межрегиональных денежных трансфертов, а также улучшению экологической ситуации и развитию инфраструктуры. Для работодателей меры регулирования будут призваны обеспечивать снижение кадрового дефицита, повышать конкурентоспособность на рынке труда и влиять на рост производительности труда. На уровне домохозяйств они будут способствовать снижению негативных последствий для физического и психологического здоровья индивидов, гармонизации детско-родительских отношений за счет установления баланса между семейной и трудовой сферами, и в возможности трудоустройства в соответствии с потребностями и компетенцией работника, а также улучшению материального благополучия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование выявило, что возвратная трудовая миграция является значимым феноменом, влияющим на экономику регионов через перераспределение трудовых ресурсов на локальных и региональных рынках труда. Основным отличительным признаком всех форм возвратной трудовой миграции является её возвратность, цикличность и многократность перемещений. Не менее важен факт пересечения административных границ населённых пунктов с целью выполнения трудовых функций, при этом возвратные трудовые мигранты не меняют места своего постоянного проживания и не проходят процедуру регистрации по новому месту жительства. Большинство исследований подчеркивают вынужденный характер трудовой миграции, обусловленный необходимостью материального обеспечения семьи. Однако, наряду с этим, существуют и другие мотивы, такие как профессиональная самореализация, престиж работы или улучшение условий труда. Выделение обязательных критериев и признаков, позволило уточнить сущностные основы возвратной трудовой миграции, тогда как специфические критерии и признаки использовались для дифференциации ее видов. Так, маятниковая трудовая миграция характеризуется более частой периодичностью выходов на работу (от ежедневного до нескольких раз в неделю), ограниченным расстоянием перемещений (до 120-150 км) и типовой формой трудового договора. Вахта предполагает более длительные интервалы между рабочими периодами (от нескольких раз в месяц до нескольких месяцев), отсутствие ограничений по расстоянию перемещений, специфические условия труда и отдыха, и наличие дополнительных гарантий, фиксированных в трудовом договоре в соответствии с ТК РФ.

Последствия возвратной трудовой миграции могут быть интерпретированы как негативные или позитивные для рассматриваемых субъектов (домохозяйства, работодателя, территории). Возвратная трудовая миграция оказывает влияние на все сферы общественной жизни, а отсутствие четкого учета и регулирования ее потоков приводит к недооценке негативных последствий и недостаточному использованию ее положительного влияния на различных уровнях. На уровне работника последствия возвратной трудовой миграции негативно отражаются на физическом и психическом здоровье, снижают уровень субъективного благополучия, а также приводят к проблемам во взаимоотношениях в семье. Выбирая возвратную трудовую миграцию, индивиды получают возможность обеспечить себе более высокий уровень дохода, чем в месте своего постоянного проживания, что способствует повышению уровня жизни всего домохозяйства. Возвратная трудовая миграция позволяет работодателям получить доступ к необходимым кадрам с требуемой квалификацией, удовлетворяя потребность в рабочей силе по устраивающей их оплате труда. Перераспределение денежных потоков в связи с межрегиональными денежными трансфертами и налоговыми

поступлениями способствует оживлению экономики регионов, а приток трудоспособного населения из других регионов повышает трудовой потенциал регионов, способствуя экономическому развитию. На уровне работодателя, одним из негативных последствий может быть нарушение трудовой дисциплины. Увеличение транспортного потока в связи с перемещениями возвратных трудовых мигрантов может привести к ухудшению экологической ситуации и усилению шумового загрязнения. Становится заметно, что последствия от возвратной трудовой миграции многогранны, что демонстрирует необходимость разработки и реализации мер регулирования, направленных на минимизацию негативных последствий и максимальное использование положительных относительных эффектов от изучаемого феномена.

Доля возвратных видов трудовой миграции составляет 10,4% от численности занятого населения, что подчеркивает ее значимость в контексте трудовых ресурсов. Наибольший удельный вес возвратных трудовых мигрантов наблюдается в регионах Центральной, Европейской части России и Поволжья. Концентрация возвратных трудовых мигрантов в данных регионах исхода объясняется несколькими факторами: высокой плотностью населения, относительно малой площадью регионов и влиянием агломерационных центров. Данные условия способствуют увеличению вероятности пересечения границ муниципальных образований и активизации возвратной трудовой миграции. Наименьший удельный вес возвратных трудовых перемещений отмечается в городах федерального значения и в нефтегазодобывающих и экспортно-ресурсных регионах. Данные субъекты являются привлекательными для работы местного населения, чем и обуславливают низкую долю возвратной трудовой миграции среди проживающего в них населения и кроме того, суровые климатические условия и большое территориальное расстояние от населенных пунктов делает затруднительным большую часть возвратных трудовых миграций. Динамика возвратной трудовой миграции имеет меньшую вариативность по сравнению с миграцией, предполагающей смену постоянного места жительства, что открывает потенциал ее использования в решении вопросов снижения дисбалансов на рынке труда и предотвращения обезлюдивания сельских территорий.

Самым распространенным видом возвратной трудовой миграции является маятниковая трудовая миграция: на ее долю приходится 77,4% от всех возвратных трудовых перемещений или 8% от занятого населения России, а на долю вахтовой трудовой миграции приходится 2,4% от занятого населения страны. В целом, возвратные трудовые миграции осуществляются в 99,7% на территории Российской Федерации, лишь 0,3% подобных перемещений предусматривают выезд за пределы страны. Большая часть внутристрановых возвратных перемещений осуществляется на территории субъекта проживания (67,9%) индивида. В структуре возвратной трудовой миграции 67,7% занимает сельское население, а возвратные трудовые мигранты из сельской местности составляют практически треть (29,1%) от занятого сельского населения.

Социально-демографический портрет возвратного трудового мигранта в России преимущественно представлен мужской частью населения. Такая гендерная специфика обусловлена преобладанием вакансий в отраслях с вахтовым методом работы, традиционно занимаемых мужчинами, таких как нефтегазовая промышленность и строительство. Регионы с высокой потребностью в вахтовиках характеризуются малочисленным и разреженным населением, с концентрацией населения в крупных промышленных центрах, которые и привлекают вахтовых работников. Работа в таких регионах требует значительной физической выносливости и длительных отъездов из дома, что ограничивает возможности женщин, особенно с учетом «двойной занятости». Следовательно, регионы с высокой долей мужчин в структуре вахтовиков и маятниковых трудовых мигрантов часто характеризуются высоким уровнем занятости в ресурсодобывающих отраслях. В последние годы наблюдается трансформация вахты: работодатели расширяют спектр предложения труда, предлагая работу вахтой в таких отраслях как гостиничный бизнес, уход за детьми, швейное производство и т.д. Женщины, в свою очередь, чаще вовлечены в маятниковую трудовую миграцию, что связано с желанием сохранять близкий контакт с семьей и детьми, а также с более доступными рабочими местами в ближайших регионах. В большинстве субъектов страны наблюдается преобладание удельного веса возвратных трудовых мигрантов в молодом возрасте в структуре возвратной трудовой миграции. Отмечается тенденция снижения участия в возвратных трудовых миграциях с возрастом, что обуславливается факторами здоровья, наличием социальных гарантий в виде раннего выхода на пенсию.

Наибольший удельный вес недополученного НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета отмечается в регионах с высокой долей возвратных трудовых мигрантов, относительно небольшой территорией и низкими показателями среднемесячной заработной платы. При этом, определяющим фактором является не направление миграционных потоков (межрегиональная или внутрирегиональная возвратная трудовая миграция), а общий объем возвратной трудовой миграции. Наибольшая доля привнесенного НДФЛ в структуру доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета отмечается в регионах с умеренной и низкой долей возвратной трудовой миграции, преобладанием межрегиональной возвратной трудовой миграции и наличием привлекательных условий для трудовой деятельности. Напротив, наименьшая доля привнесенного НДФЛ наблюдается в регионах, расположенных вблизи крупных промышленных центров, где уровень заработной платы неконкурентоспособен. Уровень урбанизации, территориальное расположение и отраслевая специализация региона оказывают влияние на объем сохраненного НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета. Наибольшая доля сохраненного НДФЛ наблюдается в регионах с низким уровнем урбанизации, где зафиксирована умеренная или высокая доля возвратной

трудовой миграции с преобладанием внутрирегиональных перемещений. В противоположность этим регионам, наиболее урбанизированные субъекты России демонстрируют наименьшую долю сохраненного НДФЛ. Эти регионы, как правило, включают города федерального значения и удаленные территории, специализирующиеся на добывающей и обрабатывающей промышленности, которые занимают значительную площадь, что не способствует развитию маятниковой трудовой миграции и краткосрочной вахты. По результатам расчетов межрегиональная возвратная трудовая миграция в большей степени приводит к экономическим потерям в доходной части консолидированного бюджета, так как доля недополученного НДФЛ существенно превышает долю привнесенного в большинстве регионов России, в то время как внутрирегиональная возвратная трудовая миграция позволяет сохранить до трети поступлений от НДФЛ в бюджете региона проживания возвратного трудового мигранта. Кроме того, она способствует сохранению рабочих мест, особенно в сельской местности, тем самым предотвращая процессы обезлюдивания сельских территорий.

Несмотря на то, что по результатам исследования становится заметно, что возвратная трудовая миграция свойственна для всех регионов России, все же в российском правовом поле она находит отражение лишь частично. Вахтовый метод трудовой миграции в настоящее время представлен более широко, чем маятниковая трудовая миграция, что связано с его регламентацией нормами трудового права и соответствующими нормативно-правовыми актами. В отличие от вахты, маятниковая трудовая миграция отражена лишь в некоторых стратегиях социально-экономического развития регионов и частично в градостроительных актах. Проведенный анализ показал, что региональное стратегическое планирование в абсолютном большинстве случаев не опирается на данные об удельном весе возвратных трудовых мигрантов в структуре занятого населения, а также на масштабы экономических последствий, оказывающих влияние на региональные бюджеты. Отсутствие адекватного учета масштабов возвратной трудовой миграции, приводит к тому, что регионы теряют значительные суммы доходов, которые могли бы быть использованы для развития местной инфраструктуры и социальных программ. Происходит нерациональное распределение рабочей силы, когда квалифицированная рабочая сила концентрируется в определенных регионах, тогда как другие регионы испытывают дефицит кадров в ключевых отраслях.

В связи с этим, разработка и реализация комплексных мер регулирования возвратной трудовой миграции является важной задачей, способствующей улучшению экономической ситуации в регионах, созданию новых рабочих мест, сохранению населения в сельской местности и на территориях малых городов России, а также повышению уровня жизни населения. Алгоритм формирования мер регулирования возвратной трудовой миграции, представленный в работе, состоит из трех этапов: предварительного этапа, непосредственного регулирования и этапа

обратной связи. Предварительный этап включает в себя налаживание системы учета возвратных видов трудовой миграции, которая будет осуществляться посредством модификации формы отчетности П-4 (НЗ) совместно с Федеральной службой государственной статистики, а углубленное изучение масштабов возвратной трудовой миграции возможно осуществить через сотрудничество с исследовательскими институтами, коммерческими организациями и органами власти. Важным шагом в налаживании статистического учета является и обеспечение открытости, полученных данных. Политика регулирования возвратной трудовой миграции должна сосредотачиваться в основном на работе с последствиями, усиливая положительные стороны и смягчая отрицательные. Исходя из классификации последствий от возвратной трудовой миграции на три уровня (территория, работодатель, домохозяйство/индивид) предлагается сосредоточиться на мерах, которые будут разделены на одноименные уровни. Этап обратной связи будет заключаться в осуществлении мониторинга эффективности рассмотренных практик. Для его осуществления потребуется организовать сбор данных по ключевым индикаторам (экономическим, экологическим, инфраструктурным, социальным и показателям рынка труда).

На примере Вологодской области был разработан ряд мер регулирования возвратной трудовой миграции с учетом сложившейся ситуации. Вологодская область является регионом, где каждый 10 занятый является маятниковым трудовым мигрантом, треть сельского занятого населения вовлечено в возвратную трудовую миграцию, что позволяет обеспечить трудовыми местами значительную часть сельского населения, сохраняя его на местах. За счет межрегиональных трудовых перемещений область в большей степени теряет доход от НДФЛ, в то время как за счет высокой доли внутрирегиональных трудовых перемещений в области удается сохранить почти 1/10 доходов от НДФЛ доходной части консолидированного бюджета области. Основные меры должны быть направлены на стимулирование внутрирегиональной возвратной трудовой миграции, поскольку она позволяет обеспечить трудовыми местами почти треть сельского населения. Меры, которые можно реализовать в области, включают внедрение единых проездных билетов, налоговые преференции для работодателей, гибкие графики работы, прикрепление детей к школам по месту работы родителей (в большей степени для маятниковых трудовых мигрантов), создание информационного ресурса, позволяющего соединить работодателя и возвратных трудовых мигрантов.

Таким образом, возвратная трудовая миграция – явление, которое свойственно всем регионам России. Исследование показало, что возвратная трудовая миграция является важным источником трудовых ресурсов и механизмом их перераспределения. Она способствует поддержанию жизнеспособности сельских населенных пунктов, сохраняет население в малых городах, замедляя процессы обезлюдивания. Понимание масштабов и последствий возвратной

трудоустройственной миграции и их региональной дифференциации, создание системы должного учета приведут к увеличению поступлений в структуру региональных бюджетов, рациональному распределению рабочей силы и сбалансированному использованию трудового потенциала населения в регионах. Разработка комплексных мер регулирования, включая улучшение системы учета масштабов и последствий возвратной трудовой миграции в целях стратегического планирования социально-экономического развития регионов, приведет к оптимизации относительных эффектов от возвратной трудовой миграции. Результаты исследования могут быть использованы при разработке региональных программ социально-экономического развития, целевых программ поддержки населения и регулирования занятости населения, а также в образовательном процессе.

Список литературы

1. Абдулаева, З.З. Влияние гендерных стереотипов на формирование рынка труда и занятости / З.З. Абдулаева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – №8. (94). – С. 129-137. – DOI: 10.26726/1812-7096-2018-8-129-137.
2. Абылкаликов, С. И. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда / С.И. Абылкаликов, М.В. Винник // Бизнес. Общество. Власть. – 2012. – № 12. – С. 1-19.
3. Аверкиева, К.В. Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: ИД «Кодекс», 2013. – С. 108–125.
4. Азимов, А.Д. Неоклассическая теория рационального поведения и её ограниченность / А.Д. Азимов // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2016. – № 1 (66). – С. 100-108.
5. Айрапетян, Э.М. Факторы миграции на постсоветском пространстве (опыт армянских мигрантов в Вологодской области) [Электронный ресурс] / Э.М. Айрапетян, Н.Н. Покровская // Социальное пространство. – 2022. –Т. 8. № 2. – Режим доступа: <http://sa.vscs.ac.ru/article/29296>. – DOI 10.15838/sa.2022.2.34.8.
6. Алаев, Э.Б. Экономико-географическая терминология / Э.Б. Алаев. – М.,1977. – 199 с.
7. Алексеенко, В.Д. Влияние производственных факторов на состояние здоровья работников нефтедобычи при вахтовой организации труда в Заполярье / В.Д. Алексеенко, Н.Н. Симонова, Т.Н. Зуева // Экология человека. – 2009. – № 6. – С. 47–50.
8. Антонов, Е.В. Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 года / Е.В. Антонов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2016. – № 2. – С. 54–63.
9. Арфае, А.В. Современные тенденции межрегиональной трудовой миграции в Российской Федерации / А.В. Арфае, Л.А. Гончарова, В.А. Мамедова // Неделя науки СПбПУ материалы научной конференции с международным участием. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли. Издательство: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». – Конференция: неделя науки СПбПУ. – Санкт-Петербург, 14–19 ноября 2016 года.
10. Афонин, М.В. Миграционные процессы в современном городе: учебное пособие / М.В. Афонин. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – 108 с.

11. Ахметова, Г.Ф. Динамика трудовой миграции в Башкортостане / Г.Ф. Ахметова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2021. – Т. 21. – №2. – С. 265-278. – DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278.
12. Ахметова (Хилажева), Г. Ф. Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы / Г.Ф. Ахметова (Хилажева) // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2022. – Т. 2. – № 2. – С. 76–89. – DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.6.
13. Бажутова, Е.А. Вахта как резерв для трансформации миграционных процессов в регионах Арктической зоны Российской Федерации / Е.А. Бажутова // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2022. – № 4. – С. 148–166. – DOI: 10.37614/2220-802X.4.2022.78.011.
14. Балашова, Н.В. Вахтовый метод организации работ: особенности применения / Н.В. Балашова // Экономика труда. – 2021. – Том 8. – № 4. – С. 459-474. – DOI: 10.18334/et.8.4.112007.
15. Батырева, М. В. Об опыте изучения внутренней возвратной трудовой миграции на региональном и городском уровне / М. В. Батырева, Т.А. Селезнева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2017. – Том 3. № 3. – С. 45-57.
16. Баул, А.Ф. Маятниковая миграция населения в пригородных зонах некоторых городов Латвийской ССР / А.Ф. Баул // Районная планировка и градостроительство. Межвузовский научный сборник. – 1973. – № 1. – С. 112-128.
17. Бедрина, Е.Б. Методические вопросы оценки маятниковой миграции населения / Е. Б. Бедрина, О. А. Козлова, А. А. Ишуков // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2018. Том 10. – № 4. – С. 631–648. – DOI: 10.17072/2218-9173-2018-4-631-648.
18. Бобков, В.Н. Повышение качества занятости и привлекательности жизни в регионах как проблема экономической безопасности Российской Федерации / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова // Труд и социальные отношения. – 2022. – Т. 33. – № 6. – С. 5-17. – DOI 10.20410/2073-7815-2022-33-6-5-17.
19. Богданова, Л.П. Маятниковая трудовая миграция на периферии Московского региона (на примере города Клин) / Л.П. Богданова, А.А. Драгунова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2015. – № 1–2. – С. 91–97.
20. Буркин, С.Л. Численность отходников в России в конце XIX в. / С.Л. Буркин // Вопросы истории. – 1978. – № 9. – С. 201–205.
21. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/c347478b850fb7c4a92141cb188a76d83ac72e0f.

22. Валентей, Д.И. Маятниковая миграция сельского населения / Д.И. Валентей. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 88 с.
23. Валетов, Т.Я. Самоорганизованные сезонные бригады (шабашники) в СССР в 1960–1980-х гг.: экономические и социальные аспекты / Т.Я. Валетов // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 14 / Под ред. Л.И. Бородкина. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – С. 203–226.
24. Ванькина, И. Н. Территориальные различия между данными текущего учёта населения и результатами Переписи-2020 / И. Н. Ванькина, Ю.А. Симагин, Д.Д. Муртузалиева // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 15-25. – DOI 10.19181/population.2023.26.4.2
25. Вдовина, Э. Л. Оценка миграционной привлекательности депрессивных регионов Средней России / Э. Л. Вдовина, А. В. Круглова // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2009. – № 14 (18). – С. 105–110.
26. Воробьева, О.Д. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов / О.Д. Воробьева, А.В. Топилин, А.С. Аликова // Вестник РАН. – 2020. – Т. 90. № 12. – С. 1156–1163.
27. Габдрафикова, Л.Р. «Новые люди» Заказанья: возвратная миграция и сельская повседневность XIX – начала XX вв / Л.Р. Габдрафикова // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории. Материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Российское общество исследователей экономической истории, Марийское региональное отделение российского общества историков-архивистов. Издательство: Марийский государственный университет (Йошкар-Ола), 2018. – С. 188-194.
28. Гребенюк, А.А. Теоретические подходы к изучению международной трудовой миграции / А.А. Гребенюк // Миграция и социально-экономическое развитие. – 2016. – Том 1. – № 1. – С. 17–38. – DOI:10.18334/migration.1.1.38078.
29. Города-спутники: сб. статей / отв. ред. В.Г. Давидович и Б.С. Хорев. – М.: Географгиз, 1961. – 195 с.
30. Груздева, М.А. Социокультурный ракурс регионального развития: опыт многолетних наблюдений / М.А. Груздева // Социальное пространство. – 2022. – № 2 (Т.8). – С. 1-16. DOI:10.15838/sa.2022.2.34.7.
31. Груздева, М.А. Проблемы нормативно-правового регулирования занятости мигрантов-отходников / М.А. Груздева, О.Н. Калачикова // Журнал исследований по управлению. – 2023. – №. 5. – С. 64-74.

32. Демографическое развитие регионов Северо-Западного Федерального округа: IV региональный демографический доклад / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, А.В. Короленко, А.А. Соколова, А.А. Колесов; под редакцией А.А. Шабуновой; Вологодский научный центр Российской академии наук. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2023. – 155 с.
33. Денисенко, М.Б. Миграциология / М.Б. Денисенко, В.А. Ионцев, Б.С. Хорев. – М.: Изд-во МГУ, 1989. — 96 с.
34. Денисенко, М. Б. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии / М. Б. Денисенко, В. И. Мукомель // Демографическое обозрение. – 2020. – № 7(3). – С. 84-107. – DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637.
35. Дорофеева, Л.А. Маятниковая миграция населения в Красноярской городской агломерации (на примере населенных пунктов Емельяновского района) / Л.А. Дорофеева, Е.А. Касьянова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». – 2017. – Т. 20. – С. 25-42.
36. Драгун, Н.П. Маятниковая трудовая миграция и ее влияние на социально-экономическое развитие региона / Н.П. Драгун, А.А. Ковалевская // Экономический бюллетень научно-исследовательского экономического института министерства экономики республики Беларусь. – 2019. – №9. – С.50-59.
37. Единак, Е.А. Межрегиональная трудовая миграция в России: моделирование и оценка последствий / Е.А. Единак, Д.М. Ксенофонтов // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 5 (200). – С. 166-183. – DOI: 10.47711/0868-6351-200-166-183.
38. Ильин, В.И. Анатомия социального успеха в географическом пространстве / В.И. Ильин // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2014. – № 6 (108). – С. 29-33.
39. Жидкевич, Н.Н. Региональные различия внутренней возвратной трудовой миграции / Н.Н. Жидкевич // Общественные науки. Социология. – 2014. – № 1(29). – С. 109-118.
40. Жидкевич, Н.Н. Социальный портрет современного российского отходника / Н.Н. Жидкевич // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. 19. – № 1. – С. 73–89.
41. Жидкевич, Н.Н. Современные отходники севера и юга европейской части России / Н.Н. Жидкевич // Крестьяноведение. – 2017. – № 2 (3). – С.97-107.
42. Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. N 4520-I «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1786/.
43. Закон Алтайского края от 06 сентября 2021 г. № 86-ЗС «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2035 года» [Электронный ресурс] //

Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/574868207>.

44. Закон Воронежской области от 23.12.2019 № 165-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/550300779>.

45. Закон города Севастополя от 21 июля 2017 г. № 357-ЗС «Об утверждении стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/450278824>.

46. Закон Иркутской области от 10.01.2022 г. № 15-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Иркутской области до 2036 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/578051226>.

47. Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года (с изменениями на 5 декабря 2023 года)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/550301926>.

48. Закон Ленинградской области «О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года и признании утратившим силу областного закона «О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года» (с изменениями на 19 декабря 2019 года)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/456011417>.

49. Закон Республики Бурятия от 18.03.2019 г. № 360-VI «О Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/553221182>.

50. Закон Республики Саха (Якутия) от 19.12.2018 г. 2077-3 № 45-VI «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/570839211>

51. Закон Республики Северная Осетия - Алания от 18 сентября 2019 г. № 60-РЗ «О Стратегии социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания до 2030

года (с изменениями на 11 ноября 2021 года)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561543525>.

52. Закон Республики Хакасия от 12.02.2020 г. № 01-ЗРХ «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Республики Хакасия до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406165064>.

53. Замятина, Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как центр производства и распределения человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети ВКонтакте) / Н.Ю. Замятина // Региональные исследования. – 2012. – № 2. – С. 15–29.

54. Захарченко, А. А. Региональные особенности маятниковой трудовой миграции в Уральском федеральном округе (на примере пилотажного исследования) / А. А. Захарченко, В.В. Пить // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2018. – № 4(36). – С. 594-603. – DOI 10.17072/2078-7898/2018-4-594-603.

55. Землянский, Д.Ю. Индикативный подход к оценке сезонной динамики размещения населения в России / Д.Ю. Землянский // Региональные исследования. – 2011. – № 3. – С.83-92.

56. Капелюшников, Р.И. Эскалация вакансий на российском рынке труда (динамика, структура, триггеры) / Р.И. Капелюшников. – Препринт: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 60 с.

57. Карачурина, Л.Б. Миграционные процессы (временная трудовая миграция) / Л.Б. Карачурина // Экономико-политическая ситуация в России. 2012. № 10. С. 54-57.

58. Колосова, О.Г. Трудовые проблемы развития Севера / О.Г. Колосова // Северный регион: наука, образование, культура. – 2015. – № 1 (2 (32)). – С. 21-25.

59. Короленко, А.В. Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия / А.В. Короленко // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27. – № 6. – С. 191–212. – DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.12.

60. Короленко, А.В. Современная территориальная и социально-демографическая специфика вахтовой трудовой миграции в России / А.В. Короленко, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17. № 3. – С. 206-225.

61. Красинец, Е.С. Трудовая миграция в Россию: тренды развития и последствия для рынка труда / Е.С. Красинец // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 12(158). – С. 189-198. – DOI 10.26726/1812-7096-2023-12-189-198.

62. Кузнецова, С.А. Миграционные установки как специфический вид социальных установок / С.А. Кузнецова // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика. – 2012. – №4. – С.61-65.
63. Курман, М.В. Роль маятниковой миграции населения и методы ее изучения / М.В. Курман // Миграция населения РСФСР / отв. ред. А.З. Майков. М.: Статистика, 1973. – С. 103–118.
64. Курушина, Е. В. Факторы привлекательности территорий Уральского федерального округа с позиций миграции населения / Е. В. Курушина, И.В. Дружинина // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 1-1(66). – С. 983-988.
65. Лексин, В.Н. Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий / В.Н. Лексин // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 3 (111). – С. 133–153. – DOI: 10.15372/REG20210306.
66. Логинов, В.Г. Вахтовый метод как основной источник рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики / В.Г. Логинов // Известия Уральского государственного горного университета та. – 2021. – № 2 (62). – С. 191–201.
67. Мальцева, Е.С. Влияние маятниковой трудовой миграции на налоговые доходы бюджетов муниципальных образований / Е.С. Мальцева, А.В. Плахов // Вестник ОрелГИЭТ. – 2014. – №4 (30). – С. 85-89.
68. Маятниковая миграция сельского населения / под ред. Д. И. Валентей. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 87 с.
69. Массей, Д. На пути к всеобъемлющей модели международной миграции / Д. Массей // Миграция и развитие: докл. и ст. ведущих секций и докладчиков Международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сент.2007 г. – М.: БиЭльПринт, 2007. – С. 146–172.
70. Махрова, А.Г. Исследования и оценки масштабов возвратной мобильности и пульсаций населения в пространстве современной России / А.Г. Махрова, Р.А. Бабкин, П.Л. Кириллов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2022. – Т. 86. – № 3. – С. 332-352. – DOI: 10.31857/S2587556622030104.
71. Махрова, А.Г. Анализ локальных рынков труда через трудовые маятниковые миграции населения (на примере муниципальных образований Москвы) / А.Г. Махрова, А.Н. Бочкарев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2018. – Т. 63. Вып. 1. – С. 56–68.
72. Махрова, А.Г. Сезонная пульсация населения Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка / А.Г. Махрова, П.Л. Кириллов // Региональные исследования. – 2015. – № 1 (47). – С. 117–125.

73. Мерлен, П. Город. Количественные методы изучения / П. Марлен. – М., Прогресс, 1977. – 263 с.
74. Миграция сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. – М.: Мысль, 1970. – 348 с.
75. Михайлюк, М. А. Исследование влияния транспортной инфраструктуры на маятниковую миграцию (на примере Санкт-Петербургской агломерации) / М. А. Михайлюк // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2017. – № 1. – С. 66–79.
76. Михалев, Н.А. Маятниковая миграция в городах РСФСР по данным всесоюзной переписи населения 1970 г.: размеры, потоки, структура / Н.А. Михалев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2022. – № 80. – С. 56-65.
77. Мкртчян, Н.В. Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду / Н.В. Мкртчян, Ю.Ф. Флоринская // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2019. – № 3 (43). – С. 78–94.
78. Мкртчян, Н.В. Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России / Н.В. Мкртчян, Ю.Ф. Флоринская // Вопросы Экономики. – 2016. – № 4. – С. 103–123.
79. Моисеенко, В.М. Внутренняя миграция населения / В.М. Моисеенко. – М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2004. – 285 с.
80. Нефедова, Т.Г. Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае / Т.Г. Нефедова // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2015. – № 2. – С 93-100.
81. Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2015. № 641-642. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php>.
82. Нуйкина, Е.В. Влияние вахтового метода работы на принимающие города Российского Севера (на примере города Воркуты) / Е.В. Нуйкина // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2013. – № 2 (14). – С. 107–116.
83. Отходники: монография / Ю.М. Плюснин [и др.]. – М.: Новый Хронограф, 2013. – 288 с.
84. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения / В.И. Переведенцев. – М.: Наука, 1975. — 232 с.
85. Плюснин, Ю. М. Отходничество как новый фактор общественной жизни / Ю. М. Плюснин, А. А. Позаненко, Н. Н. Жидкевич // Мир России. Социология. Этнология. – 2015. – №1. – С. 35-71.
86. Положение о территориальном планировании г. Москвы. Приложение к Закону г. Москвы от 05.05.2010 г. № 17 «О генеральном плане г. Москвы» [Электронный ресурс] //

Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/mka/function/dlia-spetsialistov/dokumenty-territorialnogo-planirovaniia/>.

87. Постановление Законодательной Думы Томской области от 26.03.2015 № 2580 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/467920053>.

88. Постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 июня 2021 г. № 478 «О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года (с изменениями на 17 февраля 2022 года)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/574785875>.

89. Постановление Правительства Ивановской области от 27 апреля 2021 г. № 220-п «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2030 года (с изменениями на 14 июня 2022 года)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/574718790>.

90. Постановление Правительства Республики Ингушетия от 16.02.2009 № 49 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Ингушетия на 2009-2020 годы и на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/446174234>.

91. Постановление Правительства Забайкальского Края от 02.06.2023 № 272 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Забайкальского Края до 2035 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406697260>.

92. Постановление Правительства Московской области от 28 декабря 2019 года № 1023/45 «Стратегия социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/552209785>.

93. Постановление Правительства Сахалинской области от 24.12.2019 г. № 618 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2035 года» Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561676850>.

94. Постановление Правительства Ульяновской области от 23.06.2015 г. № 16/319-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/463710828>.

95. Постановление Министерства здравоохранения СССР от 31 декабря 1987 года № 794/33-82 «Об утверждении основных положений о вахтовом методе организации работ» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9007499>.

96. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации № 1420н от 31.12.2020 «Об утверждении перечня вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные медицинские осмотры при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры» [Электронный ресурс] // Контур Норматив. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=382228>.

97. Постановление Собрании депутатов Ненецкого автономного округа восемнадцатой сессии 28-го созыва от 07.11.2019 г. № 256-СД «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561620008>.

98. Приказ Федеральной службы государственной статистики от 31 июля 2023 г. N 360 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за численностью, потребностью организаций в работниках по профессиональным группам, составом кадров государственной гражданской и муниципальной службы» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407623058/>.

99. Рошин, Ю.В. Организованное управление миграционными процессами в России в послевоенный период (до 1990 г.) / Ю.В. Рошин // Миграция в России. 2000 - 2012: хрестоматия: В 3 т. / Под общ. ред. И. С. Иванова; отв. ред. Ж. А. Зайончковская. – 2013. – Т. 1. Ч. 3. – С. 636-644.

100. Рощина, Т.Г. Трудовая миграция как фактор повышения уровня жизни населения малых городов России / Т.Г. Рощина // Вестник РАН. – 2007. – Т. 77. – № 9. – С. 827–830.

101. Рыбальская, Е.А. Маятниковая миграция населения как фактор формирования пассажирских связей / Е.А. Рыбальская // Экология промышленного производства. – 2016. – №3. – С. 42-45.

102. Рыбаковский, Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи / Л.Л. Рыбаковский // Народонаселение. – 2017. – №2. – С. 51-61.
103. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика/ Л.Л. Рыбаковский. – М.: Наука, 1987. — 200 с.
104. Рыбаковский, О.Л. Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет / О.Л. Рыбаковский. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 471 с.
105. Рындзюнский, П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России / П.Г. Рындзюнский. – М.: Наука, 1983. – 270 с.
106. Рязанцев, С.В. Новые формы временной эмиграции из России / С.В. Рязанцев // Наука. Инновации. Технологии. – 2014. – № 2. – С. 81–93.
107. Сабетова, Т.В. Факторы миграционной привлекательности стран и регионов / Т.В. Сабетова // Образование, наука и производство. – 2014. – №4. – С.36-40.
108. Седлов, А.П. Рынок труда иностранной рабочей силы в России: влияние пандемии / А.П. Седлов, Е.С. Кубишин, И.В. Соболева // Россия и современный мир. – 2021. – № 3 (112). – С. 59-72.
109. Силин, А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири / А.Н. Силин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4 (40). – С. 109–123. – DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.7.
110. Соколова, А.А. Миграционные процессы в контексте теорий поведенческой экономики / А.А.Соколова, О.Н. Калачикова // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2021. – Т. 1. – № 4. – С. 20-32. – DOI 10.19181/demis.2021.1.4.3.
111. Соколова, А.А. Миграционная ситуация и социально-демографические характеристики мигрантов Северо-Западного федерального округа / А.А. Соколова // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2022. – Т. 18. – № 3. – С. 43-56. – DOI 10.22213/2618-9763-2022-3-43-56.
112. Соколова, А.А. Возвратная трудовая миграция в России: масштабы и тенденции / А.А. Соколова // Вопросы территориального развития. – 2022. – Т. 10. – № 2. – DOI: 10.15838/tdi.2022.2.62.9.
113. Соколова, А. А. К вопросу оценки привлекательности территорий для постоянной и временной трудовой миграции [Электронный ресурс] / А.А. Соколова // Вопросы территориального развития. – 2023. – Т. 11. № 2. – Режим доступа: <http://vtr.volnc.ru/article/29838>. – DOI 10.15838/tdi.2023.2.64.6.

114. Соколова, А.А. Социально-демографический портрет маятникового трудового мигранта / А.А. Соколова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2023. – № 64. – С. 61-82. – DOI 10.17223/19988648/64/5.
115. Соколова, А.А. Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России / А.А. Соколова // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27. – № 4. – С. 52-70
116. Соколова, А.А. Возможности и ограничения оценки масштабов маятниковой трудовой миграции / А.А. Соколова // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: Материалы VIII международной научно-практической интернет-конференции, Вологда, 27–31 марта 2023 года. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2023. – С. 176-181.
117. Соколова, А.А. Маятниковая миграция: концептуальные проблемы измерения / А.А. Соколова, О.Н. Калачикова // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2022. – № 1(68). – С. 52-66. – DOI: 10.52897/2411-4588-2022-1-52-66.
118. Соколова, А.А. Современное отходничество: анализ территориальной специфики по данным переписи населения России / А.А. Соколова, О.Н. Калачикова // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сб. науч. ст. / ред. д-р экон. наук, проф. О.А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А.П. Багирова, д-р истор. наук, проф. Г.Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И.А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б.Ю. Берзин, канд. экон. наук Н.П. Неклюдова, О.А. Пышминцева; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2023. – С. 312–322. – DOI: 10.17059/udf-2023-3-7.
119. Соколова, А.А. Маятниковая трудовая миграция в России: масштабы и последствия / А.А. Соколова, О.Н. Калачикова // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 16-29.
120. Соколова, А.А. Регулирование возвратной трудовой миграции в XXI веке: зарубежный опыт и российская практика / А.А. Соколова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17. – № 5. – С. 126-140.
121. Соколова, А.А. Опыт моделирования влияния факторов, характеризующих территорию исхода, на удельный вес маятниковой трудовой миграции / А.А. Соколова, А.И. Метляхин // Проблемы развития территории. – 2024. – Т. 28. – № 3. – С. 97–118. – DOI: 10.15838/ptd.2024.3.131.7.
122. Степуть, И. С. Вахтовая занятость в экономике арктической зоны России: динамика, масштабы, профессионально-квалификационные характеристики / И. С. Степуть, В.А. Гуртов // Общество и экономика. – 2023. – №6. – С. 90-108. – DOI: 10.31857/S020736760025036-8.

123. Таборисская, И.М. Маятниковая миграция населения (теория, методология, практика) / И.М. Таборисская. – М.: Статистика, 1979. – 176 с.

124. Трифонова (Казарян), К. В. Государственно-правовое регулирование миграционной деятельности в советский период / К. В. Трифонова (Казарян) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – № 5 (71). – С. 59-71.

125. Туракаев, М.С. Вахтовый труд и воспроизводство социально-культурных практик в российском регионе: на примере Республики Башкортостан / М.С. Туракаев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. – 2016. – № 1. – С. 35–47. – DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.10435.

126. Туракаев, М. С. Временная трудовая миграция в России: актуальные вопросы и социологические исследования / М.С. Туракаев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2021. – Т. 24. – № 4. – С. 34-58.

127. Туракаев М.С. Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана / М.С. Туракаев, Г.Р. Баймурзина // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. – № 6. – С. 115–133. – DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.7

128. Указ Губернатора Владимирской области от 02 июня 2009 г. № 10 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года (с изменениями на 10 января 2024 года)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/965014297>.

129. Указания по заполнению формы федерального статистического наблюдения № П-4 «Сведения о численности и заработной плате работников» [Электронный ресурс] // Федеральная государственная статистическая служба. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/document/document_form/form_filling_order_file/2024-01/11/Ukaz_№678_22122023.pdf

130. Фаузер, В. В. Российский Север: проблемы работающих вахтовым методом и государственная политика переселений / В.В. Фаузер, И.Г. Назарова // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2011. – №2. – С. 1-7.

131. Федеральный Закон «Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ)» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125267/>

132. Федеральный Закон «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.
133. Федеральное отраслевое соглашение по морскому транспорту на 2021 - 2024 годы [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400664761/>.
134. Флоринская, Ю.Ф. Миграция и рынок труда / Ю.Ф. Флоринская, Н.В. Мкртчян, Т.М. Малева [и др.]. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 108 с.
135. Флоринская, Ю.Ф. Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания / Ю.Ф. Флоринская // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 79-87.
136. Флоринская, Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии / Ю.Ф. Флоринская // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 2(63). – С. 223-232. – DOI 10.31737/22212264_2024_2_223-232.
137. Хилажева, Г.Ф. Современная семья в контексте транслокальной миграции (на примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана) / Г.Ф. Хилажева // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 1. – С. 68–82.
138. Холодилова, К.А. Качество жизни населения в условиях вахтового труда на Крайнем Севере (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / К.А. Холодилова // Вестник Нижегородского университета работников нефтедобычи при вахтовой организации труда в Заполярье. – 2008. – № 5. – С. 96–102.
139. Хорев, Б.С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР) / Б.С. Хорев. – М.: Мысль., 1975. – 428 с.
140. Хорев, Б.С. Роль маятниковой миграции во взаимосвязи городского и сельского расселения и основные задачи ее регулирования / Б.С. Хорев // Проблемы расселения в СССР. – М.: Статистика, 1978. – С. 222-234
141. Хорев, Б.С. Житель села – работник города / Б.С. Хорев, В.Н. Лиходед. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 95 с.
142. Хорев, Б.С. Проблемы изучения миграции населения (статистико-географические очерки) / Б.С. Хорев, В.Н. Чапек. – Издательство «Мысль»: Москва, 1978. – 241 с.
143. Хубиев, А. А. Динамика миграционных потоков и их воздействие на социально - экономическое развитие Российской Федерации [Электронный ресурс] / А. А. Хубиев // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № S2. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/21FAVN224.pdf>.

144. Цапенко, И.П. Миграционные эффекты социальных дисбалансов / И.П. Цапенко // Вестник Российской академии наук. – 2023. – Т. 93. – № 3. – С. 214-227. – DOI 10.31857/S0869587323030131.
145. Цыренов, Д. Д. Особенности возвратной миграции молодежи в Республику Бурятия / Д.Д. Цыренов, М.Г. Мадиева // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2017. – № 1. – С. 54-58.
146. Шабунова, А.А. Людские ресурсы СЗФО: движение и локализация / А.А. Шабунова, М.А. Груздева, А.А. Соколова // ЕСО. – 2023. – № 53(8). – С. 35-56. – DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-8-35-56.
147. Шеншинов, Ю. В. Базовые мотивы трудовой миграции в условиях новой экономики / Ю. В. Шеншинов // Алтайский вестник Финансового университета. – 2019. – № 4. – С. 18-26.
148. Шевцова, Е.В. Временная миграция населения в муниципальных районах Новосибирской области: тенденции, причины и последствия / Е.В. Шевцова // Вестник Российской нации. – 2018. – № 3. – С. 200–213.
149. Шитова, Ю. Ю. Маятниковая трудовая миграция и социально-экономическая ситуация в регионах: дис. ... доктор. экономических наук: 08.00.05 / Ю.Ю. Шитова. – МУПОЧ «Дубна», 2010. – 330 с.
150. Шитова, Ю.Ю. Влияние дальних поездок на работу на здоровье маятниковых трудовых мигрантов: обзор литературы / Ю.Ю. Шитова // Population and Economics. – 2024. – № 8(1). – С. 37–51. – DOI: 10.3897/popreson.8.e109997.
151. Шитова, Ю.Ю. Анализ долгосрочной динамики факторов, определяющих маятниковую трудовую миграцию в Подмосковье / Ю.Ю. Шитова, Ю.А. Шитов // Проблемы прогнозирования. – 2016. – №4 (157). – С. 151-162.
152. Шитова, Ю.Ю. Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в Подмосковье (на примере г. Дубны) / Ю.Ю. Шитова, Ю.А. Шитов // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 4. – С. 112–122
153. Шитова, Ю. ГИС-мониторинг потерь времени на маршрут дом–работа (на примере маршрута Подмосковье–Москва) / Ю.Ю. Шитова, Ю.А. Шитов, Д.Н. Власов // Проблемы теории и практики управления. – 2017. – № 11. – С. 103–114.
154. Чудиновских, О.С. Большие данные и статистика миграции / О.С. Чудиновских // Вопросы статистики. – 2018. – Т. 25. № 2. – С. 48-56.
155. Чудиновских, О.С. Основные изменения законодательства в области международной миграции и приобретения гражданства Российской Федерации, 2023-2024 гг.:

новые правовые нормы, проекты законов и дискуссия / О.С. Чудиновских // Демоскоп Weekly. – 2024. – № 1021-1022. – С. 21-30.

156. Чушкина, М.С. Оценка механизмов управления вахтовой миграцией в регионах Арктической зоны России на примере Республики Саха (Якутия) / М.С. Чушкина // Городские исследования и практики. – 2020. – Т. 5. № 1. – С. 117–134. – DOI: 10.17323/usp512020117-134.

157. Эльдяева, Н.А. Оценка и анализ межрегиональной трудовой миграции населения региона / Н.А. Эльдяева, Е.С. Кованова // Вестник МФЮА. – 2018. – №1. – С. 171-181.

158. Эльдяева, Н.А. Интенсивность современных миграционных потоков и последствия внутрирегиональной и межрегиональной миграции населения российских регионов / Н.А. Эльдяева, Е.С. Кованова, Е.П. Тенетова // Вестник МФЮА. – 2019. – №2. – С. 86-95.

159. Югов, Е. А. Трудовые ресурсы сельского района и их использование / Е.А. Югов // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2018. – № 2(57). – С. 174-185. – DOI: 10.17238/issn2071-2243.2018.2.174.

160. Юмагузин, В. В. Возможности и ограничения данных сотовых операторов в изучении миграции населения / В. В. Юмагузин // В кн.: II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума (Москва, 4 – 5 декабря 2020 г. / Отв. ред.: С. В. Рязанцев, Т. Ростовская. – М.: Объединенная редакция, 2020. – С. 267-270.

161. Якунина, В.А. Региональный подход к трансформации миграционной политики / В. А. Якунина, В. К. Крутиков // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 19. – С. 39-41.

162. Ashforth, B. E. Role transitions in organizational life: An identity-based perspective / B. E. Ashforth. – New York, NY: Macmillan, 2001. – 69 p.

163. Aravind, A. Nudging towards sustainable urban mobility: Exploring behavioral interventions for promoting public transit / A. Aravind, S. Mishra, M. Meservy // Transportation Research Part D. – 2024. – № 129. – Pp. 2-25. – DOI: 10.1016/j.trd.2024.104130.

164. Baum-Snow, N. Changes in transportation infrastructure and commuting patterns in US metropolitan areas, 1960-2000 / N. Baum-Snow // American Economic Review. – 2010. – Vol. 100. – №. 2. – Pp. 378-382.

165. Becker, G.S. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior / G.S. Becker // Journal of Political Economy. – 1993. – № 101 (3). – Pp. 385–409. – DOI:10.1086/261880.

166. Bhatt, V. Regional Patterns and Determinants of Commuting Between Rural and Urban India / V. Bhatt, S. Chandrasekhar, A. Sharma // The Indian Journal of Labour Economics. – 2020. – № 63 (4). – Pp. 1041-1063. – DOI 10.1007/s41027-020-00276-9.

167. Biggar, M. Unpacking the influence of social norms and past experience on commuting mode choice / M. Biggar // *Journal of behavioral public administration*. – 2019. – Vol. 2(1). – Pp. 1-8. – DOI: 10.30636/jbpa.21.52.
168. Bloze, G. Housing equity, residential mobility and commuting / G. Bloze, M. Skak // *Journal of Urban Economics*. – 2016. – Vol. 96. – Pp. 156-165.
169. Bonney, N. Gender and migration: geographical mobility and the wife's sacrifice / N. Bonney, J. Love // *Sociological Review*. – 1991. – № 39(3). – Pp. 335–48.
170. Borowsky, C. Parental commuting and child well-being in Germany / C. Borowsky, S. Drobnič, M. Feldhaus // *Journal of Family Research*. – 2020. – № 32. – Pp. 357–392.
171. Brömmelhaus, A. Family, Work, and Spatial Mobility: The Influence of Commuting on the Subjective Well-Being of Couples / A. Brömmelhaus, M. Feldhaus, M. Schlegel // *Applied Research in Quality of Life*. – 2020. – № 15. – Pp. 865–891.
172. Bubonya, M. Mental health and productivity at work: Does what you do matter? / M. Bubonya, D.A. Cobb-Clark, M. Wooden // *Labour Economics*. – 2017. – Vol. 46. – Pp. 150-165. – DOI: 10.1016/j.labeco.2017.05.001.
173. Cassarino, J.-P. Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited / J.-P. Cassarino // *International Journal on Multicultural Societies, UNESCO*. – 2004. – № 6 (2). – Pp.253-279.
174. Chatterjee, K. Commuting and wellbeing: A critical overview of the literature with implications for policy and future research / K. Chatterjee, S. Chng, B. Clark, A. Davis, J. de Vos, D. Ettema, S. Handy, A. Martin, L. Reardon // *Transport Reviews*. – 2020. – № 40. – Pp. 5–34.
175. Chidambaram, B. Understanding relative commuting within dual-earner couples in Germany / B. Chidambaram, J. Scheiner // *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. – 2020. – № 134. – Pp. 113–129.
176. Clark, B. How commuting affects subjective wellbeing / B. Clark, K. Chatterjee, A. Martin, A. Davis // *Transportation*. – 2020. – № 47. – Pp. 2777–2805. – DOI: 10.1007/s11116-019-09983-9.
177. Costa, G. Commuting-a further stress factor for working people: evidence from the European community / G. Costa, L. Pickup, V. Di Martino // *International Archives of Occupational and Environmental Health*. – 1988. – № 60(5). – Pp. 377-385. – DOI: 10.1007/bf00405674.
178. Dauth, W. Loss aversion in the trade-off between wages and commuting distances / W. Dauth, P. Haller // *Beiträge zur Jahrestagung des Vereins für Socialpolitik 2019: 30 Jahre Mauerfall - Demokratie und Marktwirtschaft - Session: Urban Economics, No. D12-V3, ZBW - Leibniz-Informationszentrum Wirtschaft, Kiel, Hamburg, 2019. – 41 p.*

179. Green, A. E. Longer Distance Commuting as a Substitute for Migration in Britain: A Review of Trends, Issues and Implications / A.E. Green, T. Hogarth, R.E. Shackleton // *International journal of population geography*. – 1999. – № 5. – Pp. 49-67.
180. Gimeno-Nadal, J.I. Trends in commuting time of European workers: A cross-country analysis / J.I. Gimeno-Nadal, J.A. Molina, J. Velilla // *Transport Policy*. – 2022. – V. 116. – Pp. 327-342.
181. Jacob, N. The disutility of commuting? The effect of gender and local labor markets / N. Jacob, L. Munford, N. Rice, J. Roberts // *Regional Science and Urban Economics*. – 2019. – № 77. – Pp. 264-275. – DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2019.06.001.
182. Jacob, N. Does commuting mode choice impact health? / N. Jacob, L. Munford, N. Rice, J. Roberts // *Health Economics*. – 2021. – № 30. – Pp. 207–230.
183. Jachimowicz, J.M. Between Home and Work: Commuting as an Opportunity for Role Transitions / J.M. Jachimowicz, J.L. Cunningham, B.R. Staats, F. Gino, J.I. Menges // *Organization Science*. – 2021. – № 32. – Pp. 64–85.
184. Jones, C. Mobile miners: work, home, and hazards in Yukon’s mining industry / C. Jones, C. Southcott // *The Northern Review*. – 2015. – № 41. – Pp. 111–137. – DOI: 10.22584/nr41.2015.005.
185. Faggian, A. Human capital, graduate migration and innovation in British regions / A. Faggian, P. Mccann // *Cambridge Journal of Economics*. – 2009. – № 33. – Pp. 317–333.
186. Franssens, S. Nudging Commuters to increase public transport use: a field experiment in Rotterdam / S. Franssens, E. Botchway, W. Swart, S. Dewitte // *Frontiers in Psychology*. – 2021. – Vol. 12. – Pp. 1-12. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.633865.
187. Hicks, J.R. *The Theory of Wages* / J.R. Hicks. – London: Macmillan, 1963. – Pp. 212-213.
188. Hidalgo-González, C. Energy consumption in university commuting: Barriers, policies and reduction scenarios in León (Spain) / C. Hidalgo-González, M.P. Rodríguez-Fernández, D. Pérez-Neira // *Transport Policy*. – 2022. – Vol. 116. – Pp. 48-57. – DOI: 10.1016/j.tranpol.2021.10.016.
189. Hjorthol, R. Allocation of tasks, arrangement of working hours and commuting in different Norwegian households / R. Hjorthol, L. Vågane // *Journal of Transport Geography*. – 2014. – № 35. – Pp. 75–83.
190. Hoath, A. *The Socio-Economic Impacts of Long-Distance Commuting on Source Communities* / A. Hoath, F.M. Haslam McKenzie // Perth: Co-operative Research Centre for Remote Economic Participation and Curtin Graduate School of Business, 2013. – 72 p.
191. Kanaroglou, P.S. Excess commuting: A critical review and comparative analysis of concepts, indices, and policy implications / P.S. Kanaroglou, Ch. Higgins, T. Chowdhury // *Journal of transport geography*. – 2015. – № 44. – Pp. 4-27. – DOI:10.1016/j.jtrangeo.2015.02.009.

192. King, R. Return Migration: A neglected aspect of population Geography / R. King // *Area*. – 1978. – Vol. 10. – № 3. – Pp. 175-182.
193. Künn-Nelen, A. Does Commuting Affect Health? / A. Künn-Nelen // *Health Economics*. – 2016. – № 25. – Pp. 984–1004.
194. Kwon, K. Have the gender differences in commuting been shrinking or persistent? Evidence from two-earner households in the U.S. / K. Kwon, G. Akar // *International Journal of Sustainable Transportation*. – 2021. – Pp. 1121-1130.
195. Lee, E.S. A Theory of Migration / E.S. Lee // *Demography*. – 1996. – Vol. 3. – No. 1. – Pp. 47-57.
196. Lobo, C. Migration and commuting in the areas of influence of the Brazilian metropolises / C. Lobo, J. M. P. Cunha // *Mercator*. – 2019. – № 18. – Pp. 1-15. – DOI:10.4215/rm2019.e18017.
197. Öhman, M. Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden [Electronic resource] / M. Öhman, U. Lindgren // *Cybergeo. European journal of geography*. – 2003. – № 243. – Available at: <https://journals.openedition.org/cybergeo/4118?Lang=en#citedby>. – DOI: 10.4000/cybergeo.4118.
198. Pantelaki, E. Impact of home-school commuting mode choice on carbon footprint and sustainable transport policy scenarios / E. Pantelaki, A.-C. Caspani, E. Maggi // *Case studies on transport policy*. – 2024. – Vol. 15. – Pp. 1-17. – DOI: 10.1016/j.cstp.2023.101110.
199. Rapino, M. A. Commuting, Gender Roles, and Entrapment: A National Study Utilizing Spatial Fixed Effects and Control Groups / M. A. Rapino, T. J. Cooke // *The Professional Geographer*. – 2011. – Vol. 63(2). – Pp. 1-18. – DOI:10.1080/00330124.2010.547790.
200. Ravenstein, E.G. The Laws of Migration / E.G. Ravenstein // *Journal of the Statistical Society of London*. – 1889. – Vol. 48. – No. 2. – Pp. 167-235.
201. Reindl, A. The use of gamification to change commuters' mobility behavior: A literature review / A. Reindl, M. Juppe, Ph. Graf, L.-M. Putz-Egger, W. Schildorfer // 7th International GamiFIN Conference 2023 (GamiFIN 2023), April 18-21, 2023, Lapland, Finland. – Pp. 37 - 46.
202. Romani, J. Are commuting and residential mobility decisions simultaneous? The case of Catalonia, Spain / J. Romani, J. Suriñach, M. Artiís // *Regional Studies*. – 2003. – Vol. 37. – №. 8. – Pp. 813-826.
203. Rüger, H. Longitudinal relationship between long-distance commuting willingness and behavior: Evidence from European data / H. Rüger, N. Stawarz, T. Skora, B.M. Wiernik // *Journal of Environmental Psychology*. – 2021. – № 77. – Pp.1-12. – DOI: 10.1016/j.jenvp.2021.101667.
204. Shadow, E. The persevering commuter - Duration of long-distance commuting / E. Shadow, K. Westin // *Transportation Research*. – 2010. – № 44. – P. 433-445. – DOI: 10.1016/j.tra.2010.03.017.

205. Schaefer, A. Commuting Takes Its Toll / A. Schaefer // *Scientific American Mind*. – 2005. – Vol. 16 (3). – Pp. 14-15. – DOI: 10.1038/scientificamericanmind1005-14.
206. Shuai, X. Does Commuting Lead to Migration? / X. Shuai // *The Journal of Regional Analysis & Policy*. – 2012. – № 42 (3). – Pp. 237-250.
207. Stenpaß, A. It's getting late today, please do the laundry: The influence of long-distance commuting on the division of domestic labor / A. Stenpaß, S. Kley // *Journal of Family Research*. – 2020. – № 32. – Pp. 274–306.
208. Sjaastad, L.A. The Costs and Returns of Human Migration / L.A. Sjaastad // *Journal of Political Economy*. – 1962. – Vol. 70. – Pp. 80-93.
209. Skora, T. Commuting and the Motherhood Wage Gap: Evidence from Germany / T. Skora, H. Rüger, N. Stawarz // *Sustainability*. – 2020. – №12. – Pp.1-19.
210. Stark, O. Rural-to-urban Migration in LDCs: a Relative Deprivation Approach / O. Stark // *Economic Development and Cultural Change*. – 1984. – Vol. 32. № 3. – Pp. 475-486.
211. Stein, M. Impacts of Commuting Practices on Social Sustainability and Sustainable Mobility / M. Stein, L. Nitschke, L. Trost, A. Dirschauer, J. Deffner // *Sustainability*. – 2022. – № 14 (8). – Pp. 1-18. – DOI:10.3390/su14084469.
212. Steinmann, S. Mobilität in der Arbeitswelt: Datenanalyse und Aktuelle Studienlage / S. Steinmann, T.G. Grobe, H.C. Tendyck, F.Mess. – *Techniker Krankenkasse: Hamburg, Germany, 2018.* – 65 p.
213. Steinsland, Ch. The climate, economic and equity effects of fuel tax, road toll and commuter tax credit / Ch. Steinsland, L. Fridstrom, A. Madslein, H. Minken // *Transport Policy*. – 2018. – Vol. 72. – Pp. 225-241. – DOI: 10.1016/j.tranpol.2018.04.019.
214. Stutzer, A. Stress That Doesn't Pay: The Commuting Paradox / A. Stutzer, B. S. Fray. – *IZA Working Paper №. 1278, IZA DP., 2004.* – 40 p.
215. Storey, K. Fly-in/Fly-out: Implications for Community Sustainability / K. Storey // *Sustainability*. – 2010. – № 2. – Pp. 1161–1181. – DOI: 10.3390/su2051161.
216. Taale, H. The impact of COVID-19 and policy measures on commuting in the Netherlands / H. Taale, M.-J. O. Kalter, R. Haaijer, C. Damen // *Case Studies on Transport Policy*. – 2022. – Vol. 10 (4). – Pp. 2369-2376.
217. Thomas, I. Migration and commuting interactions fields: a new geography with community detection algorithm? [Electronic resource] / I. Thomas, A. Adam, A. Verhetsel // *BELGEO*. – 2017. – № 4. – Available at: https://journals-openedition.org.translate.google/belgeo/20507?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc
<https://doi.org/10.4000/belgeo.20507>. – DOI: 10.4000/belgeo.20507.

218. Ungsuchaval, TH. Advocating evidence-informed policy in Thailand: The case of the development of bicycle commuting policy framework / TH. Ungsuchaval, K. Kantamaturapoj, P. Leelahavarong, J. Yothasamut, K. Ponragdee, J. Prawjaeng, PH. Hadnorntun // *Case study on Transport policy*. – 2022. – Vol. 10 (3). – Pp. 1727-1734. – DOI: 10.1016/j.cstp.2022.07.003.
219. Waedhani, M. Third Place Design strategy for commuter in sub-urban (Case study: outdoor public space in Tangerang city, Indonesia) / M. Waedhani, T. Yoshida, A. Malik // *Journal of architectural design and urbanism*. – 2020. – Vol. 3(1). – Pp. 29-39. – DOI: 10.14710/jadu.v3i1.8886.
220. Whillans, A. Nudging the commute: Using behaviorally informed interventions to promote sustainable transportation / A. Whillans, J. Sherlock, J. Roberts, S. O’Flaherty, L. Gavin, H. Dykstra, M. Daly // *Behavioral Science & Policy*. – 2021. – № 7(2). – Pp. 27–49.
221. Yapa, L. Interdependencies of Commuting, Migration, and Job Site Relocation / L. Yapa, M. Polese, J. Wolpert // *Economic Geography*. – 1971. – № 47. – Pp. 59-72.
222. Zelinsky, W. The hypothesis of the mobility transition / W. Zelinsky // *Geographical Review*. – 1971. – № 61 (2). – Pp. 219–249. – DOI: 10.2307/213996.
223. Zimmermann, S. Motivating change in commuters’ mobility behavior: Digital nudging for public transportation use / S. Zimmermann, Th. Schulz, A. Hein, H. Gewald, H. Krcmar // *Journal of Decision Systems*. – 2024. – Vol. 33. – Pp. 79-105. – DOI: 10.1080/12460125.2023.2198056.
224. Zhu, P. Land use regulations, transit investment, and commuting preferences / P. Zhu, X. Tan, S. Zhao, Sh. Shi, M. Wang // *Land Use Policy*. – 2022. – Vol. 122. – Pp. 1-17. – DOI: 10.1016/j.landusepol.2022.106343.
225. Zhang, L. Economic Migration and Urban Citizenship in China: The Role of Points Systems / L. Zhang // *Population and development review*. – 2012. – V 38. № 3. – Pp. 211-245.
226. Zhao, P. The impact of urban growth on commuting patterns in a restructuring city: Evidence from Beijing / P. Zhao, B. Lu, G. Roo // *Papers in Regional Science*. – 2011. – Vol. 90 (4). – Pp. 735-755. – DOI: 10.1111/j.1435-5957.2010.00343.x.
227. Zuo, J. Interactions between centrality and commuting costs in a mountainous city: Implications for jobs-housing relationships and land use policies / J. Zuo, W. Zheng, J. Hong // *Land Use Policy*. – 2024. – Vol. 134. – Pp. 1-12. – DOI: 10.1016/j.landusepol.2023.106999.
228. Zulian, G. Green balance in urban areas as an indicator for policy support: a multi-level application / G. Zulian, F. Marando, L. Mentaschi, C. Alzetta, B. Wilk, J. Maes // *One Ecosystem*. – 2022. – № 7. – Pp.1-35. – DOI: 10.3897/oneeco.7.

Приложение 1

Доля возвратных трудовых мигрантов в структуре занятого населения, % от занятого населения соответствующей территории, 2021 г.

	Возвратная трудовая миграция			Маятниковая трудовая миграция (МТМ)			Вахта		
	Все население, % от занятого населения региона	Городское население, % от городского занятого населения региона	Сельское население, % от сельского занятого населения региона	Все население, % от занятого населения региона	Городское население, % от городского занятого населения региона	Сельское население, % от сельского занятого населения региона	Все население, % от занятого населения региона	Городское население, % от городского занятого населения региона	Сельское население, % от сельского занятого населения региона
Центральный федеральный округ									
Белгородская область	17,5	4,8	38,9	15,4	3,8	34,8	2,2	1,0	4,1
Брянская область	20,1	8,1	46,1	12,0	3,2	31,0	8,1	4,9	15,0
Владимирская область	15,2	7,0	44,7	13,2	5,8	39,9	2,0	1,3	4,8
Воронежская область	11,5	2,2	33,9	8,4	1,3	25,6	3,0	0,9	8,3
Ивановская область	14,4	7,0	47,6	8,5	2,8	34,5	5,8	4,2	13,1
Калужская область	15,0	7,5	38,0	13,2	6,6	33,3	1,8	0,9	4,6
Костромская область	13,4	4,4	35,7	10,2	2,0	30,6	3,2	2,5	5,1
Курская область	15,3	4,9	35,8	11,1	2,7	27,9	4,1	2,2	8,0
Липецкая область	17,0	2,4	40,6	13,6	1,4	33,3	3,4	0,9	7,3
Московская область	22,0	18,8	33,4	21,3	18,3	32,2	0,7	0,6	1,2
Орловская область	19,0	6,1	45,5	12,6	2,8	32,5	6,5	3,3	13,0
Рязанская область	18,4	5,2	45,3	12,8	2,8	33,2	5,6	2,4	12,1
Смоленская область	15,2	5,2	41,6	10,8	2,7	32,3	4,4	2,5	9,2
Тамбовская область	17,9	5,5	36,1	12,4	3,0	26,3	5,4	2,5	9,8

Тверская область	15,5	6,7	43,7	12,6	5,0	36,9	3,0	1,8	6,8
Тульская область	16,4	7,5	41,2	13,5	5,8	34,9	2,9	1,6	6,2
Ярославская область	11,4	3,6	39,4	9,8	2,6	36,0	1,6	1,1	3,3
г. Москва	1,3	1,3	-	1,1	1,1	-	0,2	0,2	-
Северо-Западный федеральный округ									
Республика Карелия	8,0	3,4	27,6	5,0	1,5	19,8	3,0	1,9	7,8
Республика Коми	9,5	5,0	23,5	5,6	2,4	15,7	3,9	2,7	7,8
Ненецкий автономный округ	3,9	4,3	2,5	3,3	3,9	1,6	0,6	0,4	1,0
Архангельская область (без АО)	8,2	3,6	24,6	5,5	2,3	17,0	2,7	1,3	7,6
Вологодская область	11,4	2,5	29,5	10,0	1,9	26,4	1,5	0,7	3,1
Калининградская область	13,7	5,4	41,3	13,0	4,9	39,9	0,8	0,6	1,3
Ленинградская область	25,9	18,7	40,0	24,9	18,0	38,3	1,0	0,7	1,6
Мурманская область	6,2	5,6	13,8	5,6	5,0	12,7	0,7	0,6	1,1
Новгородская область	13,2	5,2	33,3	10,9	3,8	28,9	2,2	1,4	4,4
Псковская область	11,5	3,4	34,6	9,1	2,1	28,9	2,5	1,3	5,6
г. Санкт-Петербург	0,5	0,5	-	0,4	0,4		0,1	0,1	-
Южный федеральный округ									
Республика Адыгея	16,8	11,6	21,3	15,6	10,9	19,7	1,1	0,7	1,5
Республика Калмыкия	17,5	6,6	27,0	2,2	0,3	3,9	15,3	6,3	23,2
Республика Крым	13,0	2,4	24,3	11,9	1,7	22,8	1,1	0,8	1,6
Краснодарский край	6,9	1,7	14,7	5,6	1,0	12,5	1,2	0,6	2,2
Астраханская область	13,3	4,0	30,1	9,3	2,0	22,4	4,0	2,0	7,6

Волгоградская область	9,9	3,5	31,2	5,5	1,8	17,9	4,4	1,7	13,3
Ростовская область	10,1	3,3	25,2	7,5	2,0	19,8	2,6	1,3	5,4
г. Севастополь	1,4	1,2	4,0	0,7	0,5	3,6	0,7	0,7	0,5
Северо-Кавказский федеральный округ									
Республика Дагестан	7,0	1,8	12,6	4,4	1,4	7,7	2,6	0,5	4,9
Республика Ингушетия	7,5	4,1	12,3	7,0	3,9	11,4	0,5	0,2	0,9
Кабардино-Балкарская Республика	12,6	2,7	25,0	10,4	1,4	21,8	2,2	1,3	3,2
Карачаево-Черкесская Республика	13,7	3,3	22,5	12,1	2,7	20,1	1,6	0,6	2,4
Республика Северная Осетия – Алания	13,3	2,3	32,9	11,0	1,3	28,3	2,3	1,0	4,6
Чеченская Республика	7,1	1,0	12,3	6,1	0,9	10,7	0,9	0,2	1,6
Ставропольский край	9,6	2,9	22,7	7,2	2,1	17,3	2,4	0,8	5,4
Приволжский федеральный округ									
Республика Башкортостан	13,7	3,5	34,4	6,9	0,6	19,7	6,8	2,9	14,8
Республика Марий Эл	22,3	8,1	51,7	17,3	5,8	40,8	5,1	2,2	10,9
Республика Мордовия	17,8	5,3	39,7	9,8	2,0	23,5	8,0	3,3	16,2
Республика Татарстан	9,8	2,1	36,8	8,3	1,4	32,3	1,5	0,7	4,5

Удмуртская Республика	12,8	2,0	30,8	10,6	1,1	26,6	2,1	0,9	4,2
Чувашская Республика	21,6	7,5	46,6	12,5	3,4	28,6	9,1	4,1	18,0
Пермский край	10,0	3,2	32,4	7,4	1,8	25,8	2,6	1,4	6,7
Кировская область	10,4	4,8	30,8	6,6	2,0	23,1	3,9	2,8	7,7
Нижегородская область	10,6	3,9	35,5	8,8	3,1	30,0	1,8	0,8	5,4
Оренбургская область	11,3	2,5	25,8	6,9	0,7	17,0	4,5	1,8	8,8
Пензенская область	17,0	5,9	40,6	10,1	2,6	26,0	6,9	3,2	14,7
Самарская область	8,1	2,5	31,2	6,6	1,8	26,4	1,5	0,7	4,8
Саратовская область	10,3	3,3	32,6	5,2	1,1	18,4	5,1	2,3	14,1
Ульяновская область	12,7	3,8	40,5	8,5	1,8	29,7	4,2	2,0	10,9
Уральский федеральный округ									
Курганская область	12,3	3,1	30,3	8,0	1,0	21,6	4,3	2,1	8,6
Свердловская область	7,0	3,8	28,5	5,6	3,0	23,3	1,4	0,8	5,2
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	3,9	2,9	12,9	1,7	1,2	6,6	2,1	1,7	6,4
Ямало-Ненецкий автономный округ	2,2	2,0	3,5	0,4	0,3	0,7	1,9	1,7	2,8
Тюменская область (безАО)	12,6	2,7	30,9	8,7	0,6	23,7	3,9	2,1	7,2
Челябинская область	7,6	2,8	30,5	6,2	1,9	26,7	1,4	0,9	3,8
Сибирский федеральный округ									
Республика Алтай	10,8	4,3	14,0	7,5	2,3	10,1	3,3	2,0	4,0

Республика Тыва	8,3	4,3	14,1	5,6	3,3	9,0	2,7	1,0	5,1
Республика Хакасия	14,1	6,3	28,5	10,5	3,9	22,6	3,6	2,4	5,9
Алтайский край	9,2	2,7	18,7	6,3	1,4	13,5	2,9	1,3	5,2
Красноярский край	6,1	2,7	20,3	4,2	1,5	15,4	1,9	1,2	4,9
Иркутская область	8,9	3,7	28,5	6,7	2,4	23,1	2,2	1,4	5,4
Кемеровская область – Кузбасс	6,9	2,9	35,4	6,0	2,2	32,5	1,0	0,7	2,9
Новосиби́рская область	8,8	3,8	26,3	6,8	2,9	20,6	2,0	0,9	5,7
Омская область	10,2	3,2	30,9	5,2	0,5	18,8	5,1	2,7	12,0
Томская область	9,8	3,5	24,1	6,8	1,9	18,0	3,0	1,6	6,0
Дальневосточный федеральный округ									
Республика Бурятия	11,9	2,8	27,9	7,7	1,0	19,5	4,1	1,7	8,4
Республика Саха (Якутия)	5,9	2,0	14,3	4,7	1,4	11,8	1,2	0,6	2,6
Забайкальский край	8,8	4,3	20,0	4,0	1,3	10,9	4,7	3,0	9,1
Камчатский край	3,9	1,8	11,6	3,4	1,5	10,6	0,5	0,3	1,0
Приморский край	6,7	3,0	19,5	5,3	2,1	16,3	1,4	0,9	3,2
Хабаровский край	4,9	1,6	19,8	3,6	0,8	16,5	1,3	0,8	3,4
Амурская область	8,0	2,4	22,8	5,2	0,9	16,6	2,8	1,5	6,1
Магаданская область	3,5	3,1	14,6	1,3	1,1	6,0	2,2	2,0	8,6
Сахалинская область	6,0	2,9	22,4	4,6	1,9	19,2	1,4	1,0	3,2
Еврейская автономная область	11,3	7,2	22,3	8,2	5,3	16,0	3,1	1,9	6,3
Чукотский автономный округ	0,7	0,2	2,0	0,3	0,1	1,0	0,4	0,2	1,0

Источник: Рассчитано автором по данным всероссийской переписи населения-2020. –
Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Приложение 2

Группировка субъектов РФ по удельному весу возвратной трудовой миграции в структуре занятого населения, % от занятого населения соответствующего региона, 2021 г.

Группа	Кол-во	Субъекты (% от численности занятого населения региона)
Низкая доля возвратных трудовых перемещений (от 0 до 5,9%)	11	Республика Саха (Якутия) (5,9%); Хабаровский край (4,9%); Камчатский край (3,9%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (3,9%); Ненецкий автономный округ (3,9%); Магаданская область (3,5%); Ямало-Ненецкий автономный округ (2,2%); г. Севастополь (1,4%); г. Москва (1,3%); Чукотский автономный округ (0,7%); г. Санкт-Петербург (0,5%)
Умеренная доля возвратных трудовых перемещений (6,0%-16,3%)	59	Тверская область (15,5%); Курская область (15,3%); Владимирская область (15,2%); Смоленская область (15,2%); Калужская область (15,0%); Ивановская область (14,4%); Республика Хакасия (14,1%); Калининградская область (13,7%); Республика Башкортостан (13,7%); Карачаево-Черкесская Республика (13,7%); Костромская область (13,4%); Астраханская область (13,3%); Республика Северная Осетия – Алания (13,3%); Новгородская область (13,2%); Республика Крым (13,0%); Удмуртская Республика (12,8%); Ульяновская область (12,7%); Тюменская область (без АО) (12,6%); Кабардино-Балкарская Республика (12,6%); Курганская область (12,3%); Республика Бурятия (11,9%); Псковская область (11,5%); Воронежская область (11,5%); Вологодская область (11,4%); Ярославская область (11,4%); Еврейская автономная область (11,3%); Оренбургская область (11,3%); Республика Алтай (10,8%); Нижегородская область (10,6%); Кировская область (10,4%); Саратовская область (10,3%); Омская область (10,2%); Ростовская область (10,1%); Пермский край (10,0%); Волгоградская область (9,9%); Республика Татарстан (9,8%); Томская область (9,8%); Ставропольский край (9,6%); Республика Коми (9,5%); Алтайский край (9,2%); Иркутская область (8,9%); Забайкальский край (8,8%); Новосибирская область (8,8%); Республика Тыва (8,3%); Архангельская область (без АО) (8,2%); Самарская область (8,1%); Республика Карелия (8,0%); Амурская область (8,0%); Челябинская область (7,6%); Республика Ингушетия (7,5%); Чеченская Республика (7,1%); Республика Дагестан (7,0%); Свердловская область (7,0%); Кемеровская область – Кузбасс (6,9%); Краснодарский край (6,9%); Приморский край (6,7%); Мурманская область (6,2%); Красноярский край (6,1%); Сахалинская область (6,0%);
Высокая доля возвратной трудовой миграции (16,4% и выше)	15	Ленинградская область (25,9%); Республика Марий Эл (22,3%); Московская область (22,0%); Чувашская Республика (21,6%); Брянская область (20,1%); Орловская область (19,0%); Рязанская область (18,4%); Тамбовская область (17,9%); Республика Мордовия (17,8%); Белгородская область (17,5%); Республика Калмыкия (17,5%); Пензенская область (17,0%); Липецкая область (17,0%); Республика Адыгея (16,8%); Тульская область (16,4%)

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Приложение 3

Группировка субъектов РФ по удельному весу маятниковых мигрантов, % от численности занятого населения соответствующего субъекта, 2021 г.

Категория	Кол-во	Наименования региона (% от численности занятого населения региона)
Субъекты с низкой долей МТМ (от 0 до 3,7%)	11	Чукотский автономный округ (0,3%); Ямало-Ненецкий автономный округ (0,4%); г. Санкт-Петербург (0,4%); г. Севастополь (0,7%); г. Москва (1,1%); Магаданская область (1,3%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (1,7%); Республика Калмыкия (2,2%); Ненецкий автономный округ (3,3%); Камчатский край (3,4%); Хабаровский край (3,6%);
Субъекты с умеренной долей МТМ (от 3,8% до 12,5%)	61	Забайкальский край (4,0%); Красноярский край (4,2%); Республика Дагестан (4,4%); Сахалинская область (4,6%); Республика Саха (Якутия) (4,7%); Республика Карелия (5,0%); Омская область (5,2%); Амурская область (5,2%); Саратовская область (5,2%); Приморский край (5,3%); Архангельская область без автономного округа (5,5%); Волгоградская область (5,5%); Республика Тыва (5,6%); Республика Коми (5,6%); Мурманская область (5,6%); Свердловская область (5,6%); Краснодарский край (5,6%); Кемеровская область (6,0%); Чеченская Республика (6,1%); Челябинская область (6,2%); Алтайский край (6,3%); Кировская область (6,6%); Самарская область (6,6%); Иркутская область (6,7%); Томская область (6,8%); Новосибирская область (6,8%); Оренбургская область (6,9%); Республика Башкортостан (6,9%); Республика Ингушетия (7,0%); Ставропольский край (7,2%); Пермский край (7,4%); Республика Алтай (7,5%); Ростовская область (7,5%); Республика Бурятия (7,7%); Курганская область (8,0%); Еврейская автономная область (8,2%); Республика Татарстан (8,3%); Воронежская область (8,4%); Ивановская область (8,5%); Ульяновская область (8,5%); Тюменская область без автономных округов (8,7%); Нижегородская область (8,8%); Псковская область (9,1%); Астраханская область (9,3%); Ярославская область (9,8%); Республика Мордовия (9,8%); Вологодская область (10,0%); Пензенская область (10,1%); Костромская область (10,2%); Кабардино-Балкарская Республика (10,4%); Республика Хакасия (10,5%); Удмуртская Республика (10,5%); Смоленская область (10,8%); Новгородская область (10,9%); Республика Северная Осетия – Алания (11,0%); Курская область (11,1%); Республика Крым (11,9%); Брянская область (12,0%); Карачаево-Черкесская Республика (12,1%); Тамбовская область (12,4%); Чувашская Республика (12,5%);
Субъекты с высокой долей МТМ (от 12,6% и выше)	13	Орловская область (12,6%); Тверская область (12,6%); Рязанская область (12,8%); Калининградская область (13,0%); Владимирская область (13,2%); Калужская область (13,2%); Тульская область (13,5%); Липецкая область (13,6%); Белгородская область (15,4%); Республика Адыгея (15,6%); Республика Марий Эл (17,3%); Московская область (21,3); Ленинградская область (24,9%).

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Приложение 4

Группировка субъектов РФ по потокам перемещений маятниковых трудовых мигрантов, %, 2021 г.

Категория	Кол-во	Наименования региона (% внешней маятниковой миграции от всей маятниковой трудовой миграции региона)
Субъекты с преобладанием внешних потоков (60,1% и выше)	6	Ненецкий автономный округ (97,9%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (95,6%); г. Санкт-Петербург (72,2%); Ленинградская область (64,0%); Ямало-Ненецкий автономный округ (63,6%); Московская область (61,7%)
Субъекты со смешанными потоками (40%-60%)	4	г. Севастополь (58,3%); Республика Адыгея (55,4%); Еврейская автономная область (48,7%); г. Москва (44,7%);
Субъекты с преобладанием внутренних перемещений (0-39,9%)	75	Владимирская область (33,3%); Калужская область (31,9%); Тверская область (29,7%); Тульская область (25,5%); Республика Марий Эл (17,2%); Новгородская область (16,9%); Смоленская область (14,5%); Тамбовская область (14,3%); Псковская область (12,3%); Республика Калмыкия (11,8%); Республика Северная Осетия – Алания (11,4%); Удмуртская Республика (11,2%); Ульяновская область (10,0%); Курганская область (9,9%); Карачаево-Черкесская Республика (7,9%); Липецкая область (7,8%); Курская область (7,6%); Костромская область (6,7%); Кабардино-Балкарская Республика (6,6%); Приморский край (5,2%); Кировская область (5,1%); Орловская область (5,1%); Ивановская область (4,9%); Чувашская Республика (4,9%); Вологодская область (4,9%); Красноярский край (4,7%); Рязанская область (4,5%); Брянская область (4,3%); Алтайский край (4,3%); Республика Крым (4,2%); Ярославская область (4,1%); Пензенская область (4,1%); Оренбургская область (3,9%); Республика Мордовия (3,8%); Мурманская область (3,7%); Республика Бурятия (3,4%); Республика Дагестан (3,4%); Калининградская область (3,4%); Забайкальский край (3,3%); Республика Карелия (3,2%); Кемеровская область – Кузбасс (3,1%); Краснодарский край (3,1%); Архангельская область без автономного округа (3,0%); Республика Алтай (3,0%); Ставропольский край (2,9%); Республика Хакасия (2,8%); Республика Башкортостан (2,7%); Республика Татарстан (2,7%); Свердловская область (2,1%); Республика Ингушетия (1,9%); Белгородская область (1,8%); Магаданская область (1,7%); Челябинская область (1,7%); Томская область (1,6%); Самарская область (1,4%); Омская область (1,3%); Чукотский автономный округ (1,2%); Нижегородская область (1,2%); Волгоградская область (1,1%); Пермский край (1,1%); Астраханская область (0,9%); Ростовская область (0,9%); Республика Коми (0,8%); Республика Тыва (0,8%); Амурская область (0,7%); Камчатский край (0,7%); Хабаровский край (0,6%); Республика Саха (Якутия) (0,6%); Новосибирская область (0,5%); Сахалинская область (0,4%); Воронежская область (0,4%); Саратовская область (0,4%); Тюменская область без автономных округов (0,4%); Чеченская Республика (0,2%); Иркутская область (0,1%)

*внешние перемещения включают в себя межрегиональные и международные перемещения

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Приложение 5

Группировка субъектов РФ по периодичности маятниковой трудовой миграции, %, 2021 г.

Категория	Кол-во	Наименования региона (% ежедневных перемещений от численности всей маятниковой трудовой миграции региона)
Субъекты с преобладанием ежедневных перемещений (60,1 и выше)	54	Чукотский автономный округ (85,2%); Ненецкий автономный округ (82,5%); Ямало-Ненецкий автономный округ (80,45); Республика Тыва (74,2%); Камчатский край (73,7%); Карачаево-Черкесская Республика (72,4%); Чувашская Республика (72,3%); Республика Алтай (72,1%); Республика Саха (Якутия) (71,8%); Кабардино-Балкарская Республика (70,8%); Республика Крым (70,2%); Республика Ингушетия (69,6%); Хабаровский край (69,6%); Республика Северная Осетия – Алания (69,3%); Чеченская Республика (68,9%); Сахалинская область (68,9%); Приморский край (68,5%); г. Москва (68,2%); Республика Адыгея (68,1%); Удмуртская Республика (67,6%); Республика Коми (67,3%); Калининградская область (67,1%); Ивановская область (66,8%); Саратовская область (66,7%); Республика Марий Эл (66,6%); Республика Дагестан (66,4%); Краснодарский край (66,2%); Магаданская область (65,9%); Республика Татарстан (65,8%); Белгородская область (65,6%); Республика Башкортостан (65,5%); Оренбургская область (65,5%); Тамбовская область (65,4%); Брянская область (65,2%); Кировская область (64,8%); Мурманская область (64,6%); Московская область (64,6%); Республика Мордовия (64,2%); Архангельская область без автономного округа (64,0%); Самарская область (63,7%); Республика Хакасия (63,4%); Ростовская область (63,2%); Курганская область (63,1%); Липецкая область (63,1%); Астраханская область (63,0%); г. Севастополь (62,8%); Курская область (62,4%); Орловская область (62,2%); Костромская область (60,9%); Вологодская область (60,9%); Алтайский край (60,7%); Ленинградская область (60,6%); Ярославская область (60,5%); Псковская область (60,2%)
Субъекты со смешанным типом перемещений (40%-60%)	26	Пензенская область (59,8%); Тюменская область без автономных округов (59,7%); Воронежская область (59,6%); Ульяновская область (59,1%); Свердловская область (58,2%); Нижегородская область (57,9%); г. Санкт-Петербург (57,8%); Республика Карелия (57,8%); Рязанская область (57,6%); Новосибирская область (57,5%); Республика Бурятия (57,4%); Пермский край (57,3%); Красноярский край (57,2%); Омская область (57,1%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (56,9%); Смоленская область (56,9%); Челябинская область (56,7%); Ставропольский край (56,1%); Новгородская область (55,6%); Тульская область (53,3%); Калужская область (52,6%); Забайкальский край (51,8%); Кемеровская область – Кузбасс (50,5%); Амурская область (50,4%); Владимирская область (46,3%); Тверская область (45,1%)
Субъекты с преобладанием перемещений несколько раз в неделю (39,9%)	5	Волгоградская область (39,6%); Томская область (35,1%); Иркутская область (12,1%); Республика Калмыкия (9,2%); Еврейская автономная область (0,7%)

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Приложение 6

Группировка субъектов РФ по удельному весу вахтовых трудовых миграций, % от численности занятого населения соответствующего субъекта, 2021 г.

Категория	Кол-во	Наименования региона (% от численности занятого населения региона)
Субъекты с низкой долей населения, вовлеченного в вахту (от 0 до 0,7%)	9	г. Санкт-Петербург (0,1%); г. Москва (0,2%); Чукотский автономный округ (0,4%); Камчатский край (0,5%); Республика Ингушетия (0,5%); Ненецкий автономный округ (0,6%); Мурманская область (0,7%); г. Севастополь (0,7%); Московская область (0,7%)
Субъекты с умеренной долей населения, вовлеченного в вахту (от 0,8% до 5,3%)	66	Калининградская область (0,8%); Чеченская Республика (0,9%); Кемеровская область – Кузбасс (1,0%); Ленинградская область (1,0%); Республика Крым (1,1%); Республика Адыгея (1,1%); Республика Саха (Якутия) (1,2%); Краснодарский край (1,2%); Хабаровский край (1,3%); Приморский край (1,4%); Сахалинская область (1,4%); Свердловская область (1,4%); Челябинская область (1,4%); Вологодская область (1,5%); Самарская область (1,5%); Республика Татарстан (1,5%); Карачаево-Черкесская Республика (1,6%); Ярославская область (1,6%); Нижегородская область (1,8%); Калужская область (1,8%); Ямало-Ненецкий автономный округ (1,9%); Красноярский край (1,9%); Новосибирская область (2,0%); Владимирская область (2,0%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (2,1%); Удмуртская Республика (2,1%); Кабардино-Балкарская Республика (2,2%); Белгородская область (2,2%); Магаданская область (2,2%); Иркутская область (2,2%); Новгородская область (2,2%); Республика Северная Осетия – Алания (2,3%); Ставропольский край (2,4%); Псковская область (2,5%); Республика Дагестан (2,6%); Ростовская область (2,6%); Пермский край (2,6%); Республика Тыва (2,7%); Архангельская область (без АО) (2,7%); Амурская область (2,8%); Тульская область (2,9%); Алтайский край (2,9%); Тверская область (3,0%); Томская область (3,0%); Республика Карелия (3,0%); Воронежская область (3,0%); Еврейская автономная область (3,1%); Костромская область (3,2%); Республика Алтай (3,3%); Липецкая область (3,4%); Республика Хакасия (3,6%); Кировская область (3,9%); Тюменская область (без АО) (3,9%); Республика Коми (3,9%); Астраханская область (4,0%); Республика Бурятия (4,1%); Курская область (4,1%); Ульяновская область (4,2%); Курганская область (4,3%); Смоленская область (4,4%); Волгоградская область (4,4%); Оренбургская область (4,5%); Забайкальский край (4,7%); Омская область (5,1%); Республика Марий Эл (5,1%); Саратовская область (5,1%)
Субъекты с высокой долей населения, вовлеченного в вахту (от 5,4% и выше)	10	Тамбовская область (5,4%); Рязанская область (5,6%); Ивановская область (5,8%); Орловская область (6,5%); Республика Башкортостан (6,8%); Пензенская область (6,9%); Республика Мордовия (8,0%); Брянская область (8,1%); Чувашская Республика (9,1%); Республика Калмыкия (15,3%)

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul; Короленко А.В. (2023). Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 191–212. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.12

Приложение 7

Группировка субъектов РФ по потокам перемещений вахтовых трудовых мигрантов, % от указавших территорию работы, 2021 г.

Категория	Кол-во	Наименования региона (% внешней вахтовой миграции от всей вахтовой трудовой миграции региона)
Субъекты с преобладанием внешних потоков (60,1% и выше)	55	Республика Алтай (61,4%); Краснодарский край (61,4%); Республика Крым (63,1%); Удмуртская Республика (64,4%); Челябинская область (64,6%); Кемеровская область – Кузбасс (66,5%); Воронежская область (67,8%); Республика Калмыкия (67,9%); Республика Ингушетия (68,6%); Алтайский край (70,7%); Еврейская автономная область (71,0%); Ростовская область (71,9%); Ставропольский край (72,9%); Оренбургская область (73,7%); Псковская область (75,1%); Республика Башкортостан (75,4%); Ненецкий автономный округ (76,1%); Тверская область (76,1%); Республика Дагестан (76,6%); Калужская область (77,3%); Новгородская область (77,5%); Костромская область (77,9%); Московская область (78,0%); Рязанская область (78,1%); Ленинградская область (78,4%); Кировская область (78,4%); Саратовская область (78,5%); Республика Хакасия (79,7%); Омская область (80,1%); Белгородская область (80,9%); Ярославская область (81,3%); Астраханская область (81,7%); Липецкая область (81,7%); Смоленская область (81,9%); Республика Марий Эл (82,1%); Чеченская Республика (82,1%); Волгоградская область (82,9%); Ульяновская область (84,7%); Карачаево-Черкесская Республика (85,2%); Владимирская область (85,4%); Тульская область (85,5%); Курская область (85,8%); Пензенская область (86,3%); Ивановская область (86,4%); Республика Адыгея (87,5%); Тамбовская область (87,9%); Орловская область (88,5%); Кабардино-Балкарская Республика (88,9%); Брянская область (90,6%); Курганская область (90,6%); Республика Мордовия (91,9%); Чувашская Республика (92,1%); г. Москва (97,0%); г. Севастополь (99,1%); г. Санкт-Петербург (99,1%)
Субъекты со смешанными потоками (40%-60%)	15	Ямало-Ненецкий автономный округ (42,1%); Свердловская область (42,5%); Вологодская область (46,0%); Томская область (46,3%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (47,3%); Новосибирская область (48,9%); Республика Карелия (48,9%); Республика Татарстан (49,2%); Калининградская область (50,5%); Тюменская область без автономных округов (50,5%); Мурманская область (51,9%); Нижегородская область (52,6%); Пермский край (53,5%); Самарская область (56,6%); Республика Бурятия (57,4%)
Субъекты с преобладанием внутренних перемещений (0-39,9%)	15	Сахалинская область (16,6%); Республика Саха (Якутия) (19,0%); Республика Северная Осетия – Алания (23,5%); Республика Тыва (27,1%); Приморский край (27,3%); Амурская область (29,1%); Чукотский автономный округ (29,4%); Магаданская область (31,2%); Красноярский край (31,6%); Камчатский край (32,2%); Республика Коми (33,0%); Забайкальский край (36,3%); Иркутская область (38,2%); Архангельская область без автономного округа (39,2%); Хабаровский край (39,4%)

*внешние перемещения включают в себя межрегиональные и международные перемещения

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Приложение 8

Группировка субъектов РФ по периодичности вахтовой трудовой миграции, %, 2021 г.

Категория	Кол-во	Наименования региона (% кратковременной вахты в структуре всей вахтовой трудовой миграции региона)
Регионы с преобладанием кратковременной вахтовой трудовой миграции (60,1% и более)	20	Курская область (93,8%); Московская область (87,0%); Тульская область (84,4%); Ленинградская область (83,6%); Владимирская область (83,6%); Рязанская область (82,7%); Калужская область (80,5%); Новгородская область (72,8%); Липецкая область (72,6%); Псковская область (72,0%); Нижегородская область (69,3%); Республика Ингушетия (68,7%); Республика Тыва (67,8%); Ярославская область (67,7%); Орловская область (64,5%); Вологодская область (63,4%); Тверская область (63,2%); г. Санкт-Петербург (62,5%); Мурманская область (61,5%); Республика Адыгея (60,1%)
Регионы со смешанным типом вахтовой трудовой миграции (от 40 до 60%)	23	Самарская область (59,4%); Брянская область (58,2%); Белгородская область (57,2%); Смоленская область (56,3%); Республика Татарстан (56,2%); Тамбовская область (56,1%); Калининградская область (54,7%); Свердловская область (54,7%); Ивановская область (52,2%); Камчатский край (51,0%); Кемеровская область – Кузбасс (50,9%); г. Москва (49,9%); Ростовская область (49,0%); Костромская область (47,2%); Республика Крым (46,6%); Приморский край (45,6%); Республика Карелия (45,3%); Воронежская область (45,2%); Республика Саха (Якутия) (43,8%); Чувашская Республика (43,7%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (41,8%); Иркутская область (40,9%); Еврейская автономная область (40,0%)
Регионы с преобладанием долговременной вахтовой трудовой миграции (от 0 до 39,9%)	42	Ставропольский край (39,9%); Пензенская область (39,3%); Карачаево-Черкесская Республика (39,3%); Архангельская область без автономного округа (38,6%); Удмуртская Республика (38,2%); Республика Марий Эл (37,3%); Челябинская область (37,2%); Ульяновская область (36,9%); Новосибирская область (36,9%); Тюменская область без автономных округов (36,5%); Пермский край (35,4%); Республика Мордовия (34,1%); Краснодарский край (33,4%); Чеченская Республика (32,2%); Амурская область (32,0%); Оренбургская область (31,9%); Саратовская область (31,8%); Сахалинская область (31,4%); Хабаровский край (31,4%); Красноярский край (31,0%); Кировская область (29,3%); Курганская область (29,2%); Алтайский край (28,9%); Республика Бурятия (28,5%); Томская область (26,9%); Ямало-Ненецкий автономный округ (25,9%); Республика Дагестан (24,5%); Республика Хакасия (23,0%); Республика Алтай (22,8%); г. Севастополь (22,4%); Республика Коми (22,3%); Забайкальский край (19,0%); Республика Башкортостан (18,9%); Чукотский автономный округ (16,7%); Астраханская область (16,4%); Омская область (15,3%); Кабардино-Балкарская Республика (14,9%); Магаданская область (12,9%); Республика Северная Осетия – Алания (11,8%); Волгоградская область (11,6%); Ненецкий автономный округ (10,9%); Республика Калмыкия (6,9%)

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul; Короленко А.В. (2023). Вахтовые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 191–212. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.12

Приложение 9

Группировка субъектов РФ по доле участия городского и сельского населения в возвратной трудовой миграции, % от возвратных трудовых мигрантов, 2021 г.

Категория	Кол-во	Наименования региона (% возвратной трудовой миграции сельского населения в общей структуре возвратных трудовых миграций)
Регионы с преобладанием сельского населения в структуре трудовой миграции (60,1% и более)	72	Чеченская Республика (93,4%); Липецкая область (91,4%); Республика Крым (90,3%); Удмуртская Республика (90,1%); Карачаево-Черкесская Республика (89,1%); Республика Северная Осетия – Алания (89,1%); Кабардино-Балкарская Республика (87,9%); Воронежская область (86,6%); Республика Алтай (86,4%); Республика Дагестан (86,4%); Оренбургская область (86,3%); Тюменская область без автономных округов (86,1%); Краснодарский край (85,5%); Республика Бурятия (85,2%); Вологодская область (85,0%); Курганская область (83,6%); Республика Татарстан (83,2); Республика Башкортостан (83,1%); Белгородская область (83,0%); Алтайский край (82,7%); Республика Калмыкия (82,4%); Тамбовская область (81,7%); Рязанская область (81,1%); Республика Мордовия (80,9%); Астраханская область (80,6%); Ставропольский край (79,9%); Курская область (78,8%); Орловская область (78,6%); Псковская область (78,2%); Амурская область (78,0%); Чувашская Республика (77,6%); Ростовская область (77,4%); Республика Саха (Якутия) (77,4%); Ульяновская область (77,4%); Пензенская область (76,7%); Омская область (76,3%); Костромская область (76,3%); Чукотский автономный округ (76,0%); Республика Марий Эл (75,7%); Томская область (75,6%); Пермский край (75,2%); Смоленская область (75,1%); Саратовская область (75,1%); Ярославская область (75,0%); Самарская область (74,9%); Волгоградская область (73,3%); Хабаровский край (73,2%); Брянская область (72,2%); Новгородская область (71,6%); Нижегородская область (71,2%); Республика Хакасия (70,8%); Калининградская область (69,5%); Челябинская область (69,2%); Республика Тыва (69,0%); Республика Адыгея (67,7%); Республика Ингушетия (67,6%); Иркутская область (67,1%); Тверская область (67,1%); Тульская область (66,5%); Новосибирская область (66,1%); Архангельская область без автономного округа (65,7%); Республика Карелия (65,6%); Приморский край (65,1%); Забайкальский край (65,0%); Красноярский край (64,7%); Кемеровская область – Кузбасс (64,1%); Кировская область (63,8%); Владимирская область (63,8%); Камчатский край (63,1%); Калужская область (62,0%); Ивановская область (60,2%); Республика Коми (60,2%).
Регионы со смешанным типом участия городского и сельского населения (от 40 до 60%)	4	Сахалинская область (58,8%); Еврейская автономная область (53,6%); Свердловская область (52,9%); Ленинградская область (52,1%).
Регионы с преобладанием городского населения в структуре возвратной трудовой миграции (от 0 до 39,9%)	9	Московская область (33,1%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (32,7%); г. Севастополь (22,9%); Ямало-Ненецкий автономный округ (22,2%); Ненецкий автономный округ (16,9%); Мурманская область (16,5%); Магаданская область (13,4%); г. Москва (0,0%); г. Санкт-Петербург (0,0%).

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Приложение 10

Группировка субъектов РФ по доле участия городского и сельского населения в структуре занятого населения региона, % от занятого населения, 2021 г.

Категория	Кол-во	Наименования региона (% возвратной трудовой миграции сельского населения в структуре занятого населения)
Высокая доля участия сельского населения в ВТМ (12,5 % и более)	13	Республика Марий Эл (16,9%); Чувашская Республика (16,8%); Липецкая область (15,5%); Орловская область (14,9%); Рязанская область (14,9%); Тамбовская область (14,6%); Белгородская область (14,5%); Брянская область (14,5%); Республика Калмыкия (14,5%); Республика Мордовия (14,4%); Ленинградская область (13,5%); Пензенская область (13,1%); Карачаево-Черкесская Республика (12,2%).
Умеренная доля участия сельского населения в ВТМ (от 3,9% до 12,4%)	59	Курская область (12,0%); Республика Северная Осетия – Алания (11,8%); Республика Крым (11,8%); Удмуртская Республика (11,5%); Республика Башкортостан (11,4%); Смоленская область (11,4%); Республика Адыгея (11,3%); Кабардино-Балкарская Республика (11,1%); Тульская область (10,9%); Тюменская область без автономных округов (10,8%); Астраханская область (10,7%); Тверская область (10,4%); Курганская область (10,3%); Костромская область (10,2%); Республика Бурятия (10,1%); Республика Хакасия (10,0%); Воронежская область (9,9%); Ульяновская область (9,8%); Оренбургская область (9,8%); Вологодская область (9,7%); Владимирская область (9,7%); Калининградская область (9,5%); Новгородская область (9,4%); Республика Алтай (9,3%); Калужская область (9,3%); Псковская область (9,0%); Ивановская область (8,6%); Ярославская область (8,6%); Республика Татарстан (8,2%); Ростовская область (7,9%); Омская область (7,8%); Саратовская область (7,7%); Ставропольский край (7,7%); Алтайский край (7,6%); Нижегородская область (7,6%); Пермский край (7,5%); Томская область (7,4%); Московская область (7,3%); Волгоградская область (7,3%); Кировская область (6,7%); Чеченская Республика (6,6%); Амурская область (6,2%); Еврейская автономная область (6,1%); Республика Дагестан (6,1%); Самарская область (6,1%); Иркутская область (6,0%); Краснодарский край (5,9%); Новосибирская область (5,8%); Республика Коми (5,7%); Забайкальский край (5,7%); Республика Тыва (5,7%); Архангельская область без автономного округа (5,4%); Челябинская область (5,3%); Республика Карелия (5,2%); Республика Ингушетия (5,1%); Республика Саха (Якутия) (4,6%); Кемеровская область – Кузбасс (4,4%); Приморский край (4,3%); Красноярский край (4,0%).
Низкая доля участия сельского населения в ВТМ (от 0 до 3,8%)	13	Свердловская область (3,7%); Хабаровский край (3,6%); Сахалинская область (3,5%); Камчатский край (2,5%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (1,3%); Мурманская область (1,0%); Ненецкий автономный округ (0,7%); Чукотский автономный округ (0,5%); Ямало-Ненецкий автономный округ (0,5%); Магаданская область (0,5%); г. Севастополь (0,3%); г. Москва (0,0%); г. Санкт-Петербург (0,0%).

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Приложение 11

Группировка субъектов РФ по удельному весу населения городской местности, участвующего в возвратной трудовой миграции, % от занятого населения городской местности

Категория	Кол-во	Наименования региона (% городских возвратных трудовых мигрантов в численности занятого городского населения)
Субъекты с низкой долей ВТМ (от 0 до 1,3%)	5	Чукотский автономный округ (0,2%); г. Санкт-Петербург (0,5%); Чеченская Республика (1,0%); г. Севастополь (1,2%); г. Москва (1,3%)
Субъекты с умеренной долей ВТМ (от 1,4% до 7,3%)	72	Хабаровский край (1,6%); Краснодарский край (1,7%); Камчатский край (1,8%); Республика Дагестан (1,8%); Республика Саха (Якутия) (2,0%); Удмуртская Республика (2,0%); Ямало-Ненецкий автономный округ (2,0%); Республика Татарстан (2,1%); Воронежская область (2,2%); Республика Северная Осетия – Алания (2,3%); Липецкая область (2,4%); Амурская область (2,4%); Республика Крым (2,4%); Оренбургская область (2,5%); Самарская область (2,5%); Вологодская область (2,5%); Красноярский край (2,7%); Алтайский край (2,7%); Тюменская область (без АО) (2,7%); Кабардино-Балкарская Республика (2,7%); Республика Бурятия (2,8%); Челябинская область (2,8%); Кемеровская область – Кузбасс (2,9%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (2,9%); Сахалинская область (2,9%); Ставропольский край (2,9%); Приморский край (3,0%); Курганская область (3,1%); Магаданская область (3,1%); Пермский край (3,2%); Омская область (3,2%); Карачаево-Черкесская Республика (3,3%); Ростовская область (3,3%); Саратовская область (3,3%); Республика Карелия (3,4%); Псковская область (3,4%); Волгоградская область (3,5%); Томская область (3,5%); Республика Башкортостан (3,5%); Архангельская область (без АО) (3,6%); Ярославская область (3,6%); Иркутская область (3,7%); Свердловская область (3,8%); Ульяновская область (3,8%); Новосибирская область (3,8%); Нижегородская область (3,9%); Астраханская область (4,0%); Республика Ингушетия (4,1%); Ненецкий автономный округ (4,3%); Республика Тыва (4,3%); Забайкальский край (4,3%); Республика Алтай (4,3%); Костромская область (4,4%); Белгородская область (4,8%); Кировская область (4,8%); Курская область (4,9%); Республика Коми (5,0%); Рязанская область (5,2%); Смоленская область (5,2%); Новгородская область (5,2%); Республика Мордовия (5,3%); Калининградская область (5,4%); Тамбовская область (5,5%); Мурманская область (5,6%); Пензенская область (5,9%); Орловская область (6,1%); Республика Хакасия (6,3%); Республика Калмыкия (6,6%); Тверская область (6,7%); Ивановская область (7,0%); Владимирская область (7,0%); Еврейская автономная область (7,2%)
Субъекты с высокой долей ВТМ (от 7,4% и выше)	8	Тульская область (7,5%); Калужская область (7,5%); Чувашская Республика (7,5%); Республика Марий Эл (8,1%); Брянская область (8,1%); Республика Адыгея (11,6%); Ленинградская область (18,7%); Московская область (18,8%)

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Приложение 12

Группировка субъектов РФ по удельному весу населения сельской местности, участвующего в возвратной трудовой миграции, % от занятого населения сельской местности

Категория	Кол-во	Наименования региона (% сельских возвратных трудовых мигрантов от численности занятого сельского населения)
Субъекты с низкой долей ВТМ (от 0 до 15,8%)	17	г. Санкт-Петербург (0,0%); г. Москва (0,0%); Чукотский автономный округ (2,0%); Ненецкий автономный округ (2,5%); Ямало-Ненецкий автономный округ (3,5%); г. Севастополь (4,0%); Камчатский край (11,6%); Чеченская Республика (12,3%); Республика Ингушетия (12,3%); Республика Дагестан (12,6%); Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (12,9%); Мурманская область (13,8%); Республика Алтай (14,0%); Республика Тыва (14,1%); Республика Саха (Якутия) (14,3%); Магаданская область (14,6%); Краснодарский край (14,7%)
Субъекты с умеренной долей ВТМ (от 15,9% до 39,8%)	51	Алтайский край (18,7%); Приморский край (19,5%); Хабаровский край (19,8%); Забайкальский край (20,0%); Красноярский край (20,3%); Республика Адыгея (21,3%); Еврейская автономная область (22,3%); Сахалинская область (22,4%); Карачаево-Черкесская Республика (22,5%); Ставропольский край (22,7%); Амурская область (22,8%); Республика Коми (23,5%); Томская область (24,1%); Республика Крым (24,3%); Архангельская область (без АО) (24,6%); Кабардино-Балкарская Республика (25,0%); Ростовская область (25,2%); Оренбургская область (25,8%); Новосибирская область (26,3%); Республика Калмыкия (27,0%); Республика Карелия (27,6%); Республика Бурятия (27,9%); Республика Хакасия (28,5%); Иркутская область (28,5%); Свердловская область (28,5%); Вологодская область (29,5%); Астраханская область (30,1%); Курганская область (30,3%); Челябинская область (30,5%); Удмуртская Республика (30,8%); Кировская область (30,8%); Омская область (30,9%); Тюменская область (без АО) (30,9%); Волгоградская область (31,2%); Самарская область (31,2%); Пермский край (32,4%); Саратовская область (32,6%); Республика Северная Осетия – Алания (32,9%); Новгородская область (33,3%); Московская область (33,4%); Воронежская область (33,9%); Республика Башкортостан (34,4%); Псковская область (34,6%); Кемеровская область – Кузбасс (35,4%); Нижегородская область (35,5%); Костромская область (35,7%); Курская область (35,8%); Тамбовская область (36,1%); Республика Татарстан (36,8%); Калужская область (38,0%); Белгородская область (38,9%)
Субъекты с высокой долей ВТМ (от 39,9% и выше)	17	Ярославская область (39,4%); Республика Мордовия (39,7%); Ленинградская область (40,0%); Ульяновская область (40,5%); Липецкая область (40,6%); Пензенская область (40,6%); Тульская область (41,2%); Калининградская область (41,3%); Смоленская область (41,6%); Тверская область (43,7%); Владимирская область (44,7%); Рязанская область (45,3%); Орловская область (45,5%); Брянская область (46,1%); Чувашская Республика (46,6%); Ивановская область (47,6%); Республика Марий Эл (51,7%)

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020. URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Приложение 13

Группировка субъектов РФ по полу, % от возвратной трудовой миграции региона работы

Категория	Кол-во	Наименования региона (% мужчин от численности возвратной трудовой миграции)
Субъекты с равной долей мужчин и женщин в структуре ВТМ (от 50 до 55,1%)	9	Республика Тыва (50,7%); Республика Алтай (51,1%); Чувашская Республика (53,8%); Карачаево-Черкесская Республика (54,0%); Орловская область (54,2%); Республика Адыгея (54,4%); Брянская область (54,5%); Республика Марий Эл (54,9%); Ивановская область (54,9%);
Субъекты с умеренным преобладанием мужчин в структуре ВТМ (от 55,2% до 69,4%)	65	Тульская область (55,1%); Кабардино-Балкарская Республика (55,8%); Республика Мордовия (56,4%); Республика Северная Осетия – Алания (56,6%); г. Санкт-Петербург (56,6%); Псковская область (56,8%); Владимирская область (56,8%); Тамбовская область (57,1%); Республика Крым (57,2%); Смоленская область (57,3%); Рязанская область (57,4%); Новгородская область (57,5%); Белгородская область (57,6%); Пензенская область (57,9%); Калужская область (58,0%); Ярославская область (58,2%); Ленинградская область (58,4%); Костромская область (58,5%); Астраханская область (58,5%); Липецкая область (58,6%); Курская область (58,6%); Ставропольский край (58,7%); Калининградская область (59,0%); Воронежская область (59,2%); Тверская область (59,2%); Кировская область (59,3%); Краснодарский край (59,4%); Ульяновская область (59,4%); Саратовская область (59,4%); Волгоградская область (59,5%); Нижегородская область (59,6%); Республика Калмыкия (59,7%); Республика Бурятия (59,8%); Ростовская область (59,9%); Республика Хакасия (60,1%); Удмуртская Республика (60,5%); Омская область (60,6%); Пермский край (60,7%); Алтайский край (61,1%); Курганская область (61,4%); Республика Башкортостан (61,4%); Московская область (61,4%); г. Москва (62,0%); Новосибирская область (62,1%); Республика Ингушетия (62,2%); Свердловская область (62,2%); Вологодская область (62,2%); Кемеровская область (62,8%); Челябинская область (62,9%); Самарская область (62,9%); Еврейская автономная область (62,9%); Республика Татарстан (63,1%); г. Севастополь (63,9%); Оренбургская область (64,0%); Томская область (64,3%); Республика Карелия (64,4%); Приморский край (64,6%); Иркутская область (65,9%); Республика Дагестан (66,0%); Хабаровский край (66,5%); Архангельская область (без АО) (66,6%); Сахалинская область (67,1%); Забайкальский край (67,9%); Чеченская Республика (69,1%)
Субъекты с высокой долей мужчин в структуре ВТМ (от 69,5% и выше)	12	Красноярский край (70,1%); Камчатский край (70,5%); Мурманская область (70,6%); Амурская область (72,7%); Республика Коми (72,7%); Республика Саха (75,0%); Тюменская область (без АО) (77,8%); НАО (80,5%); Чукотский автономный округ (84,0%); Магаданская область (84,3%); ХМАО (86,2%); ЯНАО (89,1%)

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020.

Приложение 14

Распределение возвратных трудовых мигрантов по полу и возрасту в структуре возвратных трудовых миграций, %, 2021

Субъект	Возрастные группы						
	15-19 лет	20-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60-69 лет	70 и старше
РФ	0,8	19,3	31,8	26,0	17,3	4,4	0,3
Центральный федеральный округ							
Белгородская область	0,7	18,2	32,2	26,5	17,7	4,4	0,3
Брянская область	0,8	20,2	32,2	25,4	17,3	3,9	0,2
Владимирская область	1,1	17,0	29,5	27,0	19,7	5,4	0,3
Воронежская область	0,9	22,2	31,4	24,5	16,9	3,7	0,3
Ивановская область	1,0	17,9	31,1	26,4	18,7	4,7	0,2
Калужская область	0,9	18,9	31,4	25,3	17,8	5,5	0,3
Костромская область	0,8	15,8	29,1	27,3	21,0	5,7	0,3
Курская область	0,9	20,4	30,1	24,9	19,0	4,6	0,2
Липецкая область	0,8	18,4	30,9	26,3	19,2	4,3	0,2
Московская область	0,7	15,9	30,1	27,6	19,3	6,0	0,5
Орловская область	0,8	19,5	31,4	25,5	17,5	5,0	0,3
Рязанская область	0,9	20,9	30,9	25,1	17,5	4,5	0,2
Смоленская область	0,9	18,2	31,3	25,1	18,9	5,3	0,3
Тамбовская область	0,9	20,5	29,7	25,1	19,1	4,5	0,2
Тверская область	1,1	18,1	31,0	25,5	18,8	5,2	0,3
Тульская область	0,8	18,2	31,4	26,5	17,3	5,3	0,4
Ярославская область	0,9	17,5	30,1	26,6	19,3	5,3	0,3
г. Москва	0,6	18,5	33,3	27,1	16,0	4,2	0,4
Северо-Западный федеральный округ							
Республика Карелия	0,8	15,9	32,6	29,7	16,6	4,0	0,3
Республика Коми	0,7	16,1	32,2	29,1	18,0	3,6	0,2
Архангельская область без а.о.	0,7	17,3	34,1	28,7	15,3	3,6	0,2
Ненецкий автономный округ	0,1	11,6	31,9	31,8	20,4	4,0	0,2
Вологодская область	1,0	18,9	33,5	25,0	17,4	4,0	0,2
Калининградская область	1,0	16,9	29,6	27,3	18,7	6,0	0,5
Ленинградская область	0,7	15,1	29,6	26,9	19,5	7,6	0,7
Мурманская область	0,8	19,5	32,8	26,7	15,4	4,3	0,4
Новгородская область	0,8	15,7	30,7	26,2	20,2	6,1	0,3
Псковская область	1,1	17,2	30,4	25,1	20,3	5,6	0,3
г. Санкт-Петербург	0,8	20,4	32,7	24,6	15,4	5,5	0,5
Южный федеральный округ							
Республика Адыгея	0,9	19,3	30,2	25,4	18,4	5,4	0,4
Республика Калмыкия	0,6	22,8	34,0	21,7	15,6	5,1	0,2
Республика Крым	1,1	19,1	31,6	26,1	17,2	4,6	0,3
Краснодарский край	0,9	20,0	31,7	26,8	16,4	3,9	0,3
Астраханская область	1,1	19,7	31,9	24,7	17,9	4,4	0,2
Волгоградская область	1,0	21,5	31,3	25,5	16,9	3,7	0,2
Ростовская область	1,0	21,0	31,8	25,5	16,2	4,2	0,3
г. Севастополь	1,4	23,9	31,8	23,7	14,8	4,1	0,4
Северо-Кавказский федеральный округ							

Республика Дагестан	1,0	22,1	33,0	22,6	16,1	4,7	0,5
Республика Ингушетия	0,6	23,8	33,1	22,3	15,2	4,7	0,3
Кабардино-Балкарская Республика	0,5	22,3	34,1	22,1	15,9	4,7	0,4
Карачаево-Черкесская Республика	0,7	22,1	33,3	22,9	16,0	4,6	0,4
Республика Северная Осетия – Алания	0,5	20,7	31,3	24,6	17,2	5,2	0,5
Чеченская Республика	1,1	27,1	34,4	21,9	12,1	3,3	0,2
Ставропольский край	0,9	20,9	32,5	25,7	15,8	3,9	0,2
Приволжский федеральный округ							
Республика Башкортостан	0,7	17,8	31,6	25,1	19,8	4,8	0,2
Республика Марий Эл	0,7	17,8	31,6	25,1	19,8	4,8	0,2
Республика Мордовия	0,7	19,9	29,3	24,2	21,2	4,4	0,2
Республика Татарстан	1,1	26,0	30,6	21,9	17,0	3,3	0,1
Удмуртская Республика	1,0	19,8	30,9	25,0	18,9	4,1	0,2
Чувашская Республика	0,9	19,4	26,2	25,6	22,7	5,0	0,2
Пермский край	1,0	20,2	32,3	26,0	16,9	3,4	0,1
Кировская область	0,9	15,8	28,7	27,1	21,9	5,4	0,2
Нижегородская область	0,9	19,9	31,7	25,2	17,7	4,3	0,2
Оренбургская область	1,1	20,3	31,6	25,2	17,9	3,7	0,2
Пензенская область	1,0	21,8	31,4	24,5	17,2	3,8	0,2
Самарская область	0,8	20,0	31,7	25,4	18,0	4,0	0,2
Саратовская область	1,1	22,8	32,1	24,0	16,4	3,5	0,2
Ульяновская область	0,8	20,4	29,2	24,7	20,4	4,3	0,2
Уральский федеральный округ							
Курганская область	1,0	15,3	29,2	27,8	21,6	4,9	0,2
Свердловская область	0,9	19,2	31,4	26,9	16,9	4,3	0,3
Тюменская область без а.о.	0,7	18,7	32,8	26,5	18,1	3,0	0,1
ХМАО	0,4	16,7	32,0	27,9	19,9	3,1	0,1
ЯНАО	0,3	13,9	32,6	31,2	19,5	2,4	0,1
Челябинская область	0,9	19,8	32,4	25,7	17,1	4,0	0,2
Сибирский федеральный округ							
Республика Алтай	1,0	21,3	35,8	25,9	12,0	3,8	0,1
Республика Тыва	0,6	27,0	37,6	22,0	10,9	1,8	0,1
Республика Хакасия	0,9	18,9	34,9	27,0	14,3	3,8	0,2
Алтайский край	1,3	19,3	30,6	28,1	16,6	3,9	0,2
Красноярский край	0,8	18,5	33,1	27,3	16,0	4,0	0,2
Иркутская область	1,0	20,2	35,1	25,7	14,5	3,4	0,2
Кемеровская область	0,8	17,5	32,4	27,7	17,0	4,3	0,3
Новосибирская область	1,4	19,8	32,2	26,7	15,5	4,2	0,3
Омская область	1,3	22,5	31,7	25,7	15,2	3,5	0,2
Томская область	0,8	18,0	32,9	27,2	16,6	4,2	0,3
Дальневосточный федеральный округ							
Республика Бурятия	1,2	20,5	36,8	24,9	13,2	3,2	0,1
Республика Саха	0,5	23,3	33,5	24,8	14,7	3,1	0,2
Забайкальский край	1,1	21,4	33,8	26,6	13,6	3,3	0,2
Камчатский край	0,7	17,9	31,5	27,6	16,7	5,0	0,6
Приморский край	1,0	18,8	30,2	26,6	17,5	5,4	0,4
Хабаровский край	1,1	18,4	31,8	27,1	16,4	4,9	0,3

Амурская область	1,1	20,0	33,0	26,9	15,3	3,6	0,1
Магаданская область	0,3	14,0	32,5	31,2	17,7	4,0	0,3
Сахалинская область	0,6	16,8	31,4	28,6	16,7	5,5	0,4
Еврейская автономная область	0,8	17,7	30,9	27,4	17,6	5,2	0,3
Чукотский автономный округ	0,3	12,6	31,7	31,4	19,5	4,4	0,2

Источник: рассчитано по данным всероссийской переписи населения-2020.

Приложение 15

Распределение возвратных трудовых мигрантов по доле участия возрастных групп в структуре возрастных групп занятого населения региона, %, 2021

Субъект	Доля возрастных групп возвратных трудовых мигрантов в структуре соответствующих возрастных групп занятого населения региона, %						
	15-19 лет	20-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60-69 лет	70 и более
Алтайский край	11,4	10,3	7,5	6,8	6,0	4,6	3,1
Амурская область	11,3	11,9	10,6	9,5	8,6	5,7	2,2
Архангельская область (без АО)	9,5	11,	9,2	7,6	7,0	4,5	2,7
Астраханская область	12,5	13,9	11,5	9,6	9,3	6,5	3,1
Белгородская область	16,2	19,9	17,5	15,7	13,9	10,3	7,2
Брянская область	15,6	16,9	13,7	11,5	10,7	7,8	4,3
Владимирская область	12,7	12,4	10,2	9,7	9,1	6,5	3,8
Волгоградская область	8,8	9,6	7,4	6,3	5,5	3,6	1,3
Вологодская область	13,0	15,0	11,9	9,5	9,1	7,0	4,3
Воронежская область	12,1	15,1	11,0	9,8	8,8	5,3	3,4
г. Москва	8,9	24,2	23,8	21,1	16,6	9,1	3,4
г. Санкт-Петербург	6,6	11,8	9,3	7,8	6,3	4,4	2,2
г. Севастополь	3,4	4,4	2,9	2,5	2,1	1,3	0,6
Еврейская автономная область	4,7	7,1	6,5	6,1	6,0	4,3	2,1
Забайкальский край	9,2	10,4	8,4	7,3	6,2	4,3	2,6
Ивановская область	12,2	12,5	10,2	8,6	7,9	6,5	3,5
Иркутская область	9,1	12,6	11,1	9,1	7,9	5,1	2,8
Кабардино-Балкарская Республика	4,8	12,4	11,5	9,3	8,1	7,0	4,0
Калининградская область	14,1	15,1	13,4	13,0	12,0	9,3	5,4
Калужская область	10,7	13,1	11,0	9,9	9,0	6,3	3,4
Камчатский край	5,6	9,1	7,6	7,3	6,3	4,2	3,2
Карачаево-Черкесская Республика	9,9	15,3	13,6	11,2	10,3	7,9	5,0
Кемеровская область	6,6	7,4	6,8	6,2	6,0	4,1	2,5
Кировская область	9,9	9,6	7,4	6,9	7,5	5,5	3,4
Костромская область	13,7	14,0	11,2	10,3	9,9	7,7	4,9
Краснодарский край	6,2	9,4	7,9	7,2	6,7	4,2	1,8
Красноярский край	6,4	8,6	7,6	6,8	6,1	4,2	2,4
Курганская область	11,2	9,7	8,3	7,6	7,5	5,6	3,3
Курская область	17,6	16,9	12,6	10,7	10,3	7,3	3,5
Ленинградская область	9,2	11,1	10,4	10,5	10,3	8,2	5,8
Липецкая область	16,7	16,9	14,4	13,1	12,4	9,0	4,6
Магаданская область	3,9	11,0	11,9	11,6	9,6	4,2	2,0
Московская область	9,0	13,7	13,0	13,3	13,3	9,0	5,0
Мурманская область	10,7	12,3	9,	8,3	7,4	5,0	4,3
Ненецкий автономный округ	2,2	11,3	14,9	17,0	17,8	8,0	4,6
Нижегородская область	11,6	14,3	11,5	9,9	9,0	6,2	2,9

Новгородская область	10,4	12,8	11,0	9,8	9,5	7,6	4,5
Новосибирская область	12,1	12,0	9,5	8,5	7,3	5,2	2,8
Омская область	10,8	10,3	6,9	5,9	4,8	3,2	1,7
Оренбургская область	11,3	11,1	8,5	7,4	7,2	5,2	2,9
Орловская область	18,9	18,1	14,5	12,2	11,0	8,7	5,8
Пензенская область	16,1	16,9	12,0	10,0	8,9	6,2	3,1
Пермский край	11,1	12,3	9,6	8,2	7,8	5,6	2,6
Приморский край	8,3	9,2	7,2	6,4	5,8	4,3	2,2
Псковская область	11,4	11,0	9,5	8,5	8,6	6,3	3,0
Республика Адыгея	7,4	9,3	8,1	7,5	7,3	6,1	3,7
Республика Алтай	13,9	14,6	11,7	9,	7,7	7,4	3,5
Республика Башкортостан	11,3	12,0	8,6	7,8	7,9	5,4	2,0
Республика Бурятия	13,5	13,2	11,3	9,1	7,7	5,5	2,5
Республика Дагестан	3,0	5,4	5,6	4,7	4,7	3,9	2,6
Республика Ингушетия	1,9	7,5	9,6	8,3	7,9	7,9	4,1
Республика Калмыкия	7,8	11,1	8,4	6,8	5,8	4,7	2,6
Республика Карелия	7,4	8,7	7,7	7,0	6,3	4,1	3,1
Республика Коми	10,6	14,0	12,2	11,1	11,3	6,3	3,7
Республика Крым	16,0	17,3	13,6	11,9	10,6	8,2	4,8
Республика Марий Эл	13,5	20,4	16,1	15,05	14,9	10,9	5,9
Республика Мордовия	13,7	14,5	11,0	9,	9,9	7,0	4,6
Республика Саха (Якутия)	6,4	14,5	13,0	11,9	10,0	5,1	3,0
Республика Северная Осетия – Алания	8,2	14,7	13,2	11,7	10,4	7,7	5,1
Республика Татарстан	13,3	16,5	10,1	8,8	8,7	5,6	2,7
Республика Тыва	8,2	11,1	8,6	6,9	5,9	4,4	2,0
Республика Хакасия	14,3	16,3	13,7	11,4	9,6	7,2	4,
Ростовская область	10,0	12,1	9,5	8,3	7,4	5,1	2,7
Рязанская область	16,1	20,7	15,4	12,8	11,2	7,9	3,8
Самарская область	8,4	11,4	8,9	7,6	7,2	4,5	1,7
Саратовская область	8,2	10,1	7,5	6,0	5,2	3,4	1,6
Сахалинская область	7,2	9,5	8,7	8,4	7,6	4,6	2,0
Свердловская область	7,1	9,1	7,6	7,0	6,5	4,5	2,3
Смоленская область	14,8	14,5	11,3	9,5	9,0	6,3	3,7
Ставропольский край	8,2	10,3	9,0	8,0	7,1	4,9	2,6
Тамбовская область	17,3	16,5	12,6	10,5	9,7	7,3	3,9
Тверская область	13,4	13,5	11,0	9,4	8,8	6,5	3,2
Томская область	8,9	11,5	10,7	9,6	8,8	5,8	2,6
Тульская область	13,6	14,8	12,4	10,4	9,5	6,7	4,2
Тюменская область (без АО)	18,4	26,7	22,7	19,6	20,9	12,1	5,6
Удмуртская Республика	12,3	14,5	11,3	9,9	10,1	7,3	4,3
Ульяновская область	11,7	13,3	9,2	8,7	8,2	5,3	2,5
Хабаровский край	3,8	7,4	6,9	6,5	5,9	4,0	1,8
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	22,7	38,0	34,9	31,5	36,3	22,3	12,0
Челябинская область	8,4	10,5	8,5	7,2	6,7	4,4	2,1
Чеченская Республика	2,4	7,6	7,9	7,1	6,3	5,2	2,8

Чувашская Республика	16,0	17,5	11,8	12,3	13,1	10,6	5,9
Чукотский автономный округ	4,4	9,3	11,4	12,2	10,1	4,9	1,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	2,5	6,6	7,4	8,6	8,0	3,6	1,9
Ярославская область	12,0	14,0	11,3	10,1	9,6	6,9	3,5

Источник: Рассчитано автором по данным всероссийской переписи населения-2020.
 Материалы из официального запроса

Приложение 16

Группировка регионов по упоминанию видов возвратной трудовой миграции в стратегиях социально-экономического развития регионов РФ, удельному весу возвратной трудовой миграции и экономическим последствиям, 2021 г.

	Доля возвратной трудовой миграции			Площадь, тыс. км ²	Доля сельского населения в общей численности населения региона, %	Среднемесячная начисленная з/п, руб.	в %, от доходной части консолидированного бюджета от доходов от НДФЛ			Упоминание в стратегии социально-экономического развития региона о:	
	Всего, % от занятого населения региона	Межрегиональная в структуре возвратной трудовой миграции, %	Внутрирегиональная в структуре возвратной трудовой миграции, %				МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ		ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ	МТМ	Вахта
							Привнесенный НДФЛ	Недополученный НДФЛ			
Центральный федеральный округ											
Белгородская обл.	17,5	12,5	87,5	27,1	32,28	41775	1,02	5,60	21,53	Нет	Нет
Брянская обл.	20,1	40	60	34,9	29,41	35582	0,61	34,87	20,26	Да/Нейтрально	Нет
Владимирская обл.	15,2	41,9	58,1	29,1	21,83	39550	1,37	24,05	14,33	Да/Негативно	Нет
Воронежская обл.	11,5	19,3	80,7	52,2	31,89	40830	1,68	7,72	16,33	Да/Положительно	Нет
Ивановская обл.	14,4	39,0	61,0	21,4	18,11	32403	0,65	25,97	15,30	Да/Негативно	Да/Нейтрально
Калужская обл.	15,0	39,5	60,5	29,8	24,11	48837	1,56	17,94	15,09	Да/Нейтрально	Нет
Костромская обл.	13,4	25,6	74,4	60,2	26,62	35967	0,92	8,14	11,78	Нет	Нет
Курская обл.	15,3	30,0	70,0	30,0	31,21	40292	1,30	13,02	14,67	Нет	Нет
Липецкая обл.	17,0	23,5	76,5	24,0	35,45	40188	0,86	11,98	20,09	Да/Нейтрально	Нет
Московская обл.	22,0	67,1	32,9	44,3	18,47	64041	9,06	41,13	11,59	Да/Негативно	Нет
Орловская обл.	19,0	34,4	65,6	24,7	33,34	35754	0,80	25,48	19,50	Нет	Нет
Рязанскую область	18,4	28,5	71,5	39,6	27,80	40631	0,91	15,67	17,20	Нет	Нет
Смоленская обл.	15,2	35,6	64,4	49,8	27,82	36529	0,59	18,54	13,56	Нет	Нет
Тамбовская обл.	17,9	37,8	62,2	34,5	38,29	34438	0,60	30,78	19,12	Нет	Нет
Тверская обл.	15,5	40,4	59,6	84,2	23,67	40286	0,92	19,04	13,14	Нет	Нет
Тульская обл.	16,4	37,4	62,6	25,7	25,40	44726	1,05	21,20	17,19	Нет	Нет
Ярославская обл.	11,4	17,0	83,0	36,2	18,58	41209	1,10	4,71	11,41	Нет	Нет

г. Москва	1,3	79,7	20,3	2,6	1,75	112768	15,65	0,31	0,15	-	-
Северо-Западный федеральный округ											
Респ. Карелия	8,0	22,5	77,5	180,5	18,52	49553	0,79	2,80	7,37	Нет	Нет
Респ. Коми	9,5	15,3	84,7	416,8	21,53	60769	3,24	1,69	8,05	Нет	Нет
НАО	3,9	24,3	75,7	176,8	25,33	95705	12,10	0,66	3,08	Нет	Да/Положительно
Архангельская обл. (без АО)	8,2	16,4	83,6	413,1	21,26	57979	1,31	1,63	7,22	Нет	Нет
Вологодская обл.	11,4	11,7	88,3	144,5	27,13	45463	0,74	2,19	11,13	Нет	Нет
Калининградская обл.	13,7	8,4	91,6	15,1	22,25	41563	0,53	1,81	14,42	Нет	Нет
Ленинградская обл.	25,9	68,5	31,5	83,9	32,84	52749	3,58	40,55	12,94	Да/Положительно	Нет
Мурманская обл.	6,2	11,1	88,9	144,9	7,95	76565	2,83	0,52	4,99	Нет	Нет
Новгородская обл.	13,2	29,1	70,9	54,5	28,14	39206	1,06	9,09	12,33	Нет	Нет
Псковская обл.	11,5	27,4	72,6	55,4	28,86	35369	0,58	9,80	13,05	Нет	Нет
г. Санкт-Петербург	0,5	93,7	6,3	1,4	0,0	76259	7,95	0,47	0,04	Да/Нейтрально	Нет
Южный федеральный округ											
Респ. Адыгея	16,8	59,6	40,4	7,8	52,96	36001	2,24	28,26	15,03	Да/Нейтрально	Нет
Респ. Калмыкия	17,5	61,8	38,2	74,7	53,57	33030	1,40	67,17	16,48	Нет	Нет
Респ. Крым	13,0	11,1	88,9	26,1	49,26	38158	1,45	3,51	19,03	Да/Нейтрально	Нет
Краснодарский край	6,9	16,1	83,9	75,5	44,09	43510	2,97	3,36	11,63	Да/Негативно	Нет
Астраханская обл.	13,3	26,8	73,2	49,0	33,66	42096	1,22	10,36	17,14	Нет	Нет
Волгоградская обл.	9,9	82,9	17,1	112,9	22,37	39031	0,92	15,06	11,27	Нет	Нет
Ростовская обл.	10,1	20,3	79,7	101,0	31,92	39291	0,97	6,76	13,92	Нет	Нет
г. Севастополь	1,4	85,2	14,8	0,9	5,78	40145	3,30	2,62	0,37	Да/Негативно	Нет
Северо-Кавказский федеральный округ											
Респ. Дагестан	7,0	31,2	68,8	50,3	54,67	31859	0,33	9,62	9,27	Да/Нейтрально	Нет
Респ. Ингушетия	7,5	6,1	93,9	3,1	44,23	31362	6,00	2,46	19,42	Нет	Да/Положительно
Кабардино-Балкарская Респ.	12,6	22,1	77,90	12,5	48,00	31712	0,79	19,96	32,82	Нет	Нет

Карачаевская Республика	13,7	17,9	82,10	14,3	57,09	32846	1,86	11,56	29,81	Нет	Нет
Республика Северная Осетия-Алания	13,3	14,5	85,5	8,0	35,77	32999	1,77	6,14	23,99	Да/Негативно	Нет
Республика Чеченская	7,1	11,3	88,7	16,2	61,97	31291	2,10	4,40	15,58	Нет	Нет
Ставропольский край	9,6	21,4	78,6	66,2	40,66	37387	1,57	10,01	19,98	Да/Нейтрально	Нет
Приволжский федеральный округ											
Республика Башкортостан	13,7	39,4	60,6	142,9	37,10	42848	0,62	20,00	18,64	Нет	Нет
Республика Марий Эл	22,3	32,8	67,2	23,4	32,02	35497	1,14	26,03	26,20	Нет	Нет
Республика Мордовия	17,8	44,4	55,6	26,1	35,55	34499	0,99	40,86	19,18	Да/Нейтрально	Да/Нейтрально
Республика Татарстан	9,8	10,9	89,1	67,8	23,15	45800	2,20	2,57	14,54	Нет	Нет
Удмуртская Республика	12,8	21,2	78,8	42,1	33,70	39791	0,93	6,21	14,18	Да/Нейтрально	Нет
Чувашская Республика	21,6	42,7	57,3	18,3	35,81	35799	0,77	41,23	23,29	Нет	Нет
Пермский край	10,0	16,1	83,9	160,2	24,11	46267	0,69	3,57	12,75	Нет	Нет
Кировская обл.	10,4	33,5	66,5	120,4	21,35	36143	0,53	9,66	9,83	Нет	Нет
Нижегородская обл.	10,6	11,4	88,6	76,6	20,13	41369	1,02	2,71	10,82	Нет	Нет
Оренбургская обл.	11,3	32,6	67,4	123,7	38,93	38357	0,70	10,95	12,27	Нет	Нет
Пензенская обл.	17,0	38,2	61,8	43,4	30,82	36031	0,65	28,65	18,77	Да/Нейтрально	Нет
Самарская обл.	8,1	13,1	86,9	53,6	20,34	42771	1,65	2,91	11,66	Нет	Нет
Саратовская обл.	10,3	39,9	60,1	101,2	24,15	37408	0,64	17,69	11,51	Нет	Нет
Ульяновская обл.	12,7	35,3	64,7	37,2	23,62	36126	1,14	13,99	12,62	Да/Негативно	Нет
Уральский федеральный округ											
Курганская обл.	12,3	39,0	61,0	71,5	37,48	36188	0,44	11,86	10,89	Нет	Нет
Свердловская обл.	7,0	11,5	88,5	194,2	14,81	48590	1,13	1,49	8,12	Нет	Нет
ХМАО	3,9	32,7	67,3	534,8	7,28	85447	8,59	0,98	2,61	Нет	Да/Нейтрально
ЯНАО	2,2	39,5	60,5	769,3	14,17	116376	12,10	0,30	0,84	Да/Положительно	Да/Положительно
Тюменская область (без АО)	12,6	17,3	82,7	160,1	31,92	55270	16,56	4,51	14,01	Нет	Нет
Челябинская обл.	7,6	14,9	85,10	88,6	17,35	43781	1,40	2,13	8,02	Нет	Нет

Сибирский федеральный округ											
Респ. Алтай	10,8	22,4	77,6	92,9	70,86	39806	2,71	5,20	10,56	Нет	Нет
Респ. Тыва	8,3	9,9	90,1	168,6	45,10	46084	1,00	2,09	13,36	Нет	Нет
Респ. Хакасия	14,1	23,9	76,1	61,6	29,86	47817	2,35	7,21	16,67	Да/Положительно	Да/Положительно
Алтайский край	9,2	26,1	73,9	168,0	42,57	33872	0,42	6,85	10,02	Да/Положительно	Нет
Красноярский край	6,1	14,4	85,6	2366,80	22,11	60608	2,39	1,33	7,56	Нет	Да/Нейтрально
Иркутская обл.	8,9	10,4	89,6	774,8	22,04	55209	2,11	1,55	10,50	Да/Нейтрально	Да/Негативно
Кемеровская обл. – Кузбасс	6,9	13,4	86,6	95,7	13,92	48313	0,47	1,99	9,79	Нет	Нет
Новосибирская обл.	8,8	13,7	86,3	177,8	20,63	46167	1,22	2,06	8,81	Да/Нейтрально	Нет
Омская обл.	10,2	41,4	58,6	141,1	26,95	41152	0,48	11,08	9,19	Да/Нейтрально	Нет
Томская обл.	9,8	17,0	83,0	314,4	27,77	50955	1,90	3,08	11,23	Нет	Да/Негативно
Дальневосточный федеральный округ											
Респ. Бурятия	11,9	23,2	76,8	351,3	40,89	45610	1,20	6,80	15,14	Нет	Да/Положительно
Респ. Саха (Якутия)	5,9	5,1	94,9	3083,5	33,04	84472	7,71	0,34	7,70	Нет	Да/Положительно
Забайкальский край	8,8	22,1	77,9	431,9	31,32	52216	1,31	3,28	9,47	Нет	Да/Негативно
Камчатский край	3,9	6,0	94,0	464,3	21,05	93880	3,16	0,15	3,41	Нет	Нет
Приморский край	6,7	11,1	88,9	164,7	22,49	55615	0,78	1,01	6,57	Да/Нейтрально	Нет
Хабаровский край	4,9	12,3	87,7	787,6	17,79	58786	2,39	0,82	4,85	Нет	Нет
Амурская обл.	8,0	11,3	88,7	361,9	31,95	59098	3,20	1,20	8,39	Нет	Нет
Магаданская обл.	3,5	22,3	77,7	462,5	3,86	112852	8,64	0,80	2,93	Нет	Да/Нейтрально
Сахалинская обл.	6,0	4,9	92,5	87,1	17,30	94285	2,95	0,25	7,18	Нет	Да/Негативно
Еврейская автономная обл.	11,3	55,6	44,4	36,3	31,88	50075	1,69	11,79	7,76	Нет	Нет
Чукотский автономный округ	0,7	23,0	77,0	721,5	28,06	130738	9,58	0,09	0,57	Нет	Да/Нейтрально

Источник: Составлено по Стратегиям социально-экономического развития соответствующих регионов; Данным Министерства Финансов Российской Федерации, Данные Всероссийской переписи населения-2020; статистическому сборнику «Регионы России», бюллетени «Численность и миграция населения в Российской Федерации», данные Федеральной государственной службы статистики «Рынок труда, занятость и заработная плата», расчеты автора

Приложение 17

Классификация зарубежных мер регулирования возвратной трудовой миграции

Основание	Классификация	Примеры
По уровню	Уровень территории	<p>Концепция “Transit-oriented development” лежит в основе градостроительной политики ряда городов (например, Лондон, Сан-Франциско), которая представляет собой многофакторный подход к городскому планированию, учитывающий взаимосвязи элементов городской среды для создания устойчивой, комфортной и доступной для всех групп населения городской среды. В рамках данной концепции, регулирование маятниковой трудовой миграции реализуется через следующие стратегические направления:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Приоритетное размещение жилых и деловых зон в непосредственной близости от станций общественного транспорта. - Сбалансированное развитие центральных и периферийных районов, которое заключается в создании условий для снижения зависимости от автомобильного транспорта путем развития инфраструктуры в периферийных зонах и стимулирования альтернативных видов передвижения. - Повышение эффективности и привлекательности общественного транспорта, которое выражается в разработке и внедрении интегрированной системы общественного транспорта, обеспечивающей удобство и доступность для всех пассажиров. - Улучшение условий труда для лиц, осуществляющих маятниковую миграцию: Предоставление дополнительных удобств для сотрудников, имеющих длительные поездки на работу, таких как душевые, гардеробные и кладовые
	Уровень работодателя	Управление парковочными местами: Программа реализует меры по оптимизации парковочного пространства, направленные на повышение эффективности его использования и сокращение потребности в личном автомобиле.
	Уровень домохозяйства	Практика карпулинга (carpooling) подразумевает совместное использование транспортного средства (обычно автомобиля) группой сотрудников для поездок на работу. В некоторых странах (например, Канада, г. Оттава) Министерство транспорта предоставляет льготные парковочные места или другие стимулирующие меры для участников программ карпулинга, способствуя снижению транспортной нагрузки и улучшению эффективности использования дорожно-транспортной инфраструктуры. Психологическое сопровождение возвратных трудовых мигрантов, находящихся вдали от дома. Оказывается поддержка и консультирование при депрессии и тревоге, а также при возникновении семейных проблем.
По объекту воздействия	Транспортные системы	В целях оптимизации транспортного потока и снижения транспортной нагрузки применяются следующие меры: выделение дополнительных полос движения исключительно для общественного транспорта или для автомобилей с несколькими пассажирами (карпулинг), сокращение количества парковочных мест для личных автомобилей, улучшение частоты, пропускной способности и скорости работы общественного транспорта путем интеграции региональных транспортных сообщений, модернизации состояния общественного транспорта и оптимизации маршрутов с учетом потребностей пользователей. Кроме того, активно внедряются системы “умных” светофоров, регулирующих транспортный поток в зависимости от загруженности дороги.
	Городская среда и жилищн	Осуществляется строительство жилых комплексов в непосредственной близости от станций общественного транспорта и создание зелёных зон, парков и улучшение пешеходной инфраструктуры.

	ое строите льство	
	Поведение и здоровье индивида	Производится стимулирование сотрудников использовать велосипедный транспорт. Кроме того, проводится информирование сотрудников о затратах времени и денежных средств на поездку на работу и обратно, что способствует рациональному выбору способа передвижения.
	Экология	В целях снижения выбросов вредных веществ в атмосферу и стимулирования экологически чистых видов транспорта, вводятся ограничения на выбросы и поощряется использование электромобилей.
По субъекту управления	Органы законодательной власти различного уровня	Генеральный план развития города – это документ долгосрочного планирования, охватывающий жилищное строительство, транспортную сеть, экономику, окружающую среду и социальные аспекты. В контексте маятниковой трудовой миграции план предполагает развитие общественного транспорта, направленное на повышение его доступности и снижение зависимости от личного автотранспорта. Также предусматривается создание компактных жилых районов вокруг транспортных узлов (напр. Сан-Франциско).
	Образовательные организации	В ряде университетов США и Европы разработаны специальные программы, направленные на поддержку студентов, проживающих за пределами университетского городка. Эти программы включают в себя: - Предоставление скидок на проезд в пригородном транспорте или компенсация стоимости проезда. - Создание безопасных и удобных велосипедных дорожек и парковок, программы аренды велосипедов и другие меры, направленные на популяризацию велосипедного транспорта. - Разработка онлайн-платформ для поиска попутчиков для совместных поездок на автомобиле, предоставление специальных парковочных мест для участников карпулинга (напр. University of California).
	Работодатель	Гибридный график работы. Введение данного графика работы предполагает выполнение трудовых обязанностей частично из дома, частично из офиса.
По типу воздействия	Прямые	Одним из примеров прямой меры регулирования движения является проведение мероприятий, в рамках которых в определенные дни ограничивается движение на личных автомобилях, и, одновременно, предоставляется бесплатный проезд в общественном транспорте. (напр. «Journée sans voiture» в Париже).
	Косвенные	В некоторых странах (напр. США и Канада) существуют программы, предлагающие налоговые льготы для работников, совершающих трудовые пригородные поездки или поездки в отдаленную местность. Такие льготы позволяют работнику и работодателю не уплачивать часть налоговой ставки, что позволяет им экономить.
	Поведенческие	Данная группа мер включает в себя несколько подходов. – Подталкивание («nudging»). Этот подход фокусируется на небольших изменениях в окружающей среде, которые стимулируют желаемое поведение без прямого принуждения. Например, размещение велосипедных парковок ближе к входу, чем парковочных мест для автомобилей, побуждает работников выбирать велосипед. – Социальные нормы. Люди склонны подстраиваться под поведение своих окружения. Для продвижения альтернативных способов передвижения, таких как общественный транспорт, используется трансляция информации о современных и ответственных гражданах, которые уже выбрали экологичные способы. Это может включать рекламные щиты, видеоролики и другие формы коммуникации, демонстрирующие преимущества общественного транспорта.

		<p>– Непринятие потерь (“loss aversion”). Этот подход основан на том, что люди более чувствительны к потерям, чем к выгодам. Например, для стимулирования перехода на общественный транспорт можно акцентировать внимание на негативных последствиях использования автомобиля, таких как потеря времени в пробках, дополнительные затраты на топливо, загрязнение окружающей среды и усугубление пробок. Вместо того, чтобы подчеркивать выгоды от использования общественного транспорта, фокус делается на “потерях”, связанных с использованием автомобиля.</p> <p>– Использование цифровых средств (gamification). Этот подход использует возможности цифровых технологий для изменения поведения людей. В рамках использования цифровых средств создаются игры и приложения, которые мотивируют пользователей на желаемое поведение с помощью заданий, награждений, таблиц лидеров и коммуникации внутри приложения для взаимной поддержки.</p>
По цели	Нивелировать последствия	Меры регулирования, которые поощряют использование альтернативных способов перемещения (велосипедов, электромобилей, общественного транспорта), для сокращения траффика и вредных выбросов.
	Управление объемами и потоками	Этот подход предполагает введение платы за въезд в город или район, чтобы ограничить движение автомобилей и снизить транспортную нагрузку. Классическим примером является система “Congestion Charge” в Лондоне, которая взимает плату с автомобилей, въезжающих в центральную часть города. Такая мера не только снижает поток въезжающих автомобилей, но и мотивирует использовать альтернативные виды транспорта, а также пополняет муниципальный бюджет.

Источник: составлено автором по Zuo et al., 2024; Zimmermann et al., 2024; Franssens et al., 2021; Taale et al., 2022; Reindl et al., 2023; Whillans et al., 2021; Aravind et al., 2024; Biggar, 2019; Ek et al., 2021; Hidalgo-González et al., 2022; Pantelaki et al., 2024; City of Ottawa / Employee commuting programs //URL: <https://ottawa.ca/en/parking-roads-and-travel/employee-commuting-programs#section-e4c446f8-ec45-47cf-9934-f300a7255d4c>; City Plan 2036. Shaping the future City// City of London Corporation. URL: <https://democracy.cityoflondon.gov.uk/documents/s103835/Appendix%201%20Draft%20Plan.pdf>; Transportation // San Francisco General Plan. URL: <https://generalplan.sfplanning.org/>; Commuter Support & Programs // University of California URL: <https://commuterstudents.ucla.edu>; Why a Car Free Day in Paris / Paris sans voiture // URL: <https://www.parissansvoiture.org/>; Commuter tax benefit / Great Mercer TMA // URL: <https://gmtma.org/commuter-tax-benefit/>; Congestion Charge in London/ Visit London. Official Visitor Guide // URL: <https://www.visitlondon.com/traveller-information/getting-around-london/congestion-charge>; FIFO Relationship Problems// Vision Counselling. URL: <https://www.visioncounselling.com.au/fifo-relationship-problems/>

Приложение 18

Удельный вес возвратных трудовых мигрантов выезжающих из Вологодской области для работы в другие субъекты РФ и удельный вес возвратных трудовых мигрантов, въезжающих в Вологодскую область, % от соответствующего потока, 2021 г.

Субъект	Возвратные трудовые мигранты Вологодской области, выезжающие на работу в другие субъекты, % от потока	Возвратные трудовые мигранты, проживающие в других регионах, приезжающие работать в Вологодскую область, % от потока
Центральный федеральный округ		
Белгородская область	0,10	0,80
Брянская область	0,10	0,23
Владимирская область	0,49	0,34
Воронежская область	0,20	1,07
Ивановская область	0,51	1,23
Калужская область	0,37	0,42
Костромская область	1,06	3,68
Курская область	0,08	0,31
Липецкая область	0,10	0,23
Московская область	9,00	2,11
Орловская область	0,02	0,15
Рязанская область	0,12	0,42
Смоленская область	0,06	0,46
Тамбовская область	0,04	0,31
Тверская область	0,71	3,60
Тульская область	0,22	0,65
Ярославская область	5,53	13,82
г. Москва	15,63	1,57
Северо-Западный федеральный округ		
Республика Карелия	2,02	1,42
Республика Коми	2,73	2,53
Ненецкий автономный округ	0,27	0,00
Архангельская область без АО	15,34	13,71
Калининградская область	0,31	0,65
Ленинградская область	11,02	3,45
Мурманская область	3,49	1,07
Новгородская область	0,86	1,11
Псковская область	0,18	0,54
г. Санкт-Петербург	16,83	2,91
Южный федеральный округ		
Республика Адыгея	0,02	0,15
Республика Калмыкия	0,02	0,15
Республика Крым	0,39	0,23
Краснодарский край	1,16	2,76
Астраханская область	0,04	0,96
Волгоградская область	0,71	4,02
Ростовская область	0,47	2,22
г. Севастополь	0,14	0,08
Северо-Кавказский федеральный округ		

Республика Дагестан	0,12	2,34
Республика Ингушетия	0,00	0,00
Кабардино-Балкарскую Республика	0,00	0,31
Карачаево-Черкесская Республика	0,00	0,04
Республика Северная Осетия - Алания	0,08	0,04
Чеченская Республика	0,10	0,38
Ставропольский край	0,20	1,53
Приволжский федеральный округ		
Республика Башкортостан	0,10	4,63
Республика Марий Эл	0,02	0,31
Республика Мордовия	0,02	0,15
Республика Татарстан	0,22	0,65
Удмуртская Республика	0,08	1,19
Чувашская Республика	0,10	0,57
Пермский край	0,29	2,14
Кировская область	0,49	2,11
Нижегородская область	0,86	1,11
Оренбургская область	0,06	1,11
Пензенская область	0,02	0,23
Самарская область	0,18	0,77
Саратовская область	0,12	1,15
Ульяновская область	0,08	0,46
Уральский федеральный округ		
Курганская область	0,00	0,04
Свердловская область	0,27	1,42
ХМАО	0,25	0,08
ЯНАО	1,77	0,04
Тюменская область без АО	1,08	0,73
Челябинская область	0,18	2,07
Сибирский федеральный округ		
Республика Алтай	0,02	0,08
Республика Тыва	0,00	0,00
Республика Хакасия	0,00	0,08
Алтайский край	0,10	0,73
Красноярский край	0,27	0,42
Иркутская область	0,51	0,23
Кемеровская область - Кузбасс	0,06	0,42
Новосибирская область	0,10	0,38
Омская область	0,06	2,11
Томская область	0,04	0,15
Дальневосточный федеральный округ		
Республика Бурятия	0,06	0,31
Республика Саха(Якутия)	0,69	0,04
Забайкальский край	0,14	0,11
Камчатский край	0,14	0,00
Приморский край	0,14	0,00
Хабаровский край	0,25	0,04

Амурская область	0,25	0,00
Магаданская область	0,08	0,00
Сахалинская область	0,10	0,00
Еврейская автономная область	0,00	0,00
Чукотский автономный округ	0,02	0,00

Источник: Рассчитано автором по данным всероссийской переписи населения-2020.